

ЦЕНТР ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВА
Національної академії наук України
і
Українського товариства охорони
пам'яток історії та культури

ПРАЦІ ЦЕНТРУ ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВА

Збірник наукових праць

Випуск 23

Київ–2013

Центр пам'яткознавства Національної академії наук України
і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури

*Рекомендовано до друку Вченою радою
Центру пам'яткознавства НАН України та УТОПІК
(протокол № 6 від 11 червня 2013 р.)*

Редакційна колегія

О.М. Титова (*головний редактор*), **В.І. Акуленко**, **Л.О. Гріффен**,
Т.В. Кара-Васильєва, **Б.В. Колосок**, **В.О. Константинов**, **С.І. Кот**,
С.Д. Крижицький, **А.А. Непомнящий**, **М.Т. Пархоменко**, **В.І. Попик**,
С.І. Посохов, **Л.В. Прибсга**, **Н.М. Сенченко**, **Д.В. Степовик**,
Ю.Г. Тютюнник, **О.В. Шуба**, **С.Ю. Зозуля** (*відповідальний секретар*)

Видання зареєстровано Міністерством юстиції України
(свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації –
серія КВ № 16073–4545Р від 21.12.2009 р.)

П70 Праці Центру пам'яткознавства: Зб. наук. пр. / О. М. Титова (гол. ред.),
В. І. Акуленко, Л. О. Гріффен [та ін.] ; Центр пам'яткознавства НАН
України і УТОПІК. Вип. 23. – К. : Центр пам'яткознавства НАН України і
УТОПІК, 2013. – 232 с.

Двадцять третій випуск «Праць Центру пам'яткознавства» пропонує фахівцям із пам'яткознавства, музеєзнавства, історикам, а також широкому колу небайдужих до проблем збереження й вивчення культурної спадщини України читачів низку теоретичних і прикладних матеріалів, присвячених означеній проблематиці. Видання розраховане як на спеціалістів – пам'яткознавців, музейників, істориків, так і на широке коло читачів, які цікавляться пам'яткознавчою та музейницькою проблематикою.

ББК63.2(4УКР)л6.я43+79.0(4Укр)л6.я43
УДК[930.2+069](477)(06)

Содержание

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ 5

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ

Н. З. Лепсевич История Севастопольской
Морской библиотеки на страницах журнала
«Морской сборник» 7

Э. Ю. Локтионов Памятные книжки –
разновидность книжной продукции
(на примере Таврической губернии) 20

Д. А. Ломакин Мусульманские памятники
Старого Крыма XIII – XV века:
современное состояние 30

А. А. Непомнящий В. В. Латышев:
опыт каталогизации крымских
эпиграфических памятников 51

О. В. Хлівнюк Внесок Центральних державних
реставраційних майстерень до справи
пам'яткоохоронної роботи в Криму в 20-х –
на початку 30-х років ХХ століття 62

ЦЕРКОВНОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

Э. С. Ищенко К истории православных
культовых сооружений, приписанных к собору
Св. Александра Невского в Симферополе 83

В. В. Калиновський Архієпископ
Інокентій (Борисов) – організатор
відновлення православних святинь Криму 93

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

В. В. Акімченков Севастопольське музейне
об'єднання (1928–1940): заснування
та діяльність 106

М. А. Холонина К истории подготовки СССР
к Всемирной парижской выставке 1925 года .. 117

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

- С. Н. Авсенёва* Проблема сохранения памятников Керчи в трудах путешественников конца XVIII – первой половины XIX века..... 126
- Н. В. Кармазина* Памятниковедческая деятельность ученых архивных комиссий на Юге Украины в последней четверти XIX – начале XX веков 142
- А. А. Соколов* Руйнування і охорона археологічних пам'яток у Криму (кінець 40-х – 60-ті рр. XX ст.)..... 155

ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ

- К. И. Нагорняк* Новые документы по истории памятникоохранной деятельности в Крыму: Бахчисарайский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины..... 167
- А. В. Севастьянов* Ленинградское эхо крымского конфликта: новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30-х гг. XX в. 178
- Ш. Э. Сейт-Маметов* Переписка крымских беев с турецким правительством как источник по истории Крымского ханства (по материалам архива Торкарі)..... 206
- Д. В. Яшин* Дорадянські документальні листівки як джерело з вивчення втраченої містобудівної спадщини Криму (1895–1917) .. 215

АВТОРЫ 228

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 230

23 выпуск «Праць Центру пам'яткознавства» составили материалы II Всеукраинской научно-практической конференции «Актуальные проблемы охраны и использования культурного наследия в Крыму», которая проводилась 23 апреля 2013 года в Симферопольском городском совете и была приурочена к Международному дню памятников и исторических мест.

Проведение конференции инициировано Заслуженным деятелем науки и техники Автономной Республики Крым, основателем научной школы по изучению биобиблиографии крымоведения, доктором исторических наук, руководителем Крымского отделения Центра памятниковедения НАН Украины и УООПИК, профессором кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского А. А. Непомнящим. Представленный сборник во многом является презентацией современных штудий научной школы профессора А. А. Непомнящего.

Организаторы мероприятия – Университет экономики и управления, Крымская республиканская организация Национального союза краеведов Украины, Крымская республиканская организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Крымское отделение Центра памятниковедения НАН Украины и УООПИК, Республиканский комитет АР Крым по охране культурного наследия, КРУ «Научно-исследовательский центр памятникоохранных исследований АР Крым».

Главная цель конференции – популяризация историко-культурного наследия Крыма среди учащейся молодежи, привлечение ее к проблемам охраны и эффективного использования памятников истории и культуры полуострова. Крым является музеем под открытым небом по многообразию объектов культурного наследия, которое важно сохранить для потомков, можно гордиться и эффективно использовать для развития туристической индустрии полуострова.

Открыли пленарное заседание конференции председатель Постоянной комиссии Верховной Рады Автономной Республики Крым по санаторно-курортному комплексу, туризму и предпринимательству Алексей Черняк, заместитель Симферопольского городского головы Илья Глазков, начальник отдела охраны культурного наследия и рекреации Сергей Павличенко. Присутствующие заслушали выступление первого заместителя председателя Республиканского комитета Автономной Республики Крым по охране культурного наследия Наталии Гриненко

о культурном наследии Крыма как части государственной политики Украины и новых направлениях деятельности Рескомитета.

В мероприятии приняли участие краеведы, работники музейных учреждений, аспиранты и студенты Киева, Луганска, Одессы, Ровно, Симферополя, Севастополя. Участники представили свои исследования в следующих направлениях: современное состояние охраны и пути эффективного использования объектов культурного наследия в Крыму; памятники архитектуры Крыма; увековечивание страниц истории Крыма; вклад выдающихся деятелей науки и культуры Крыма в дело сохранения культурного наследия, история памятникоохранительной деятельности в Крыму.

Все доклады были интересны, актуальны и практически значимы. Свои исследования участники конференции представили в форме мультимедийных презентаций. Работы отличались разнообразием привлеченных архивных источников и методологических приемов, широким кругом литературы, использованной в ходе их подготовки, а также – содержательностью и четкой структурой изложения материала. Участники конференции получили возможность не только представить свои научные изыскания, но и познакомиться с опытом коллег.

Как отметила во вступительном слове проректор Университета экономики и управления, председатель Крымской республиканской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры, кандидат исторических наук, доцент Наталья Кармазина: «Приобщение подрастающего поколения к актуальным проблемам культурного наследия сегодня крайне важно. Решение проблем памятникоохранительной сферы возможно лишь в условиях комплексного подхода к ним представителей органов власти, ученых, общественности и, прежде всего, молодежи».

Редакционная коллегия

Раздел I

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ

УДК [02(09)(477.75)]:070

Н. З. ЛЕПИСЕВИЧ

История Севастопольской Морской библиотеки на страницах журнала «Морской сборник»

Рассмотрены публикации официального печатного органа военно-морского ведомства Российской империи журнала «Морской сборник», посвященные истории Севастопольской Морской библиотеки. Введение в научный оборот этих материалов позволяет реконструировать деятельность учреждения в досоветский период. Отмечено, что главным инициатором организации стационарного книгохранилища в Севастополе был вице-адмирал Василий Иванович Мелихов. Выявлены источники финансирования учреждения в первые годы его существования. Проанализированы опубликованные в «Морском сборнике» мемуары Н. И. Закревского, раскрывающие малоизвестные эпизоды истории книжного собрания. Доказана ключевая роль адмирала А. С. Грейга в создании библиотеки и поддержании ее функционирования в годы командования Черноморским флотом адмирала М. П. Лазарева. Выделены мероприятия по спасению библиотечных фондов в годы Крымской (Восточной) войны. Впервые в современной историографии рассмотрены помещавшиеся на страницах «Морского сборника» отчеты комитета директоров Севастопольской морской библиотеки. Они раскрывают вопросы личного состава, состояния капиталов и книжного имущества учреждения. Выяснены механизмы финансовой деятельности библиотеки и пополнения ее фондов.

Ключевые слова: «Морской сборник», Севастопольская Морская библиотека, Черноморский флот, А. С. Грейг.

Сегодня библиотеки с полным правом можно назвать научно-образовательными учреждениями, осуществляющими хранение, изучение и популяризацию произведений печати – ценностей материальной и духовной культуры. В их фондах хранятся ценные материалы по истории отдельных стран и регионов, составляющих неотъемлемую часть культурного наследия. Одним из лучших книжных собраний на Юге Украины обладает Севастопольская Морская библиотека имени адмирала М. П. Лазарева. Она была создана в 1822 году и сегодня считается одним из старейших культурных учреждений города. Помимо этого Морская библиотека наряду с книгохранилищами в Петербурге, Кронштадте и Таллинне (Ревеле) стала одной из первых военно-морских библиотек в Российской империи. Несмотря на то, что этому учреждению в прошлом году исполнилось 190 лет, посвященного ему специального исторического исследования так и не было создано. В связи с этим важным представляется рассмотрение и анализ малоизвестных источников по истории библиотеки. К их числу в первую очередь следует отнести публикации официального печатного органа военно-морского ведомства – журнала «Морской сборник».

«Морской сборник» является старейшим в мире ежемесячным журналом по военно-морской тематике. Он издается с марта 1848 года без перерыва и смены названия. Инициатором создания журнала стал выдающийся мореплаватель, адмирал, воспитатель великого князя Константина Николаевича и глава Морского ученого комитета граф Федор Петрович Литке (1797–1882). В задачи издания неизменно входило «распространение полезных сведений между служащими флота и вообще в морской службе необходимых знаний по морской части», а также изучение и распространение военно-морских и технических знаний на флоте, освещение событий «прошедших времен во всех флотах», опубликование биографий деятелей русского флота, описание кораблекрушений и «необыкновенных происшествий», сведений о плавании судов и эскадр, основах оперативного искусства и тактики [1]. Задумывавшийся как журнал для флотских офицеров, «Морской сборник» очень скоро вышел за эти узкие рамки и стал универсальным специализированным изданием. Об этом свидетельствует, например, составленный в 1873 году подполковником Иваном Ивановичем Петровым к двадцатипятилетию «Сборника» систематический указатель статей. Автор разделил публикации журнала на 16 отделов, среди которых: вспомогательные знания, судостроение, вооружение судов и кораблеуправление, гидрография и гидротехника, морское право, ме-

дицина, воспитание и образование, морские общества и заведения, военные флоты и их действия, коммерческие флоты, морские промыслы и т.д. [2]. Естественно, что на страницах «Морского сборника» освещались многочисленные грани деятельности Черноморского флота, функционирования его основной базы – Севастополя, жизни офицеров и матросов. При этом внимание уделялось не только учениям или боевым операциям, а и общественным проблемам, и вопросам культуры.

Первая в «Морском сборнике» публикация о Севастопольской Морской библиотеке появилась в мартовском номере 1850 года [3]. Поводом для нее стало открытие на прежнем месте и освящение нового здания учреждения, взамен сгоревшего пятью годами ранее. Введение в пользование нового строения состоялось 21 декабря 1849 года. Начальная часть статьи повторяет заметку из «Одесского вестника», в которой приводилось подробное описание помещения библиотеки, «замечательного по своей огромности и изяществу». Также были рассмотрены внутреннее устройство помещения и книжная коллекция. Библиотечное строение названо одним из лучших и богатейших зданий в Севастополе, «куда нередко наши дамы ходят прогуливаться и любоваться прекрасным видом Черного моря и окрестных мест» [4].

Гораздо более информативна редакционная часть статьи, которая знакомила читателей «Морского сборника» с обстоятельствами учреждения библиотеки. Главным инициатором ее создания назван вице-адмирал Василий Иванович Мелихов (1794–1863). Указано, что в продолжение его службы в Севастополе в 1811–1820 годах офицерство большую часть времени проводило в бездействии, поскольку береговые занятия практически не проводились, а значительного собрания книг в городе не существовало. Как справедливо замечает анонимный автор публикации, «морские офицеры имели свободного времени слишком много, а средств употреблять его с пользой не находили вовсе. При умеренности получаемого ими содержания не было возможности приобрести отдельными средствами какого-либо пособия для науки; а между тем умственные способности, не изощряемые упражнением, коснели в бездействии и, наконец, терялись навсегда» [5].

Такое положение изменилось после назначения командующим Черноморским флотом адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775–1845). По его инициативе начались ежегодные учения с трехмесячным выходом в море и астрономические наблюдения для любознательных офицеров. Будучи флаг-офицером при А. С. Грейге и управляющим распорядительной частью его канцелярии, В. И. Мелихов в июне 1821

года решил представить на рассмотрение адмирала проект учреждения в Севастополе общественной библиотеки. Особенностью документа стало стремление избежать трат со стороны государственной казны, для чего было предложено удерживать незначительные суммы из жалований каждого офицера (по одной копейке с каждого рубля). Проект В. И. Мелихова был одобрен А. С. Грейгом, а в письме от 8 июля 1821 года инициатор создания библиотеки изложил командующему Черноморским флотом основные правила для предлагаемого учреждения. В них излагались основные принципы функционирования заведения, в частности регламентировались полномочия комитета для управления, а также указывался порядок пополнения библиотечных фондов. По замыслу В. И. Мелихова книгохранилище в первую очередь должно было наполняться произведениями «по части изящной словесности», затем специальными книгами по предметам, которые необходимы для офицеров, атласами, картами, и книгами на иностранных языках. Вместе с тем В. И. Мелихов ходатайствовал об отпуске в заем из казны пяти тысяч рублей, «чтобы положить твердое основание библиотеке», о выделении для помещения библиотеки одного из казенных зданий с отоплением и прислугой, об оказании со стороны Севастопольского порта возможных пособий «по предмету изготовления шкафов и прочих необходимых принадлежностей» [6]. Проект учреждения библиотеки и приложенные к нему правила получили одобрение адмирала А. С. Грейга и директора Севастопольского порта контр-адмирала Петра Михайловича Рожнова. Показателен результат предложений В. И. Мелихова: за 28 лет существования книгохранилище составляло 12 тысяч томов стоимостью не менее 30 тысяч рублей, а из накопленных сумм для него было построено два здания, стоимостью 45 и 60 тысяч рублей соответственно [7].

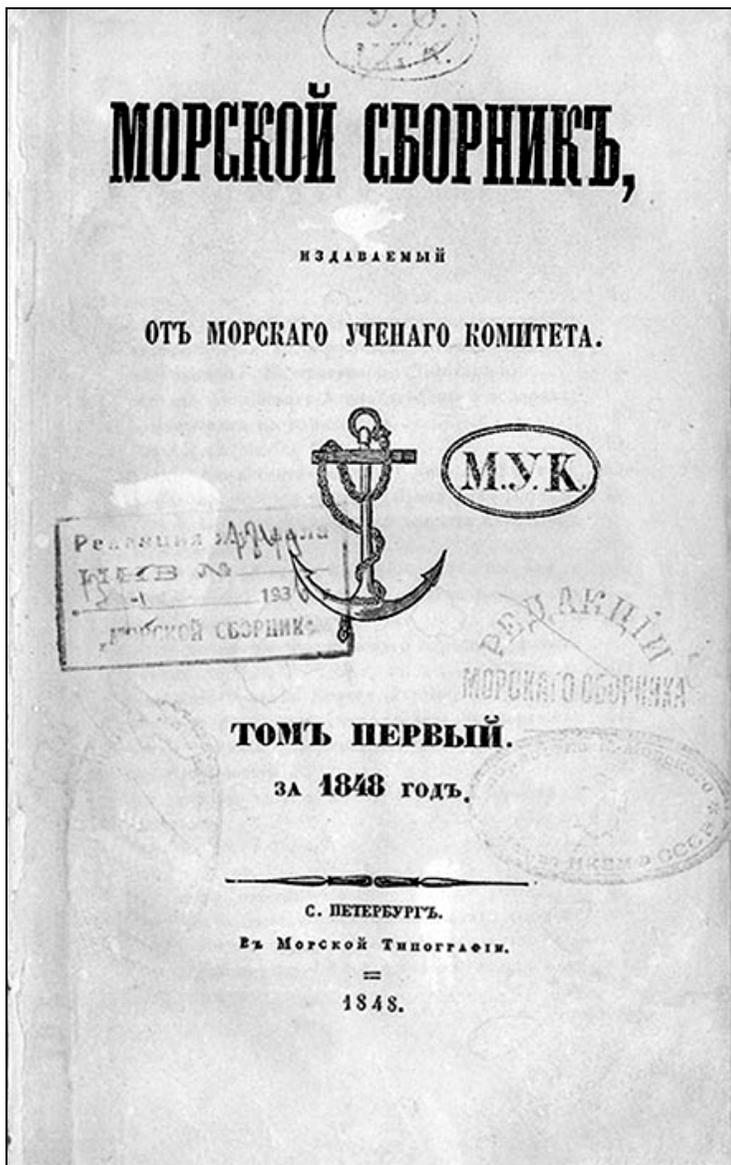
Интересный эпизод, связанный с вопросом о здании Морской библиотеки, привел в своих воспоминаниях об адмирале А. С. Грейге военный врач Никифор Иванович Закревский (1806–1864), живший в Севастополе с 1829 года. Он отмечал, что со времени своего учреждения в 1822 году библиотека сменила несколько помещений. В 1831 году ее пристанищем стал новый большой дом, купленный у наследников контр-адмирала Марка Евсеевича Снаксарева (?–1829). В этом здании помимо книгохранилища находились комитет по построению корабельных доков и 15–20 штурманских кондукторов, для которых и было куплено помещение. На 1834 год директором библиотеки был избран капитан первого ранга, командир корабля «Императрица Мария»

А. С. Грейг

М. П. Лазарев

Обложка первого номера журнала «Морской сборник»

О Т Ч Е Т Ъ

ПО СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ МОРСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ.

(Представленъ комитетомъ директоровъ, за время съ 1-го октября 1867 по 1-е октября 1868 года).

1. Личный составъ.

Библиотека управляется комитетомъ, изъ семи директоровъ, на основаніи устава библиотеки, утвержденного въ 1863 году.

По списку библиотеки состоятъ:

Почетный попечитель, Его Императорское Высочество Великій Князь Генераль-Адмиралъ.

Почетныхъ членовъ	3(*)
Офицеровъ флотскихъ	189
— корпуса морской артиллеріи	33
— — флотскихъ штурмановъ	112
— — инженеръ-механиковъ	71
— — корабельныхъ инженеровъ	19
— — инженеровъ морской строи- тельной части	8
Медиковъ	38
Дѣйствительныхъ необязательныхъ членовъ	51
Постороннихъ членовъ	33
Всего	558

(*) Вдова покойнаго адмирала Лазарева, Екатерина Тимофеевна, вице-адмиралъ Бутазовъ и генералъ-адъютантъ Гавриловъ.

Отчет по Севастопольской Морской офицерской библиотеке,
опубликованный в «Морском сборнике»

Григорий Аргирович Папахристо, а обязанности библиотекаря, секретаря и казначея поручались Н. И. Закревскому. В начале того же года общее собрание директоров учреждения обратилось с предложением к командиру Черноморского флота и портов Михаилу Петровичу Лазареву (1788–1851) с предложением принять под покровительство севастопольскую офицерскую библиотеку и быть ее почетным членом (такая традиция существовала при А. С. Грейге). Несколько недель спустя вместо ожидавшегося положительного ответа комитет библиотеки получил от командира севастопольского порта контр-адмирала Михаила Николаевича Кумани (1770–1865) следующее предписание: «Дом, ныне занимаемый библиотекой, немедленно очистить; ибо дом этот приобретен в казну для помещения штурманских кондукторов, а не библиотеки, учреждения совершенно частного». Руководство библиотеки, озадаченное таким ответом, угрозавшим расформированием фондов, обратился к А. С. Грейгу, который пообещал помочь «полезному учреждению» и обратиться к морскому министру или к императору. Результатом действий Алексея Самуиловича в Санкт-Петербурге стало решение Николая I передать сумму в 46 тысяч рублей, скопившуюся от имуществ умерших без наследников и хранившуюся в николаевском портовом казначействе, для обустройства севастопольской офицерской библиотеки. Следом за соизволением монарха изменилась и мысль М. П. Лазарева: он принял активное участие в создании библиотеки. В том же 1834 году было определено составить проект библиотечного здания, которое в 1840 году было окончательно готово и обошлось вместе с внутренней отделкой и меблировкой в 150 тысяч рублей. В это же время доход библиотеки увеличился до 22 тысяч рублей в год [8].

Серьезным испытанием для библиотеки стала Крымская (Восточная) война. Севастополь, ставший центром боевых событий, подвергся регулярным обстрелам со стороны войск союзных государств. Узнав о повреждениях, нанесенных библиотеке разорвавшейся в ней бомбой, император Николай I распорядился пожаловать Черноморскому флоту из Государственного казначейства 25 тысяч рублей серебром «на необходимые для здания исправления» [9]. Для спасения фондов все книги Морской библиотеки были вывезены в Николаев. Эвакуацией занимался офицер Черноморского флота, будущий адмирал и основоположник тактики парового броненосного флота Григорий Иванович Бутаков (1820–1882).

Важнейшие сведения, позволяющие реконструировать деятельность Морской библиотеки в Севастополе, содержатся в отчетах этого учреждения. Такие документы регулярно, хотя и не ежегодно, публиковались в журнале. В них освещены важнейшие аспекты функционирования библиотеки. В качестве примера рассмотрим первый из опубликованных в «Морском сборнике» отчетов, который охватывает период с 1 октября 1867 года по 1 октября 1868 года. Документ состоит из трех разделов: «Личный состав», «Состояние капиталов» и «Состояние книжного имущества». Важно, что отчеты составлялись комитетом директоров Севастопольской Морской библиотеки, который решал большую часть вопросов, связанных с работой учреждения.

Согласно отчету, к 1 октября 1868 года по списку библиотеки состояло 558 членов. Ее почетным попечителем был великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич, который долгое время руководил Морским ведомством. Почетными членами числились вдова адмирала М. П. Лазарева Екатерина Тимофеевна, вице-адмирал Г. И. Бутаков и генерал-адъютант Богдан Александрович фон Глазенап (1811–1892). Также в библиотеку были записаны 189 флотских офицеров (из них 33 представляли корпус морской артиллерии, 112 – флотских штурманов, 71 – инженер-механиков, 19 – корабельных инженеров, 8 – инженеров морской строительной части), 38 медиков, 51 действительный член и 33 посторонних члена [10].

Важными для понимания принципов функционирования Морской библиотеки являются присутствующие в отчете статьи прихода и расхода. Так, основные средства библиотека получала за счет взносов от действительных членов, взимания платы за право читать газеты и журналы, получения банковского процента с библиотечного капитала, пени за утерянные и просроченные читателями книги, продажу устава учреждения и каталога имеющихся в его наличии русских книг. Кроме того, из сумм Морского министерства библиотека получала 500 рублей в год на освещение своих помещений в вечернее время.

В свою очередь библиотечные средства тратились на уплату жалования служащим, каталогизацию, покупку воды и канцелярских материалов, оплату услуг почты и типографии, на столярные и слесарные работы. Естественно, что значительные суммы расходовались на выпуск периодических изданий и приобретение новых книг, карт и атласов. Согласно опубликованному в «Морском сборнике» отчету, фонды Севастопольской Морской библиотеки были разделены на 5 отделов: «Богословие, философия, правоведение и педагогика», «Политика, ис-

тория, география и путешествия», «Математика, мореходство, военные науки и технология», «Естественные науки, медицина и искусства», «Поэзия и романы». Такое дифференцирование свидетельствует о желании командования Черноморского флота максимально полно расширить кругозор офицерского состава, повышая его культурный уровень. Памятуя о негативном опыте прошлых лет, имущество учреждения было застраховано в Российском страховом от огня обществе.

Следует отметить, что в 1868 году Морская библиотека была прибыльным учреждением, ее доходы существенно превышали расходы (6060 р. 98 ½ коп. и 5263 р. 65 ½ коп. соответственно). Общий библиотечный капитал на 1 сентября 1868 г. составлял 34 438 р. 54 ½ коп. [11].

На 1 октября 1868 года фонды библиотеки насчитывали 24765 единиц. Большую часть из них составляли книги на русском языке (13661 том). Также в собрание входили издания на французском, немецком, английском, итальянском, польском, турецком, арабском и голландском языках, а также на латыни. Кроме того, в библиотечной коллекции находились 142 тома географических атласов и карт. «Комиссионерами» Севастопольской Морской библиотеки, продававшими ей книги, были одесские коммерсанты Г. Н. Белый и Бернд. Первый снабжал учреждение изданиями на русском языке, второй – на иностранных. Для удобства пользования русскоязычными книгами библиотекарь Микриевский составлял специальные каталоги. О том внимании, которым пользовалась Морская библиотека в Севастополе, свидетельствует количество выданных на руки книг. За период с октября 1867 года по сентябрь 1868 года 10808 читателей получили 25591 том [12]. Еще одним подтверждением интереса офицеров к изданиям является указанная в анализируемом отчете отмена вакантного права на книги. Комитет директоров был вынужден отказаться от этого правила, которое подразумевало запись желающих в очередь на получение новых и популярных книг. Подобные списки разрастались, что осложняло работу небольшого штата сотрудников библиотеки. В результате по предложению капитана второго ранга Христофорова было решено отказаться от «вакансии на книги» и ввести жестяные библиографические карточки, которые планировалось ставить на места взятых книг и указывать на них время возврата в фонды требующихся изданий [13].

Интересные сведения о пополнении фондов библиотеки можно почерпнуть из «Ведомости подарков, полученных от разных мест и лиц», также опубликованной в «Морском сборнике» в 1869 году. Она вклю-

чает 14 позиций, представляющих собой краткие библиографические описания изданий и информацию о дарителях. В указанном отчете наиболее значимо указание на 8 сочинений, полученных в дар от вице-президента Одесского общества истории и древностей, известного археолога Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883) [14].

Таким образом, согласно сведениям из журнала «Морской сборник», официального печатного органа военно-морского ведомства, главным инициатором создания в Севастополе Морской библиотеки был вице-адмирал Василий Иванович Мелихов. Данная идея появилась у него в годы офицерской службы и была поддержана командующим Черноморским флотом А. С. Грейгом. Быстрому наполнению библиотечных фондов способствовало предложение В. И. Мелихова удерживать небольшие суммы из флотских жалований на покупку новых книг. Это позволило Севастопольской Морской библиотеке за короткий срок стать одним из ведущих культурных и научных учреждений Российской империи. Значимые эпизоды истории учреждения приводит в своих опубликованных мемуарах Н. И. Закревский. Важнейшим источником по истории книгохранилища являются отчеты комитета директоров. Они раскрывают основные вопросы функционирования учреждения, как финансовые, так и структурные, что позволяет закрыть лакуны в истории библиотечного дела на Юге Украины. Следовательно, публикации журнала «Морской сборник» можно с полным правом назвать хроникой деятельности Севастопольской Морской библиотеки.

Источники и литература

1. Краткий обзор о составе и действиях Морского Ученого комитета со времени его преобразования с 25 ноября 1847 года // Морской сборник. – 1855. – Т. 18, № 9. – Отд. 2. – С. 139.
2. Петров И. Указатель статей «Морского сборника», 1848–1872 г. / И. Петров. – СПб., 1875. – 767 с.
3. О севастопольской библиотеке // Морской сборник. – 1850. – Т. 3, № 3. – С. 207–213.
4. Там же. – С. 208.
5. Там же. – С. 209.
6. Там же. – С. 212.
7. Там же. – С. 212–213.
8. Закревский Н. И. Воспоминания об адмирале А. С. Грейге : из записок врача морской службы / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1864. – Т. 70, № 2. – Неоф. отд. – С. 201–203.
9. [Высочайшее пожалование 25 тыс. руб. на исправление севастопольской морской библиотеки] // Морской сборник. – 1854. – Т. 13, № 12. – Пр. расп. – С. ХСV.

10. Отчет из севастопольской морской офицерской библиотеки : представлен комитетом директоров, за время с 1-го октября 1867 по 1-е октября 1868 года // Морской сборник. – 1869. – Т. 100, № 1. – С. 25.
11. Там же. – С. 26–28.
12. Там же. – С. 30.
13. Там же. – С. 31–34.
14. Там же. – С. 35–36.

Лепісевич Н. З. Історія Севастопольської Морської бібліотеки на сторінках журналу «Морской сборник».

Розглянуті публікації офіційного друкованого органу військово-морського відомства Російської імперії журналу «Морской сборник», присвячені історії Севастопольської Морської бібліотеки. Введення в науковий обіг цих матеріалів дозволяє реконструювати діяльність установи в дорадянський період. Відзначено, що головним ініціатором організації стаціонарного книгосховища в Севастополі був віце-адмірал Василь Іванович Меліхов. Виявлено джерела фінансування установи в перші роки його існування. Проаналізовано опубліковані в «Морському збірнику» мемуари Н. І. Закревського, що розкривають маловідомі епізоди історії книжкового зібрання. Доведено ключова роль адмірала А. С. Грейга у створенні бібліотеки і підтримці її функціонування в роки командування Чорноморським флотом адмірала М. П. Лазарева. Виділено заходи по врятуванню бібліотечних фондів у роки Кримської (Східної) війни. Уперше в сучасній історіографії розглянуті розташовані на сторінках «Морського збірника» звіти комітету директорів Севастопольської морської бібліотеки. Вони розкривають питання особистого складу, стану капіталів і книжкового майна установи. З'ясовано механізми фінансової діяльності бібліотеки та поповнення її фондів.

Ключові слова: «Морской сборник», Севастопольська Морська бібліотека, Чорноморський флот, А. С. Грейг.

Lepisevich N. Z. History of the Sevastopol Maritime library on the pages of the magazine «Morskoy sbornik».

The publications of the official edition of the Navy Department of the Russian Empire magazine «Morskoy sbornik», which are devoted to the history of the Sevastopol Maritime library, are analyzed in this article. The introduction to the scientific using of these materials allows to reconstruct the activities of the institution in the period before the Soviet Union. It is noted that Vice-Admiral Vasily Melikhov was the main initiator of the permanent library in Sevastopol. The sources of funding agencies in the early years of its existence were identified. The Memoirs of N.I. Zakrevskogo revealing little-known episodes in the history of book collection, which were published on the pages of "Marine collection", were analyzed by the author. Also the role of Admiral A. Greig in creating and maintaining the library of its functioning during the command of the Black Sea Fleet by Admiral M. P. Lazarev was proved. The author identified the measures to rescue the

library collections during the Crimean (Eastern) War. We must mention that it was the first time when the reports of the Committee of Directors of the Sevastopol naval library, which were placed on the pages of "Marine Collection", were considered. They reveal the issues of the staff, the state of the capitals and the book property of the institution. In addition, the mechanism of the financial activities of the library and replenishment of its funds were analyzed. The members of the library staff and the sources of funds were identified. The author pointed to the replenishment of the library collection. It was noted that the "Marine Collection" was the most important source of the history of the Maritime Library. Publication of this magazine contains little-known facts about the functioning of the Sevastopol stacks. In conclusion we must admit that the results of this research allow to extend the historiographical base of Crimean studies.

Key words: «Morskoy sbornik», Sevastopol Maritime Library, the Black Sea Fleet, A. Greig.

Подано до друку: 15.05.2013 р.

УДК 930.2 (083+058):(477.75)

Э. Ю. ЛОКТИОНОВ

**Памятные книжки – разновидность
книжной продукции
(на примере Таврической губернии)**

Памятные книжки губерний и областей – официальные универсальные справочные издания, сообщающие сведения о губернии (области) на определенный год – стоят в ряду наиболее ценных местных изданий Российской империи. Подготовкой материалов и выпуском памятных книжек занимались губернские статистические комитеты. В 1834 г. при учреждении губернских статистических комитетов возникла идея создать особые городские статистические комитеты, которые бы находились в непосредственном подчинении Министерства внутренних дел. Предполагалось сведения от городского начальства доставлять в губернские, а от последнего – статистическое отделение. 26 декабря 1860 г. было утверждено положение о губернских и областных статистических комитетах. Оно утверждало их официальное положение. Такого же рода деятельностью занимались статистические бюро. На территории Таврической губернии функционировали три статистических комитета, выпускавшие памятные книжки: Таврический губернский статистический комитет, Керчь-Еникальский статистический комитет, Севастопольский городской статистический комитет. Данным вопросом занималось и Статистическое бюро Таврического губернского земства. В обязанности этих учреждений входило сбор и обработка сведений, их проверка и систематизация, составление таблиц и другое. Справочные и статистические данные памятных книжек представляют зна-

чительный интерес в качестве исторического источника. Материалы об этноконфессиональной ситуации в регионе, развитии местной экономики, просвещения. Это позволяет определить основные тенденции, наметившиеся в этих отраслях. Особую ценность представляют содержащиеся в памятных книжках данные адрес-календарей. В них находят сведения о лицах, служивших в государственных, духовных, военных и общественных учреждениях губернии.

Ключевые слова: памятные книжки, адрес-календари, губернский комитет, Таврическая губерния.

Памятные книжки губерний и областей – официальные универсальные справочные издания, сообщающие сведения о губернии (области) на определенный год, стоят в ряду наиболее ценных местных изданий Российской империи.

Книги с таким заглавием издавались многими ведомостями, общественными организациями, а также частными лицами, однако предметом нашей работы являются исключительно издания местных органов управления, подведомственных МВД. Инициатива подобных изданий исходила от первых лиц губернской (областной) администрации, исполнителями же обычно были производители робот (с 1860 г. секретари) губернских (областных) ведомостей [1, с. 17]. Одним из таких ведомств были губернские статистические комитеты, учрежденные в 1834 г. одновременно с созданием Статистического отделения при Министерстве внутренних дел, преобразованного в 1858 г. в Центральный статистический комитет. В 1860 г. было утверждено положение о губернских и областных статистических комитетах, которое поставило перед ними задачу сбора и систематизации статистических сведений о крае для центрального аппарата. Они подчинялись Центральному статистическому комитету. Председателем назначался губернатор, в состав обязательных членов входили все представители губернской администрации, в число «почетных членов» входили состоятельные люди края и глава местного духовенства, «действительными членами» являлись учителя, мелкие служащие, мировые посредники, священнослужители. Особая роль отводилась секретарю. Он занимался составлением всеподданнейшего отчета, организацией работы по собиранию статистических сведений и подготовке к печати изданий комитета. [2, с. 76].

Основными законодательными актами, определяющими официальный статус «памятная книжка», являлось положение Комитета министров от 4 октября 1855 г. и Положение о губернских и областных статистических комитетах от 26 декабря 1860 г. [3, с. 18]. Первые губер-

ские памятные книжки были изданы в Оренбурге в 1830-е гг. В середине 1840-х гг. своеобразное «издательское гнездо» этих справочников возникло в Западном крае Российской империи: в этот период они начали издаваться в Виленской, Минской, Гродненской губерниях. Число губерний, где издавались свои памятные книжки, постоянно увеличивалось: если за 1840-е гг. эти издания известны лишь по 11 губерниям, то в 1850-е гг. с большей или меньшей регулярностью они издавались уже в 24 губерниях [4, с. 81].

Что же касается основных целей и задач их издания, то впервые на общегосударственном уровне они были сформулированы лишь в циркулярном письме министра внутренних дел С. С. Ланского от 16 сентября 1859 г., разосланном всем губернаторам и начальникам областей империи. В нем, в частности, говорится: «Для составления точного понятия о состоянии губерний имеют весьма важное значение <...> статистические данные о народонаселении и промышленных и производительных силах вообще, обрабатываемые в губернских статистических комитетах, равно как и сведения, сосредоточиваемые, по закону, в губернском управлении, об административном разделении и составе губерний. Приведение всех этих сведений в общую известность представляет существенную пользу: оно знакомит местных жителей и публику вообще с административным и хозяйственным положением губернии; может вызвать разбор, особенно ближайший, местный, сообщаемых сведений и тем самым способствовать исправлению и дополнению частными исследованиями неточных или неполных сведений, собираемых официальным путем <...>. Удобнейшим средством к распространению таких сведений может служить издание губернских памятных книжек, ежегодно или, по крайней мере, чрез каждые два или три года» [5, с. 82]

Объективным условием зарождения этого типа издания стало появление в 1830 гг. XIX в. подконтрольных местной администрации губернских типографий, в которых (за редкими исключениями) и печатались памятные книжки. В это время возникли учреждения, аккумулировавшие типичную для памятных книжек информацию: губернский статистический комитет (1835г.) и редакции губернских ведомостей (1838 г.). Что касается «человеческого фактора», большинство известных нам составителей и редакторов памятных книжек были секретари губернских статистических комитетов и редакторами неофициальной части губернских ведомостей, то есть, должностными лицами, назначаемыми и смещаемыми губернатором. Закон не ограничивал свободу

выбора губернатором составителей памятных книжек, таким образом, особенности личности начальника губернии, в конечном счете, определяли как облик обложки, так и сам факт её издания (или не издания). Памятные книжки издавались не с целью извлечения коммерческой прибыли, а прежде всего для удовлетворения информационных потребностей местной администрации (иногда также с благотворительными целями) Закон давал право печатать памятные книжки в губернских типографиях на льготных условиях. В тех случаях, когда администрация была заинтересована в ежегодном издании памятных книжек, для обеспечения рентабельности издания часть тиража пускалась в свободную продажу. История памятных книжек делится на два периода: основание (40–50-е гг. XIX в.) и функционирование сложившегося типа издания (1860-е – 1917 гг.). Хронологический рубеж между ними связываем с реформой губернского статистического комитета по закону 26 декабря 1860 г. [6, с. 18].

По положению 26 декабря 1860 г. вопросы издания памятных книжек решались на месте. Собрание ГСК было полномочно принять как программу памятных книжек, так и решение о ее публикации, причем, судя по отмеченным совпадениям дат решения собрания и цензурного разрешения, цензура текста ПК на местах носила чисто формальный характер.

В состав Губернского статистического комитета входили председатель (губернатор), помощник председателя, избираемый комитетом по предложению председателя и нередко выполнявший его функции; неременные члены – руководители отдельных ведомств, номенклатура которых была исчерпывающе определена законом (в их число входил также представитель консистории); действительные члены, избираемые на собрании Губернского статистического комитета из числа лиц, способных оказать содействие его деятельности (отдельные представители интеллигенции, купечества, помещиков и т. д.), в число которых входили также, по рекомендации центрального статистического комитета, уездные предводители дворянства; почетные члены, избранные чаще всего из известных ученых – исследователей края. Из этого перечня, с учетом реального объема полномочий председателя в качестве начальника губернии, следует, что состав Губернского статистического комитета полностью соответствовал видам местной администрации, а представительство руководства отдельных ведомств позволяло предотвратить нежелательную утечку информации в изданиях комитета. Это объясняет отсутствие конфликтных ситуаций в бюрократических сфе-

рах по поводу губернских ПК (весьма насыщенных информацией) и, соответственно, долговечность данного типа изданий.

Единственной штатной единицей в Губернского статистического комитета был секретарь (он же, как правило, и составитель памятных книжек), назначаемый и смещаемый губернатором из числа лиц с высшим образованием (желательно – с ученой степенью), причем закон не требовал согласования кандидатуры секретаря с вышестоящими инстанциями или с собранием статистического комитета. В отдельных случаях (по результатам работы) секретарь избирался членом-секретарем [7, с. 32].

Потребность общества в информации, необходимость правящих кругов в сведениях о состоянии хозяйства регионов империи, поставила перед статистикой непростую задачу – собрать и обработать информацию, характеризующую уровень развития государства. В XIX веке статистика приобретает популярность как способ познания общества. Система статистических учреждений была многоступенчатой. Центральные статистические комитеты вынуждены были опираться в своей работе на учрежденные в 1835 г. губернские, областные и городские статистические комитеты, которыми была представлена административная статистика на местах. Параллельно с деятельностью административных статистических служб свою исследовательскую работу развернули губернские земства, при которых стали учреждаться статистические бюро. Таким образом, на территории Таврической губернии в конце XIX начале XX веков одновременно функционировали 4 статистических учреждения: Таврический губернский статистический комитет, Керчь-Еникальский статистический комитет, Севастопольский городской статистический комитет и Статистическое бюро Таврического губернского земства. Благодаря работе членов статистических организаций был собран и опубликован огромный массив статистико-экономических и краеведческих сведений, что позволяет говорить о изданиях статистиков Таврической губернии, как о ценнейшем источнике по истории развития региона.

В обязанности организации входил сбор сведений, их проверка, «приведение в единый порядок», составление «табелей по данным от статистического отделения Совета Министерства внутренних дел формам», а также создание подробных описаний «губернии вообще или некоторых частей ее управления, сельского хозяйства, промышленности, торговли». В случае затруднений при сборе информации, статистический комитет мог требовать содействия губернских землемеров и

архитекторов. Кардинальные решения должны были приниматься на заседании членов комитета.

Одновременно с учреждением Таврического губернского статистического комитета губернатору «было вменено в обязанность для основательности в своих действиях» всегда иметь точные данные о «составе губернии во всех отношениях, о народонаселении, о соразмерности его как с пространством, так и естественными условиями края, о качестве почвы, земли; <...> о количестве пахотных полей, лугов, лесов и других угодий, о судоходных и других реках и водах в губернии, о числе и взаимном расстоянии городов, сел, деревень, заводов, фабрик, о числе и занятиях жителей и их гражданском состоянии, о публичных врачебных и богоугодных заведениях, церквях, монастырях и др.» Сбор данных по этим вопросам также возлагался на губернский статистический комитет.

ГСК был учрежден указом от 20 декабря 1834 г. Он находился в ведении МВД и подчинялся губернатору, которым являлся его председателем. В состав организации также входили непременные члены и члены-корреспонденты. Непременным являлись: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, директор училищ губернии и «член духовной консистории по избиранию епархиального архиерея». Таврический губернский статистический комитет был открыт 15 июня 1835 г. На учредительном собрании присутствовали: председатель – губернатор А. И. Казначев; непременные члены: Таврический губернский предводитель дворянства, статистический советник Волигнев, исполняющий должность вице-губернатора, коллежский советник Баришев, старший член врачебной управы П. И. Ланг, попечитель гимназии, статский советник Ф. К. Мюльгаузен, директор училищ Таврической губернии, статский советник Ф. П. Заставский и губернский прокурор, коллежский советник С. М. Мейер. Непременные члены избирали членов-корреспондентов, список которых был отправлен 22 июля на утверждение в Министерство внутренних дел. При подборе кандидатуры учитывались профессионализм и исследовательские качества персоны. Всем членам-корреспондентам были разосланы уведомления об их избрании с просьбой «принять на себя это почетное звание и не отказываться от содействия <...> к достижению благой цели правительства. Комитет со своей стороны предложил возможные темы для исследовательской работы членов-корреспондентов [8, с. 38–39].

После ликвидации постоянной военной угрозы со стороны Османской империи жители Южной Украины получили возможность беспрепятственно заниматься оседлым земледелием и скотоводством. Наличие черноземных земель, благоприятные климатические условия способствовали развитию сельского хозяйства этого региона, интенсивной колонизации края. Важную роль в подъеме экономики сыграло также их выгодное географическое положение на берегу Черного моря, что делало возможным относительно легкую торговую связь этого аграрного региона с европейским рынком. Большой спрос в Европе на зерновые, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты стимулировал быстрое развитие сельскохозяйственного производства в Новороссийском крае.

Быстрый рост торговых оборотов требовал основания новых или восстановления старых портов юга империи, из которых был возможен вывоз товаров за границу. Согласно указам Екатерины II были основаны новые причерноморские города: Херсон (1778), Севастополь (1788), Николаев (1788), Одесса (1793). Сильный толчок для развития получили старые города: Феодосия, Керчь, Евпатория и др. Все это обусловило необходимость сбора и систематизации статистической информации в отдельных регионах.

В 1834 г. при учреждении губернского статистического комитета возникла дилемма – создать особые городские статистические комитеты, которые бы находились в непосредственном подчинении Министерству внутренних дел, или же сведения от городского начальства доставлять в комитет, а от последнего уже Статистическое отделение. Исходя из того, что Севастополь и Керчь-Еникале «по относительной своей важности заслуживают особенного исследования в статистическом отношении», 17 сентября 1835 г. в каждом из этих городов были учреждены статистические комитеты. Отмечалось, что сведения об отдельных городах будут составляться в гораздо более полном объеме, а это в свою очередь приведет к улучшению качества статистических исследований и повысит осведомленность центральных административных учреждений.

Председателем Керчь-Еникальского статистического комитета был назначен градоначальник. Члены избирались из числа людей «известных своими возданиями в делах внутреннего управления». Их кандидатуры в обязательном порядке утверждались министром внутренних дел. Таким образом, в число керченских статистиков вошли: начальник карантин и таможни, городецкие врач и ветеринар, городской голова,

директор музея древностей и другие лица, «преданные делу благоустройства государства». Этот состав позволял без привлечения сторонних лиц получать практически все интересующие комитет сведения [9, с. 44–46].

В 1853 г., как и в Керчи, в Севастополе была создана специальная городская статистическая организация. С первых лет своего существования она активно включалась в исследовательскую работу. С целью обеспечения эффективного функционирования комитета, уже вначале 1850-х гг. была учреждена специальная должность секретаря организации, которую некоторое время занимал известный крымский краевед, строитель и первый директор Севастопольской морской библиотеки Захарий Андреевич Аркас (1793–1866). Однако на пути дальнейшего развития историко-статистических исследований встала Крымская война 1853–1856 гг. Севастополь превратился в арену боевых действий. В Севастопольском градоначальстве всего было издано три справочно-статистических сборника. Они вышли в свет в 1908, 1910 и 1911 гг. Особенностью всех трех книг было отсутствие структуры. Разделы были размещены хаотично. Во всех изданиях имелись: адрес-календарь, справочные ведомости про работу почты, телеграфа, церковные календари для всех вероисповеданий. «Адрес-календарь ... на 1910 год» содержал статью заведующего раскопками и музеем в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича «Краткие исторические сведения о прошлом нынешнего Севастопольского градоначальства до присоединения Крыма к России», в которой популярно излагаются особенности исторического развития юго-западного Крыма [10, с. 142].

После окончания войны встал вопрос о восстановлении существовавших в прежние годы местных административных структур. Судьба статистического комитета была решена следующим образом. В 1861 г. местный военный губернатор отмечал, что «учреждение статистического комитета в городе Севастополе невозможно по неимению на месте лиц, из которых бы можно было составить комитет по незначительности населения города». При этом он ходатайствовал о назначении особых чиновников «по статистической части с произведением им содержания в жалованье и на наем писцов и др. расходы 1000 р. каждому». Отпуск этих средств севастопольский губернатор предполагал осуществлять из городских доходов.

Таким образом, в то время как по всей Российской Империи статистические комитеты вначале 60-х гг. XIX в. значительно активизировали свою деятельность, в Севастополе подобная организация была лик-

видирована. В дальнейшем городскими переписями населения и другими частными статистическими работами занимались состоящие при градоначальнике чиновники «по статистической части» и вольнонаемные счетчики. Севастопольский статистический комитет не выпустил ни одной памятной книжки, они остались только в разработке [11, с. 55–56].

Мы видим, что справочные и статистические данные памятных книжек представляют значительный интерес в качестве исторического источника. Материалы об этноконфессиональной ситуации в регионе, развитии местной экономики, просвещения позволяют определить основные тенденции, наметившиеся в этих отраслях. Особую ценность представляют содержащиеся в памятных книжках данные адрес-календарей. В них мы находим сведения о лицах, служивших в государственных, духовных, военных и общественных учреждениях губернии [12, с. 146–147]. Адрес-календари, благодаря полноте и единообразию своего содержания, приобретают качества уникального исторического источника. Здесь сообщались фамилия, имя, отчество, занимаемая должность, чин всех служащих губернии. Конечно, для биографических исследований содержание для адрес-календарей, по степени полноты, значительно уступает хронологическим выкладкам формулярных списков. Таким образом, данные сведения дают возможность лишь приблизительно определить время нахождения человека на той или иной должности. Значительной погрешностью обладает информация об образовании государственного служащего, военного или священника. Однако в тех случаях, когда мы можем компенсировать этот пробел, складывается довольно полная и развернутая информация об интересующей нас личности. Значительную ценность имеют также содержащиеся в адрес-календарях сведения, не помещаемые в формулярные списки, пример, о членстве изучаемого лица в научном или благотворительном обществе.

Источники и литература

1. Левин Д. Э. Памятные книжки губерний и областей Российской империи в системе культуры : опыт исследования / Д. Э. Левин // Ежеквартальник русской филологии и культуры / Гос. Эрмитаж. – СПб., 2000. – Т. 3, № 2. – С. 17 – 50.
2. Жвакина Т. А. Памятные книжки забайкальской области / Т. А. Жвакина // Мир библиографии. – 2009. – № 1. – С. 74–78.
3. Левин Д. Э. Указ. соч. – С. 18.

4. Раздорский А. И. Памятные книжки Курской губернии : ист.-библиогр. обзор / А. И. Раздорский // События и люди в документах курских архивов : сб. ст. – Курск, 2009. – Вып. 7. – С. 81–104. – Режим доступа: <http://old-kursk.ru/book/razdorsky/st110813.html>
5. Левин Д. Э. Указ. соч. – С. 82.
6. Левин Д. Э. Указ. соч. – С. 18.
7. Левин Д. Э. Указ. соч. – С. 32.
8. Бобков В. В. Статистики Таврической губернии (XIX - начало XX века) : библиогр. указатель / В. В. Бобков ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2004. – 304 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 1).
9. Бобков В. В. Указ. соч. – С. 44–46.
10. Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии на 1910 год / Тавр. губ. правл. – Симферополь: Тавр. губ. тип., 1910. – 28, 241, 37 с.
11. Бобков В. В. Указ. соч. – С. 55–56.
12. Непомнящий А. А. Историчне кримиознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бізнес-Інформ, 2003. – С. 137–147.

Локтіонов Е. Ю. Пам'ятні книжки – різновид книжкової продукції (на прикладі Таврійської губернії)

Пам'ятні книжки губерній і областей – офіційні універсальні довідкові видання, повідомляють інформацію про губернії (області) на певний рік – стоять у ряду найбільш цінних місцевих видань Російської імперії. Підготовкою матеріалів і випуском пам'ятних книжок займалися губернські статистичні комітети. У 1834 р. при установі губернських статистичних комітетів виникла ідея створити особливі міські статистичні комітети, які б знаходилися в безпосередньому підпорядкуванні Міністерству внутрішніх справ. Відомості від міського начальства доставляли в губернські установи, а від останнього – статистичне відділення. 26 грудня 1860 р. було затверджено положення про губернські та обласні статистичні комітети. Воно стверджувало їх офіційне становище. Такого ж роду діяльністю займалися статистичні бюро. На території Таврійської губернії функціонували три статистичних комітети, що випускали пам'ятні книжки: Таврійський губернський статистичний комітет, Керч-Єнікальський статистичний комітет, Севастопольський міський статистичний комітет. Даним питанням займалося і Статистичне бюро Таврійського губернського земства. В обов'язки цих установ входило збирання та обробка відомостей, їх перевірка та систематизація, складання таблиць та інше. Довідкові та статистичні дані пам'ятних книжок становлять значний інтерес як історичне джерело. Містить матеріали щодо етноконфесійної ситуації в регіоні, розвитку місцевої економіки, освіти. Це дозволяє визначити основні тенденції, що намітилися у зазначених галузях. Особливу цінність представляють в пам'ятних книжках дані адрес-календарів. У них знаходяться відомості про осіб, що служили в державних, духовних, військових та громадських установах губернії.

Ключові слова: пам'ятні книжки, адрес-календарі, губернський комітет, Таврійська губернія.

Loktionov E. Y. Commemorative Book – a Kind Of Book Production (for example, In Tauride)

Commemorative book of provinces and regions – the official universal reference publications that report information about the province (region) for a given year – are among the most valuable local editions of the Russian Empire. It is produced by the issuance of commemorative books and engaged in provincial statistical committees. In 1834, with the establishment of provincial statistical committees appeared the idea to create a special statistical committees in city, which would be located directly under the Ministry of the Interior. It was supposed that information from the city authorities will be delivered to the provincial, and from the last – to Statistical office. On 26 of December, 1860 the statute of the provincial and regional statistical committees was approved. They submitted their official position. The same kind of activity engaged in statistical offices. On the territory of the Tauride operated three statistical committee that manufactured commemorative book: Tauride Regional Committee, Kerch-Yenikalsky Statistical Committee, the Sevastopol Statistical Committee. The same activity the Statistical Office of the Tauride Province Zemstvo was engaged. The responsibilities of these institutions included the collection and processing of information, its verification and ordering, drafting tables and more. Reference and statistical data commemorative books present a considerable interest as a historical source. They include materials about ethnic and religious situation in the region, the development of the local economy, education. This allows to identify the main trends within these industries. Of particular value are contained in the memorial books, calendars, address data. They contain information about persons who have served in government, religious, military, and social institutions of the province.

Key words: commemorative book, calendars, the provincial committee, Tauride Province.

Подано до друку: 15.05.2013 р.

УДК: 904:297”12/14”(477.75)

Д. А. ЛОМАКИН

**Мусульманские памятники Старого Крыма
XIII – XV века: современное состояние**

Проанализировано современное состояние мусульманских памятников золотоордынского периода, расположенных в г. Старый Крым (АР Крым). Рассмотрены памятники, состоящие на учете в Республиканском комитете АРК по охране культурного наследия. На территории Кировского района и г. Старый Крым их насчитывается более 150, с учетом внутрикомплексных – свыше 420 объектов. Три из них имеют статус национального значения (мечеть Узбека и медресе, средневеко-

вая церковь X – XII вв., комплекс монастыря Сурб-Хач). Из памятников мусульманского происхождения XIII – XV веков на территории города взято на учет 8. Из них 5 – памятники архитектуры и градостроительства (мечеть Бейбарса, мечеть Куршун-Джами, караван-сарай, мечеть Мюск-Джами, мечеть Узбека и медресе), 3 – археологии (постройки средневекового города Солхат, оборонительная стена, поселение «Кринички-II»). Представлены запланированные мероприятия по поддержанию объектов истории и культуры, включающие в себя первоочередные противоаварийные работы, проекты реставрации памятников, меры по их содержанию и правомерному использованию согласно положениям, определенных охранными договорами и требованиями законодательства об охране культурного наследия Украины. Большинство объектов культурного наследия, расположенных на территории Старого Крыма, находятся в неудовлетворительном состоянии, частично – в аварийном. Процесс дальнейшего разрушения продолжается – наблюдается постоянное выветривание и вымывание кладочного раствора, замокание и вывалка строительного камня. Кроме естественных природных факторов, разрушающих памятники истории и археологии, серьезное деструктурирующее влияние на состояние объектов культурного наследия оказывают неправомерные действия «черных» археологов. Основная причина сложившейся критической ситуации, ведущей к разрушению и частичному исчезновению памятников истории и культуры на территории Старого Крыма – отсутствие необходимого финансирования. Как следствие, силами отечественных археологов не проводятся археологические разыскания, не осуществляются мероприятия по консервации и качественной реставрации объектов, на памятники археологии не заключены охранные договора. Намечены перспективы дальнейшего исследования памятников с учетом сложившихся реалий.

Ключевые слова: Старый Крым, памятник архитектуры и градостроительства, памятник археологии, современное состояние.

На территории Кировского района и г. Старый Крым состоит на учете более 150 объектов культурного наследия местного и национального значения, с учетом внутрикомплексных их насчитывается свыше 420. Три имеют статус национального значения (мечеть Узбека и медресе (№ 276-Н), средневековая церковь X – XII вв. (№ 277-Н), комплекс монастыря Сурб-Хач, XIV в. (№ 278-Н)). Из памятников мусульманского происхождения золотоордынского периода на территории города взято на учет 8. Из них 5 – памятники архитектуры и градостроительства (мечеть Бейбарса (руины), конец XIII в. (№ 4699-АР), мечеть Куршун-Джами, XIV в. (№ 4700-АР), караван-сарай, XIII – XIV вв. (№ 4701-АР), мечеть Мюск-Джами (мускусная), XV в. (№ 4824-АР), мечеть Узбека и медресе, 1314 г. (№ 276-Н)), 3 – археологии (постройки средневекового города Солхат, XIII – XVIII вв. (№ 2339), оборонительная стена средневекового города Солхат, XIII – XVIII вв. (№ 2366),

поселение «Кринички-II», XIV – XV вв. (№ 4121)). Охранные договора заключены на объекты культурного наследия, входящие в состав КРУ «Эколого-историко-культурный заповедник «Киммерия М. Волошина», на памятник национального значения – комплекс средневекового монастыря Сурб-Хач и на памятники архитектуры и градостроительства, находящиеся на балансе Министерства строительной политики и архитектуры [14, с. 15]. До сих пор не заключены охранные договора на памятники истории и монументального искусства, связанные с периодом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и на памятники археологии [14, с. 17].

1. Памятники архитектуры и градостроительства

1.1. Мечеть Узбека и медресе

Охранный (учетный) номер: 276-Н. Памятник национального значения

Адрес: ул. Чапаева, 5 (бывш. ул. Победы, 5).

Поставлен на учет: Постановление Совета министров УССР от 24.08.1963 г. № 970.

Пользователь: Министерство строительной политики и архитектуры АР Крым.

Охранная зона: Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 № 284 установлена граница охранной зоны, которой служит линия существующей застройки площади, на которую выходят улицы: Победы, Школьная, Красноармейская, Халтурина. Зона регулируемой застройки ограничена улицами Свободы, Р. Люксембург, Ленина, Садовой, Чапаева, пер. Чапаева [13, с. 422].

Состояние памятника:

I. Медресе

Сооружение возведено в 1332/33 г. по распоряжению Инджи-Бей-Хатун. В начале XV в. (не позднее первой четверти) здание было сильно повреждено, возможно, вследствие землетрясения 1423 г. После этого мусульманская община продолжала поддерживать лишь дюрбе основательницы медресе, в которое была перестроена одна из худжр. В конце XV в. к северной стороне медресе была пристроена мечеть. В 1512/13 г. по приказу Менгли-Герая сооружен мимбар, произведен капитальный ремонт обоих построек. На рубеже XIX – XX вв. в результате очередной реконструкции был значительно изменен внешний облик мечети. Медресе после окончательно разрушения, дата которого не установлена, больше не восстанавливалось.

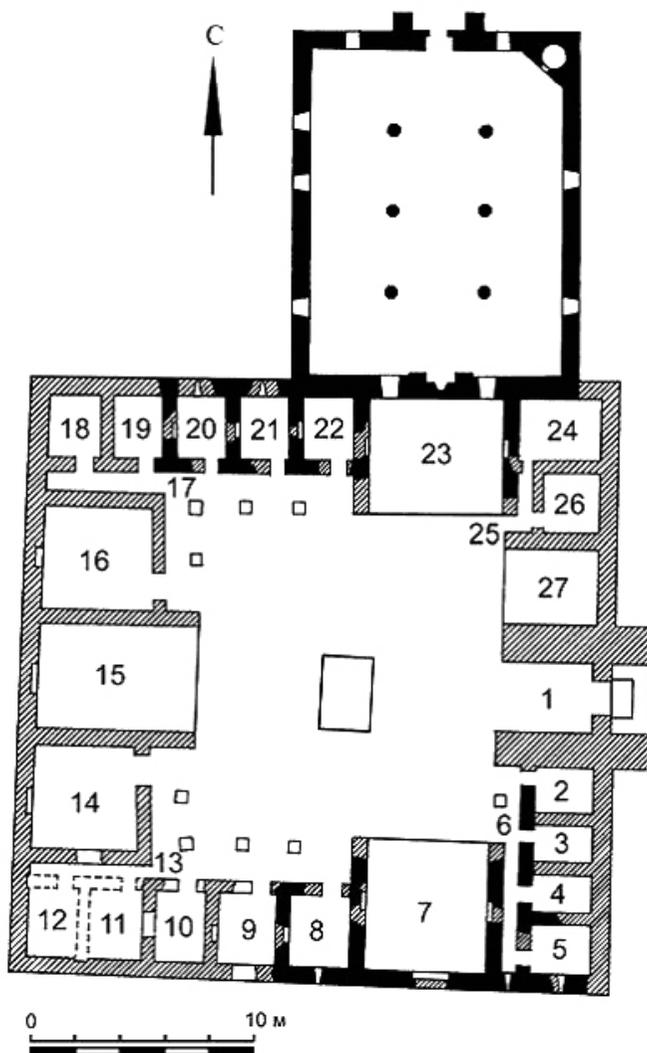

Рис. 1. г. Старый Крым. Памятник архитектуры и градостроительства № 276-Н мечеть Узбека и медресе. Схематичный план с условной нумерацией помещений (Из: Кирилко В. П. Солхатское медресе / В. П. Кирилко // *Stratum plus*. – 2011. – №. 6. – С. 158)

Рис. 2. г. Старый Крым. Памятник архитектуры и градостроительства № 276-Н мечеть Узбека и медресе. Современное состояние.

Общее состояние памятника неудовлетворительное, местами – аварийное. Стены медресе сильно повреждены, декоративные детали утрачены. Памятник сохранился в виде руин, искаженных некачественно выполненной реставрацией.

Медресе – квадратное в плане здание с внутренним двором. Фасадами ориентировано по сторонам света. Размеры: ширина – 24,49–28,70 м., длина – 28,67 м., высота – 6,5–8,5 м., толщина стен – 0,8–0,82 м., площадь двора – 229,4 м. кв. [12, с. 3]. Вход в сооружение один, вёл с востока. Все помещения, галереи и экседры завершались сводами. Внешние формы здания монументальные со ступенчатым силуэтом стен. Главный и дворовые фасады были украшены профилированными наличниками и карнизами.

Передняя стена главного фасада здания сохранилась по высоте 0,5–1,7 м. Фасадная сторона кладки выполнена на известковом растворе из тщательно отёсанных и хорошо пригнанных блоков известняка, тыльная часть и заполнение внутреннего пространства конструкции бутовые. Она состояла из четырёх рядов камня, нижние два из которых по сравнению с остальными отличались большей высотой. На отдельных участках заметно применение зубчатого соединения в виде одинарного прямоугольного уступа [4, с. 158]. Общая глубина залегания фундаментов не установлена. По материалам археологических работ на одном из участков она составила 2,6 м. Верхние части кладок разрушены – раствор осыпается, происходит постоянный вывал камня. На нескольких участках произошло проседание конструкций, что привело к появлению трещин. Состояние условно удовлетворительное [12, с. 3].

Среди остатков обрамления фасада сохранились отдельные элементы наличника оконного проёма, принадлежавшего помещению № 3 (см. рис. 1). Аналогичное окно имелось в соседней худжре (рис. 1, помещение № 4). Частично сохранилась кладка подоконника. С остатками ещё одного оконного проёма, в настоящий момент полностью утраченного, можно отождествить нишу в восточной стене помещения № 2, которая была выявлена во время раскопок 1926 г. [2, с. 264]. Учитывая, что крайняя худжра (рис. 1, помещение № 5) освещалась сбоку, а её передняя стена была глухой, южная половина главного фасада имела два-три одинаковых больших окна – в каждом из остальных помещений (рис. 1, помещение № 2–4). На данном этапе исследований ни сами остатки восточной стены медресе, ни её изображение не позволяют получить полное представление об утраченных деталях строения и высоте главного фасада [4, с. 160].

Вход в медресе располагался в центре восточной стены на продольной оси здания. Сооружение дверного портала сохранилось крайне плохо – на высоту 1,75 м, до уровня завершения цоколя с отдельными уцелевшими кордонами и несколькими плитами нижнего ряда облицовки ниш. Дверной проём прямоугольный в плане. Площадка между цоколями пилонов тщательно вымощена хорошо пригнанными плитами. Поверхность камня не имеет никаких следов потёртости, что позволило предположить постоянное использование в своё время дополнительного покрытия. Непосредственно перед входом сооружена ещё одна двойная ступень, которая сохранилась в повреждённом виде. Она сложена поверх площадки насухо из тщательно обработанных толстых плит. Пустота внутри кладки подлежала забутовке и могла быть на всю ширину перекрыта ещё одной ступенью, место которой в настоящее время занимают два несоразмерных с ней блока вторичного использования.

Всё богатство декоративного убранства строения было сосредоточено в оформлении портала. Профилировку южного пилона М. Г. Крамаровский назвал сложной и интерпретировал ее как «мотив сдвоенного каблучка» [7, с. 274]. С подобной трактовкой не согласился В. П. Кирилко, «поскольку в сечении все обрамления и карнизы данного сооружения, как, впрочем, и наличники дворовых фасадов, представляют собой комбинацию из всего трёх основных обломов классического облика – разной величины полочек, выкружки и вала» [4, с. 165]. Декоративная резьба портала полностью утрачена, частично сохранились лишь профилированные пилястры и цокольные границы айванов в виде отдельных деталей, современное местоположение которых не соответствует их первоначальному расположению. Состояние остатков декоративного убранства неудовлетворительное – присутствуют физические и механические повреждения [12, с. 3].

Уникальным строительным приёмом является одновременное использование на смежных участках лицевого слоя кладки двух разновидностей известняка: прочного мелкозернистого и менее стойкого к воздействию природной среды нуммулитового, в настоящее время повсеместно сильно повреждённого эрозией либо полностью разрушенного. Почему при декоративной отделке фасадов отдавалось предпочтение той или иной породе камня, неизвестно, поскольку обе они пригодны для выполнения высококачественной резьбы и тщательной пригонки отдельных деталей. Выявленные остатки южного пилона разрушены, а сама капитель сохранилась в сильно повреждённом виде, полностью утратив нижнюю часть. К пиштаку, дополняя его компози-

ционно и конструктивно, сзади примыкал широкий сводчатый коридор (рис. 1, помещение № 1), который вёл во двор медресе. С боков он был ограждён мощными стенами – своего рода внутренними пилонами. Пол экседры вымощен плитами известняка [4, с. 170].

В отличие от главного фасада, наружные стены здания с внешней стороны имели ровную поверхность без декоративного убранства. Они были сложены из бута средних размеров на известковом растворе. Состояние неудовлетворительное, постоянно идет деструктивный процесс – раствор осыпается, наблюдается вывал строительного камня. Деревянные связи между стенами не сохранились [12, с. 3]. Исключением являлись углы строения, которые были выполнены с применением тёсаного известняка, обеспечивавшего качественную перевязку смежных конструкций. Кладка велась чётко выдержанными рядами, высота которых обуславливалась величиной используемых блоков на угловых участках здания [4, с. 172]. Кладки внешних стен строения сохранились на высоту 1,5–7,5 м, достигая местами уровня верха перекрытия помещений [4, с. 174].

Остатки окон сохранились лишь на переднем и боковых фасадах. Однако, по мнению В. П. Кирилко, есть вероятность, что подобным образом освещались также коридоры, примыкавшие к тыльной стене здания [4, с. 173]. Остальные западные помещения медресе с внешней стороны оконных проёмов не имели. Одно из окон южной стены здания, освещавшее коридор (рис. 1, помещение № 6) между восточными худжрами и айваном, сохранилось почти полностью. Оно узкое, прямоугольной формы. Снаружи, с боков и сверху, отверстие облицовано блоками гладко тёсаного известняка. Над уровнем земли окно коридора возвышалось на 2,95 м. На таком же расстоянии от пола находились и остальные световые проёмы южного фасада строения, частично сохранившиеся в нескольких худжрах (рис. 1, помещения №№ 5, 8). Аналогичную архитектуру имели оконные проёмы северных худжр медресе, один из которых относительно хорошо сохранился в помещении № 20 (см. рис. 1) [4, с. 173].

Каждая из трёх площадок для учебных занятий в тёплое время года представляла собой прямоугольное в плане трёхстенное сводчатое помещение, полностью открытое со стороны двора (рис. 1, помещения №№ 7, 15, 23). Между собой они отличались размерами внутреннего пространства, а также отдельными декоративными и конструктивными деталями. Пол помещений имел каменное покрытие [4, с. 175].

Выразительными архитектурными деталями интерьера айванов являлись прямоугольные ниши для книг и письменных принадлежностей, обрамленные профилированными наличниками из тёсаного известняка. Они находились в центре боковых и тыльной стен помещений, в каждом из которых располагались на разной высоте от уровня пола [4, с. 180]. По внешнему периметру наличник ниш был украшен двумя валами с желобком между ними. Предположительно, первоначально подобные ниши имелись в каждой из трёх стен. В северном айване (рис. 1, помещение № 23), тыльная сторона которого была полностью разобрана во время пристройки мечети, сейчас они сохранились только с боков. В западном помещении (рис. 1, помещение № 15) частично уцелела лишь ниша в задней стене. Выделяется оформление интерьера южного айвана (рис. 1, помещение № 7), имевшего, по мнению В. П. Кирилко, «однозначно» три ниши. Две из них, боковые, были обычной для этого типа помещений формы. Третья отличалась размерами и расположением. Поскольку внутри медресе собственной мечети не имелось, величина и южная ориентация ниши дали основание считать её михрабом [4, с. 181]. Декоративное обрамление данного сооружения в настоящий момент полностью утрачено, поэтому достоверному определению поддаются лишь габариты ниши, оставленной наличником в кладке. Лицевые поверхности всех без исключения деталей имеют значительные физические повреждения. Общее состояние неудовлетворительное. Предметы прикладного искусства не сохранились. На стенах айванов сохранились лишь специальные кольца для подвешивания ламп [12, с. 4].

Помимо трёх основных площадок для учебных занятий в медресе было предусмотрено одно прямоугольное в плане трёхстенное сводчатое помещение, также полностью открытое со стороны двора, но значительно меньшего размера (рис. 1, помещение № 27). С северной стороны оно примыкало к входной экседре. Пол помещения был каменным и находился практически на одной отметке с остальными учебными помещениями медресе. Кладка внутренней поверхности стен айвана была выполнена из блоков тёсаного известняка [4, с. 181]. В боковой стене помещения, с северной стороны, частично сохранилась прямоугольная ниша с профилированным наличником. Она имела обычную для данного медресе форму и декоративное обрамление, но от аналогичных деталей других айванов отличалась меньшей величиной [4, с. 183]. Колонна на входе в малый айван, которая изображена на многих введённых в научный оборот планах медресе, по мнению В. П. Ки-

рилко, «на самом деле является ничем не обоснованной фантазией исследователей» [4, с. 182]. При исследовании остатков строения следы данной опоры не были обнаружены. Колонна также отсутствовала на начальной реконструкции плана здания работы А. Л. Якобсона, опубликованного А. С. Башкировым сразу после проведения археологических раскопок [1].

По обе стороны от западного айвана (рис. 1, помещение № 15) находились большие помещения, которые предназначались для учебных занятий в холодное время года. Более уцелевшими являются остатки южной аудитории (рис. 1, помещение № 14). Помещение имеет квадратные в плане очертания. Его передняя стена развёрнута по направлению к центру двора. Вход один, вёл с галереи. Дверной проём в плане прямоугольный. В южной части передней стены имелся оконный проём, остатки которого видны на фотографиях 1926 г. и отмечены на плане, составленном А. Л. Якобсоном [2: рис. 1, 4]. В центре тыльной стены сохранилась большая прямоугольная ниша для книг и письменных принадлежностей. Имелись ли подобные ниши в боковых стенах аудитории, достоверных данных нет.

Второе помещение для занятий (рис. 1, помещение № 16) примыкало к западному айвану с северной стороны. Оно симметрично южной аудитории и имело одинаковую с ней архитектуру. Вход, оконный проём и ниша сохранились фрагментарно. От дверного проёма северной аудитории уцелели только опоры наличника [4, с. 184]. Наличие окна в передней стене было отмечено на плане медресе П. И. Голландского. Остатки ниши в тыльной стене помещения представлены нижним блоком облицовки.

Северное учебное помещение (рис. 1, помещение № 16) было перестроено под мавзолей основательницы медресе, что сопровождалось существенной перепланировкой, обусловленной новым назначением и функциональными требованиями. Внутри бывшей аудитории под полом появилась прямоугольная в плане усыпальница. Вход в нее вёл с востока, со стороны двора. Он был расположен под дверным проемом аудитории, что вызвало упразднение того, разрушение и последующую закладку. Наземная часть дюрбе представляла собой частично перестроенное учебное помещение. Взамен прекратившего своё существование восточного входа появился новый дверной проём, который вёл в бывшую аудиторию с юга, из соседнего помещения. Возможно, при его сооружении были применены резные детали первоначального входа в аудиторию, при перестройке помещения подвергнувшегося упраздне-

нию и разборке. Погребальная камера и поминальное помещение, в которое была превращена аудитория, между собой не сообщались. Технологическое обследование кладок склепа показало, что при его возведении применялся раствор с однородной мелкозернистой структурой, который визуально отличался от всех остальных растворов медресе розовато-бурым оттенком и составом [4, с. 183]. При декорировании мавзолея использовались майоликовые плитки, украшенные арабесками в виде звезд. Остатки дюрбе временно законсервированы грунтом, для обследования они недоступны, их современное состояние не установлено [12, с. 4].

Жилые помещения для учеников располагались вдоль внешних стен здания по периметру, занимая пространство между боковыми айванами (рис. 1, помещение №№ 7, 23) и аудиториями (рис. 1, помещение №№ 14, 16), а также южным айваном (рис. 1, помещение № 7) и входной экседрой (рис. 1, помещение № 1). Они образовывали три компактные группы. Доступ к ним обеспечивали открытые во двор галереи и коридоры (рис. 1, помещение №№ 6, 13, 17). Худжры представляли собой прямоугольные в плане сводчатые помещения одинаковой величины. Каждая из них имела отдельный вход, окно, а также нишу для книг и письменных принадлежностей. За исключением единственного помещения, занимавшего юго-восточный угол медресе (рис. 1, помещение № 5), все худжры однотипные. Дверной проём находился у края передней стены, наиболее близко расположенного к главному входу в медресе. Худжры освещались с внешней стороны здания. Ниша обычно находилась в боковой стене, удалённой от дверного проёма. Размеры наиболее хорошо сохранившейся ниши в одной из северных худжр (рис. 1, помещение № 22): высота – 0,55 м, ширина – 0,45 м, глубина – 0,30 м. Над полом она возвышалась на 1,25 м. По свидетельству М. Г. Крамаровского, внутренние поверхности стен в худжрах были оштукатурены известковым раствором, а пол помещений имел каменное покрытие с известковой обмазкой [6, с. 281]. В одной из келий археологическими работами обнаружено отопительное устройство – тандыр [3, с. 73]. Несколько иную планировку имела юго-восточная худжра (рис. 1, помещение № 5). Её дверь смещена в сторону, противоположную входу в медресе, и располагалась в самом конце коридора. Окно находилось сбоку, на поперечной оси помещения [4, с. 187].

Две худжры (рис. 1, помещение №№ 24 и 26) выделялись своим обособленным расположением и относительно большими размерами, что дало основание их считать помещениями для преподавателя и его по-

мощников. Они имели общий короткий коридор (рис. 1, помещение № 25), в который можно было попасть со двора через узкий проход между северным и восточным айванами (рис. 1, помещения №№ 23 и 27). Прихожая (рис. 1, помещение № 25), обслуживавшая худжры, подобно им также выделялась своей архитектурной. Она представляла собой относительно узкое и короткое, прямоугольное в плане сводчатое помещение. Неординарным архитектурным решением прихожей являлось сооружение окна над входом в угловую келью. Судя по остаткам перекрытия в кладке, сохранившегося в виде гнезда от двух брусьев, проём был развернут внутрь коридора и предназначался для его освещения со стороны худжры. Остальные три коридора медресе были однотипными. Они находились между учебными помещениями и рядовыми худжрами, обеспечивая доступ к кельям, расположенным в глубине здания. Относительно хорошо сохранился коридор в юго-восточной части строения (рис. 1, помещение № 6) [4, с. 191]. Он представлял собой прямоугольное в плане сводчатое трёхстенное помещение. Одна из боковых стен имела украшенные рельефными наличниками входы в две крайние худжры (рис. 1, помещения №№ 4, 5), вторая, со стороны айвана, была сплошной с абсолютно ровной поверхностью.

Внутреннее пространство всех трёх галерей медресе со стороны двора было ограждено арочной колоннадой, которая соединяла между собой края больших айванов (рис. 1, помещения №№ 7, 15, 23) и входной экседры (рис. 1, помещение № 1). Её остатки представлены фрагментарно, отдельные части конструкции сохранились *in situ* [4, с. 192]. Ни один из стволы колонны до настоящего времени не сохранился. Судя по форме используемых баз и капители, они имели вид правильной призмы и, вероятнее всего, были цельными. Одна капитель, единственная уцелевшая, при проведении археологических раскопок 1926 г. была выявлена на месте восточной галереи, аркаде которой, видимо, и принадлежала. Для соединения между собой отдельных элементов аркады были предусмотрены специальные монтажные гнезда [4, с. 193] – сделаны выемки под деревянные связи. В качестве баз угловых опор использовались массивные гладко тёсанные блоки кубовидной формы с равномерно скошенным по верхнему периметру краем. Все части выполнены из известняка. Их состояние условно удовлетворительное [12, с. 4].

Внутренний двор здания в плане квадратный. По периметру он был ограждён арочной колоннадой, соединявшей между собой айваны и входную экседру. Весь двор был покрыт тщательно пригнанными на

стыках прямоугольными известняковыми плитами разной величины и формы. Некоторые из них являлись вторично использованными. На отдельных участках двора наблюдалось проседание покрытия, местами достигавшее 0,7 м. Это обусловлено размещением медресе на территории, ранее занятой сооружениями ремесленного района городской застройки [6, с. 281]. В центре двора на оси входа ранее располагался фонтан, от которого сейчас сохранилось массивное подножие прямоугольной формы. Кладка выполнена из бута разной величины на известковом растворе с розовато-бурым оттенком. Подножие имело водопроводящее устройство с керамическими трубами и каменным коленом, поднимавшим воду под прямым углом в несохранившуюся чашу [6, с. 281]. Рядом с фонтаном, у северо-восточного угла сооружения находился круглый в плане колодец. По мнению М. Г. Крамаровского, он предназначался для сброса дождевых стоков двора [5]. В данный момент каменная вымостка площади перед входом и внутреннее пространство двора законсервировано грунтом. Ее состояние не определено [12, с. 4].

II. Мечеть Узбека

Памятник обмерен, зарисован, сфотографирован экспедицией И. Н. Бороздина в 1925 г. В 1978 г. изучение памятника начала археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Работами внутри здания было вскрыто более 100 кв.м. Установлено, что мечеть была возведена на месте ремесленного района. Зафиксировано два строительных периода: первый – не ранее середины XIV в., второй – начало XVI в., когда в 1512–1513 гг. мечеть была перестроена в соборную. Раскопки в порталной части показали, что портал был вторично использован в строительстве мечети и происходит из другого памятника. У восточной стены был исследован позднесредневековый могильник.

Здание базиликального типа, прямоугольное в плане. Внутри мечеть разделена на три нефа двумя параллельными рядами 8-гранных колон со сталактитовыми капителями продольно соединенных стрельчатых арками. Перекрытия деревянные, крыша двускатная, крытая черепицей. Главный вход расположен в северной стороне, обрамлен высоким резным порталом, на котором сохранилась арабская надпись. В юго-восточный угол мечети встроены высокий минарет, вход в который ведет из мечети по винтовой лестнице. Минарет и лестница были восстановлены. Продольной осью здание ориентировано в направлении север-юг. Пол вымощен каменными плитами. В мечети было два сливных устройства, очевидно, для омовений. Здание сохранилось не

на всю высоту, верхняя часть стен восстановлена и реставрирована. От первоначальной постройки сохранились часть северной стены с порталом, колонны с арками в интерьере, михраб, украшенный резьбой по камню, расположенный в южной стене здания. Восточная и западная стены сложены из бутового камня с деревянными связями, портал и северо-восточный угол с массивным основанием минарета – из обработанного камня. С 1988 по 1992 проведена реставрация силами религиозной организации «Ватан» и передана мусульманской общине г. Старый Крым. В данный момент мечеть является действующей.

Ограда комплекса, отделяющая охранную зону памятника, современного происхождения. Состояние удовлетворительное.

Мероприятия по поддержанию памятника: До 2015 г. запланировано выполнить первоочередные противоаварийные работы на памятнике, провести реставрацию согласно разработанного и утвержденного проекта. Содержать и использовать памятник необходимо согласно положениям, определенных охранным договором и согласно требованиям законодательства об охране культурного наследия Украины. Памятник может использоваться как культурный объект и объект культурных исследований [12, с. 4].

1.2. Мечеть Бейбарса

Охранный (учетный) номер: 4699-АР

Адрес: ул. Красноармейская, 59

Поставлен на учет: г. Решение Крымского облисполкома № 284 от 22.05.1979 [13, с. 422].

Пользователь: Министерство строительной политики и архитектуры АР Крым.

Состояние памятника. Мечеть возведена в конце XIII в. Название получила от имени султана Египта Бейбарса. Ориентирована с севера на юг. Здание прямоугольное в плане. Длина западного и восточного фасадов (по продольной оси) – 19,67 м., южного – 14,94 м., северного – 16,8 м. Площадь мечети 292 кв. м. Глубина залегания фундаментов – около 1 м. Здание представляло собой тип трехнефной базилики с двускатной крышей. Расчетный шаг колоннады – 4,1 м. Ширина центрального нефа – 3,9 м. Высота минарета, предположительно, достигала 20 м. Его основание в северо-восточном углу мечети. Объем памятника по габаритам сохранившихся руин – 2190 куб. м. К настоящему моменту сохранилась часть стен мечети [9, с. 2].

Общее состояние памятника – неудовлетворительное. Фундаменты ленточные из бута на глиняном растворе. Шурфовка фундаментов не

проводилась. Глубина залегания фундамента не определена. При этом его состояние определено как «удовлетворительное». Происходит постоянное замokание камней, выветривание и вымывание кладочного раствора. Отмостка отсутствует. Стены сложены из камней неправильной формы на глиняном растворе. Углы здания выполнены из тесаного камня известняка. Наблюдаются периодические вывалы камней из сохранившихся частей стен. Проемы в стенах прямоугольной формы. Перемычки над ними выполнены из брусьев. Высота стен с цоколем – примерно 7,5 м. Сохранился фрагмент карнизной тяги, выполненной из тесаного камня.

Мероприятия по поддержанию памятника: до 2014 г. намечено выполнить проект ремонтно-реставрационных работ, провести консервацию и музеефикацию объекта. Мечеть может использоваться как экскурсионный объект с соблюдением условий, предусмотренных Законом Украины «Об охране культурного наследия» [9, с. 2].

1.3. Мечеть Куршум-Джами

Охранный (учетный) номер: 4700-АР

Адрес: ул. Ленина, 18/ ул. Стамова, 40

Поставлен на учет: Решение Крымского облисполкома № 284 от 22.05.1979 г. [13, с. 422].

Пользователь: Министерство строительной политики и архитектуры АР Крым.

Состояние памятника: По легенде при строительстве мечети в качестве раствора использовался расплавленный свинец, которым заливались стыки строительного камня. До настоящего момента подтверждений этой версии не выявлено. Общее состояние – неудовлетворительное. Фундаменты ленточные, из бута на глиняном растворе. Шурфовка фундаментов не производилась. Глубина заложения фундамента не определена. Происходит постоянное намokание камней, выветривание и вымывание кладочного раствора. Отмостка – отсутствует. Габаритные размеры стен: 21,0 x 15,0 м. Ширина до 1,0 м. Стены сложены из камней известняка неправильной формы на глиняном растворе. Углы здания выполнены из тесаного камня известняка. Наблюдается устройство поясов в кладке из мелкоштучного строительного материала (предположительно глиняная плинфа). Происходят периодические вывалы камней из сохранившихся частей стен. Уцелевший проем в стене имеет арочную форму. Перемычка над ним выполнена из камней неправильной формы. Сохранился фрагмент карнизной тяги, выполненной из тесаного камня [10, с. 2].

Мероприяття по піддержанню пам'ятника: до 2014 г. намечено виконати проєкт ремонтно-реставраційних робіт, провести консервацію і музеєфікацію об'єкта.

Мечеть може використовуватися як екскурсійний об'єкт [10, с. 2].

1.4. Караван-сарай

Охранный (учетный) номер: 4701-АР

Адрес: ул. Партизанская, 40

Поставлен на учет: Решение Крымского облисполкома № 284 от 22.05.1979 г. [13, с. 422].

Пользователь: Министерство строительной политики и архитектуры АР Крым.

Состояние памятника: В комплекс «Караван-сарай» ранее входили мечеть, фонтаны, колодцы, ремесленные мастерские. Из-за монументальности постройки дореволюционные источники часто связывали памятник с ханским дворцом или монетным двором. Караван-сарай представлял собой пятиугольное здание с пристройками в виде башен площадью 2,5 кв. км. Постройки были окружены глухой стеной и образовывали просторный, вымощенный каменными плитами двор, внутрь которого выходили двухэтажные деревянные галереи с выходами из комнат. Для укрепления отдельных частей стен применялись деревянные рамы с продольными и поперечными лежнями. Вокруг стены здания была обнаружена вымостка из слабо обработанного плитняка, и найдены четыре глиняные трубы древнего водопровода. Общее состояние – неудовлетворительное. Памятник руинирован. Южная сторона двора полностью утрачена, остальные сохранились на высоту до 4,5 м. Внутренние постройки утрачены. На северо-востоке прослеживаются стены угловой башни. Стены сложены из местного известняка на известковом растворе. Кладка стен выполнена из каменных блоков различного размера и формы. Обнаружены трещины в юго-западной стене. Территория двора караван-сарая в настоящее время засаживается цветочными культурами, установлены теплицы [8, с. 2].

До 2014 г. намечено выполнить ряд ремонтно-реставрационных работ:

1. Выполнить проєкт реставрації пам'ятника (фірмою, існуючою ліцензією на даний вид робіт);
2. Консервація пам'ятника;
3. Благоустрій території пам'ятника;
4. Після виконання ремонтно-реставраційних робіт скласти акт технічного стану пам'ятника;

5. Содержать и использовать памятник согласно условий, определенных охранным договором и в соответствии с Законом Украины «Об охране культурного наследия».

Памятник может быть использован «пользователем» как экскурсионный объект [8, с. 2].

1.5. Мечеть Мюск-Джами

Охранный (учетный) номер: 4824-АР

Адрес: ул. Садовая, 18

Поставлен на учет: Приказ Министерства культуры Украины от 22.11.2012 №1364 [13, с. 423].

Пользователь: Министерство строительной политики и архитектуры АР Крым.

Состояние памятника. Руины мечети расположены в 250 м к востоку от мечети Узбека на территории частного домовладения. Сохранился участок стены длиной несколько метров. Общее состояние памятника – неудовлетворительное. Фундаменты ленточные, из бута на глиняном растворе. Шурфовка фундаментов не проводилась. Глубина залегания не определена. Состояние сохранившихся частей цоколя неудовлетворительное. Происходит постоянное замокание камней, выветривание и вымывание раствора. Отмостка отсутствует. Ширина стен до 1 м. Сложены из камней известняка неправильной формы на глиняном растворе. Наблюдаются периодические вывалы камней из сохранившихся частей стен. Археологические и реставрационные работы на территории памятника не проводились [11, с. 2].

Мероприятия по поддержанию памятника: до 2014 г. намечено выполнить проектные и консервационные работы по музеефикации объекта. Объект может использоваться как экскурсионный объект с соблюдением условий, предусмотренных Законом Украины «Об охране культурного наследия» [11, с. 2].

2. Памятники археологии и архитектурно-археологические комплексы

2.1. Постройки средневекового города Солхат (XIII – XVIII вв.)

Учетный номер: 2339

Адрес: г. Старый Крым, северо-восточная окраина, у подножья горы Большой Агармыш

Поставлен на учет: Решение Крымского облисполкома от 15.01.1980 г. № 16; решение Крымского облисполкома от 05.06.84 г. № 284

Охранная зона: Решением Крымского облисполкома от 15.01.1980 г. № 16 установлена охранная зона площадью 50 га [13, с. 252].

2.2. Оборонительная стена средневекового города Солхат (XIII – XVIII вв.)

Учетный номер: 2366

Адрес: г. Старый Крым, у северо-восточной окраины города

Поставлен на учет: Решение Крымского облисполкома от 15.01.1980 г. № 16; решение Крымского облисполкома от 05.06.84 г. № 284

Охранная зона: Решением Крымского облисполкома от 15.01.1980 г. № 16 установлена охранная зона площадью 500 х 5 м. [13, с. 252].

2.3. Поселение «Кринички-II», XIV – XV вв.

Учетный номер: 4121

Адрес: с. Кринички, в 1,3 км. к северо-западу

Поставлен на учет: Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 15.03.2000г. № 1007-2/2000

Охранная зона: Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 15.03.2000 г. № 1007-2/2000. Площадь поселения – 70 х 70м. (0,49 га); охранная зона с учетом размеров памятника – 120 х 120 м. (1,44 га) [13, с. 259].

Состояние памятника: Участки археологических работ 1998–2001 гг. под руководством М. Г. Крамаровского законсервированы.

Мусульманские памятники золотоордынского периода, расположенные на территории Старого Крыма, находятся в неудовлетворительном состоянии, частично – в аварийном. Процесс дальнейшего разрушения продолжается – наблюдается постоянное выветривание и вымывание кладочного раствора, замокание и вывалка строительного камня. Кроме естественных природных факторов, разрушающих памятники истории и археологии, серьезное деструктурирующее влияние на состояние объектов культурного наследия оказывают неправомерные действия «черных» археологов. Основная причина сложившейся критической ситуации, ведущей к разрушению и частичному исчезновению памятников истории и культуры на территории Старого Крыма – отсутствие необходимого финансирования. Как следствие, силами отечественных археологов не проводятся археологические разыскания, не осуществляются мероприятия по консервации и качественной реставрации объектов, на памятники археологии не заключены охранные договора. Для сохранения объектов культурного наследия, проведения их систематического исследования и

реставрации, необходимо создание на базе памятников экономически привлекательных туристических объектов.

Источники и литература

1. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата / А. С. Башкиров // Крым. – 1927. – № 1. – С. 122–144.
2. Бороздин И. Н. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму : работы археологической экспедиции 1926 года / И. Н. Бороздин // Новый Восток. – 1927. – № 16/17. – С. 256–274.
3. Золотоордынская экспедиция // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л. : Искусство, 1986. – № 51. – С. 73.
4. Кирилко В. П. Солхатское медресе / В. П. Кирилко // Stratum plus. – 2011. – №. 6. – С. 125–210.
5. Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация / М. Г. Крамаровский // Золотая Орда : история и культура : каталог выставки / под ред. М. Б. Пиотровского. – СПб : Славия, 2005. – 264 с.
6. Крамаровский М. Г. Работы на городище средневекового Солхата / М. Г. Крамаровский // Археологические открытия 1982 года / под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1984. – С. 281.
7. Крамаровский М. Г. Раскопки на городище Солхата / М. Г. Крамаровский // Археологические открытия 1981 года / под ред. Б. А. Рыбакова. – М. : Наука, 1983. – С. 274.
8. Рабочий архив Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия. – Акт технического состояния памятника истории и культуры [Караван-сарай] и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории : Приложение к охранному договору от 23 октября 2009 г. – 2009. – 14 окт. – л. 1–4.
9. Рабочий архив Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия. – Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Бейбарса] и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории : Приложение к охранному договору от 23 октября 2009 г. – 2009. – 24 сент. – л. 1–3.
10. Рабочий архив Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия. – Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Куршум-Джами] и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории : Приложение к охранному договору от 23 октября 2009 г. – 2009. – 24 сент. – л. 1–3.
11. Рабочий архив Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия. – Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Мюск-Джами] и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории : Приложение к охранному договору от 19 января 2010 г. – 2009. – нояб. – л. 1–3.
12. Рабочий архив Республиканского комитета АРК по охране культурного наследия. – Акт технического состояния памятника истории и культуры [Мечеть Узбека и медресе] и определения плана работ по памятнику и благоустройству его территории : Приложение к охранному договору от 19 января 2010 г. – 2009. – 12 нояб. – л. 1–5.

13. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым : по состоянию на 01.01.2004 г. / Республиканский комитет по охране культурного наследия АР Крым. – Симферополь : ООО «Форма», 2004. – 488 с.
14. Тур С. А. Проблемы охраны памятников культурного наследия в Автономной Республике Крым / С. А. Тур // Откровения древнего Солхата : Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» «Солхат – центр золотоордынской культуры Крыма : итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников» / Совет Министров Автономной Республики Крым ; под ред. А. Г. Герцена. – [Х., 2010]. – С. 14–21.

Ломакін Д. А. Мусульманські пам'ятки Старого Криму XIII – XV століття: сучасний стан

Проаналізовано сучасний стан мусульманських пам'яток золотоординського періоду, розташованих в м. Старий Крим (АР Крим). Розглянуто пам'ятки, що перебувають на обліку в Республіканському комітеті АРК з охорони культурної спадщини. На території Кіровського району і м. Старий Крим їх налічується більше 150, з урахуванням внутрішньоконкомплексних – понад 420 об'єктів. Три з них мають статус національного значення (мечеть Узбека і медресе, середньовічна церква X – XII ст., комплекс монастиря Сурб-Хач). З пам'яток мусульманського походження XIII – XV століття на території міста узято на облік 8. З них 5 – пам'ятки архітектури і містобудування (мечеть Бейбарса, мечеть Куршун-Джамі, караван-сарай, мечеть Мюскджамі, мечеть Узбека і медресе), 3 – археології (споруди середньовічного міста Солхат, оборонна стіна, поселення «Кринички-II»). Представлено заплановані заходи щодо підтримки об'єктів історії і культури, а саме першочергові протиаварійні роботи, проекти реставрації пам'яток, заходи, націлені на збереження та правомірне використання пам'яток згідно положень, визначених охоронними договорами і вимогами законодавства про охорону культурної спадщини України. Більшість об'єктів, розташованих на території Старого Криму, знаходиться в незадовільному стані, частково – в аварійному. Процес подальшого руйнування продовжується – спостерігається постійне вивітрювання і вимивання розчину кладки, замокання і вивалка будівельного каменю. Окрім природних чинників, що руйнують пам'ятки історії і археології, важливий вплив на стан об'єктів культурної спадщини чинять неправомірні дії «чорних» археологів. Головна причина критичної ситуації, яка неминуче веде до руйнування і часткового зникнення пам'яток на території Старого Криму – відсутність необхідного фінансування. Як наслідок, силами вітчизняних археологів не проводяться археологічні роботи, не здійснюються заходи щодо консервації і якісної реставрації об'єктів, на пам'ятки археології досі не укладено охоронні договори. Окреслено перспективи подальшого дослідження пам'яток.

Ключові слова: Старий Крим, пам'ятка архітектури і містобудування, пам'ятка археології, сучасний стан.

Lomakin D.A. Muslim monuments of Sary Krym of the XIII – XV-th century: current state

It is studied the current state of the Muslim monuments of Golden Horde period, that are located in Sary Krym (Crimea). The author considered monuments, registered in the National Committee for the protection of cultural heritage of the Autonomic Republic of the Crimea. There are more than 150 objects on the territory of the Kirov district and in Sary Krym, the general number of the objects is 420, including the whole complex inside. Three of them have the status of national importance (Uzbek mosque and madrasah, the medieval church of X – XII-th centuries, the monastery Surp-Hach complex). Only eight Muslim monuments of XIII – XV-th century are registered. Five of them are the monuments of architecture and urban planning (Beybars Mosque, the Kurshun-Jami mosque, a caravan-serai, Myusk-Jami mosque, Uzbek mosque and madrasah), also there are three archeological objects (buildings of the medieval town Solkhat, defensive wall, the settlement "Krinichki-II"). The planned activities for the maintenance of historical and cultural objects are viewed, including priority emergency response work, projects on restoration of monuments, measures for their maintenance and lawful use under the provisions of certain contracts and guarding legislation on the protection of the cultural heritage of Ukraine. Most objects of cultural heritage, located in Sary Krym, are in poor condition, partly – in an emergency. The process of further destruction continues; there is a constant weathering and leaching of masonry mortar, also soakage and dumping of building stones out. In addition to natural factors that destroy the historical and archeological monuments, a serious destructing impact on the monuments of the cultural heritage is providing by illegal actions of "black" archeologists. The main reason for the current critical situation, leading to the destruction and partial disappearance of monuments of history and culture in Sary Krym, is the lack of funding. As a consequence, local archaeologists don't make archeological research, don't take steps to conservation and restoration of objects, there are no security treaties on archaeological sites. The perspectives of further studies of the monuments were proposed on the current realities.

Key words: Sary Krym, a monument of architecture and urban planning, archaeological monument, the current state.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК [001:930“18/19”](477.75) – 057.4

А. А. НЕПОМНЯЩИЙ**В. В. Латышев: опыт каталогизации
крымских эпитафических памятников**

Рассмотрен вклад выдающегося российского антиковеда Василия Васильевича Латышева (1855–1921) в изучение античного периода истории Крыма, систематизацию и публикацию эпитафических памятников. Проанализирована роль В. В. Латышева в изучении древней и средневековой истории Крыма, в особенности, источниковой базы исследования. Изданные им эпитафические памятники до настоящего времени являются наиболее фундаментальным корпусом из опубликованных письменных источников по истории Крыма древнего периода. Отмечено, что благодаря методологической помощи, оказанной ученым местным научным силам, значительно продвинулось вперед изучение древних памятников в музеях Керчи (К. Е. Думберг, В. В. Шкорпил) и Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Л. А. Моисеев), появились многочисленные публикации местных краеведов, посвященные проблемам изучения и расшифровок крымских надписей (К. К. Косцюшко-Валюжинич, В. В. Шкорпил). На основе изучения переписки В. В. Латышева показано, что важной формой крымоведческой деятельности были его постоянные контакты с местными краеведами и учеными-крымоведами из других научных центров.

Ключевые слова: В. В. Латышев, крымоведение, эпитафические памятники.

В изучение античного периода истории Крыма, систематизацию и публикацию эпитафических памятников этого времени значителен вклад выдающегося российского антиковеда Василия Васильевича Латышева (1855–1921), оставившего огромное крымоведческое наследие. Начало научной деятельности историка, совпавшее с 80-ми годами XIX века, способствовало ориентации его исследований на разработку источников древнего и средневекового Крыма. В это время в среде русских ученых значительно вырос интерес к античной истории. Становилось понятно, что восстановление канвы исторических событий, их осмысление во взаимосвязи невозможно без тщательной подготовительной источниковедческой работы.

Для реконструкции жизненного пути ученого мы располагаем обстоятельными автобиографическими записками самого В. В. Латышева [1–3], а также некрологами, составленными его современниками С. А. Жебелёвым [4], А. А. Никитским [5], Ф. И. Успенским [6]. Интересные материалы содержит библиографическая подборка о В. В. Латышеве, сделанная Д. Д. Языковым [7, л. 7–15]. Сохранились и

достаточно подробные библиографические списки трудов ученого. Первый из них, составленный в честь 30-летнего юбилея его научной деятельности, охватывает публикации историка в российских и европейских изданиях до 1908 г [8]. Составленный самим В. В. Латышевым библиографический список его работ сопровождал сборник избранных сочинений «ПОНТИКА» [9, с. XI–XIII]. Наиболее полным из дореволюционных библиографических указателей трудов В. В. Латышева следует признать список, помещенный в «Материалах для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук» [2], который насчитывает 209 позиций. Он был уточнен советскими библиографами [10, с. 166–169]. Наиболее полная библиография ученого представлена Н. А. Винберг (1958 г.) [11, с. 36–51].

В. В. Латышев родился в с. Диеве Бежецкого уезда Тверской губернии. Происходил он «из мещан г. Калязина» [3, с. 91]. Рано лишившись отца, он воспитывался дядей И. С. Талызиным. В 1865–1872 г. юноша обучался в Гродненской гимназии, которую закончил с Серебряной медалью и продолжил образование на отделении древних языков С.-Петербургского Историко-филологического института. Круг научных интересов В. В. Латышева на студенческой скамье не ограничивается только филологией. В институте он сблизился с Ф. Ф. Соколовым и увлекся эпиграфикой [12, с. VI]. После окончания института В. В. Латышев работал в 1876–1880 г. учителем древних языков в Виленской гимназии [13, с. 70–71].

В 1880 г. по рекомендации Ф. Ф. Соколова В. В. Латышев был направлен в 2-годичную командировку в Грецию для подготовки к профессорскому званию. Стажировка проходила в усиленных занятиях эпиграфикой как в музейных условиях, так и в полевых, благодаря постоянным экскурсиям по местам археологических работ [14, с. 7]. В это время появилась первая крымоведческая публикация Василия Васильевича. Подготавливая к изданию некоторые надписи, он активно сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения», где с 1880 г. публиковалась серия его статей под общим названием «Эпиграфические этюды», некоторые из которых были посвящены древнему Крыму [15].

В марте 1882 г. Русское археологическое общество по рекомендации Ф. Ф. Соколова решило поручить В. В. Латышеву осуществить сбор материалов для последующего издания свода древних греческих и латинских надписей, происходящих из античных поселений Северного Причерноморья. После возвращения из Греции В. В. Латышев энерги-

чно взявся на исполнение этого поручения. При этом он нашел время для завершения работы над своей первой диссертацией, посвященной греческому календарю – теме очень важной, особенно для эпиграфических занятий, если учесть, как много зависит в правильной интерпретации документа от его точной датировки.

Свое исследование эпиграфических памятников Северного Причерноморья В. В. Латышев начал с копирования надписей, хранящихся в С.-Петербургских музеях и коллекциях. Весной 1883 г. он совершил ученое путешествие по южным провинциям, посетил в Крыму Керчь, Севастополь и Феодосию, «везде разыскивая и списывая сохранившиеся древние эпиграфические памятники» [2, с. 414]. Главной задачей историка во время поездки являлась проверка текстов уже изданных ранее надписей по подлинникам, находящимся в южных музеях и частных коллекциях [16, с. 120].

С 1 июля 1883 г. В. В. Латышев был зачислен преподавателем греческой словесности в С.-Петербургский историко-филологический институт, а с сентября 1884 г. – приват-доцентом по той же специальности в столичный университет. В 1886–1890 гг. он также исполнял обязанности секретаря Классического отделения РАО, а с сентября 1887 г. – занял должность заведующего гимназией при Институте [17, л. 1–4; 18, л. 4].

Итогом продолжавшейся работы по сбору и изучению свода северопричерноморских надписей стала публикация В. В. Латышева «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического» [19]. Несмотря на крайнюю скудность имевшегося в то время материала Василию Васильевичу не только удалось осветить основные черты государственного строя Херсонеса, но и наметить его эволюцию. Исследование и сегодня не потеряло научного значения [20, с. 18]. В том же году он выступил на VI Археологическом съезде в Одессе с информационным сообщением о ходе работ над новым сводом надписей и представил участникам съезда в качестве образца несколько корректурных листов подготовляемого им издания [21; 22, с. 10]. На съезде ученый выступил также с докладом о календаре Херсонеса [23].

В 1885 г. в свет вышел первый том «Древних надписей северного побережья Понта Эвксинского», включавший надписи из Херсонеса и ряда более мелких поселений Западного Крыма (всего 250 номеров) [24]. Сообщались сведения о памятниках, на которых сохранились публикуемые надписи, об упоминании каждой надписи в литературе, предлагались фотокопии надписей и их транскрипции с корректным

восстановлением испорченных частей и указанием специальной литературы. Высокий научный уровень издания – исчерпывающая внешняя характеристика документов, их четкое воспроизведение квадратным эпиграфическим и обычным курсивным шрифтом, полнота филологических и исторических комментариев, великолепный латинский язык авторского текста – все это сделало труд В. В. Латышева весьма заметным в мировом антиковедении [25; 26]. На издание откликнулись ведущие отечественные специалисты по древней истории, признавая книгу «капитальным приобретением русской ученой литературы» [27], «драгоценным вкладом в европейскую науку» [28]. Ю. А. Кулаковский справедливо заметил, что «обширный эпиграфический материал, который ныне собран воедино в надежной обработке такого издателя, каков г. Латышев, может представлять данные для постановки и решения многих разнообразных вопросов по истории, этнографии и истории культуры Черноморского побережья» [29, с. 111]. С момента выхода первого тома «Inscription...» В. В. Латышев стал, по меткому выражению С. А. Жебелева, «почти монопольным хозяином по изданию и объяснению греческих надписей, происходящих с юга России» [4, с. 108]. Исследователи получили исключительно ценное издание, чрезвычайно облегчившее им изучение истории греческих городов Северного Причерноморья, и остающееся до нашего времени настольной книгой каждого, кто занимается древней историей нашего юга [30, с. 9].

В последующие годы научная активность В. В. Латышева продолжала нарастать. В 1887 г. в С.-Петербургском университете он защитил диссертацию на степень доктора греческой словесности, которую построил в значительной степени на эпиграфическом материале из Ольвии. На страницах «ЗООИД», «Трудов» МАО, «Записок» РАО он поместил ряд публикаций, посвященных наиболее интересным надписям из Тавриды. При выборе тем для исследования В. В. Латышев стремился коснуться наиболее интересных и, вместе с тем, малоизученных вопросов древней истории. На основе глубокого знания источников ученый строил свои выводы и гипотезы, анализируя документы с филологической и исторической точек зрения [31, с. 5]. Одной из наиболее значимых публикаций историка является издание им гражданской присяги херсонеситов [32]. Он сумел полностью прочесть документ, восстановил испорченные места, извлек существенные сведения о границах Херсонесского государства в конце IV – начале III в. до н. э. и о характере религии херсонеситов.

Продолжая работу над изданием древних надписей Северного Причерноморья, В. В. Латышев одновременно затеял новое предприятие – составление полного свода свидетельств древней литературной традиции о Скифии и Кавказе – с тем, чтобы посредством двух названных собраний доставить специалистам, занимавшимся античным периодом истории Северного Причерноморья, полную сводку письменных источников как эпиграфических, так и литературных. Новый свод должен был включать, по замыслу В. В. Латышева, подборки свидетельств, начиная с древнегреческих писателей до латинских и византийских, представленных как на языке оригинала, так и в русском переводе. Подготовка столь объемного издания затянулась на многие годы. Первый том (греческие писатели) частично был опубликован в 1890 г. [33], полностью – к 1900 г., второй (латинские писатели) – в 1906 г. [34]. Работа над трудом затянулась вплоть до Первой мировой войны. Он был полностью напечатан лишь в советское время. Опубликованная часть труда получила высокую оценку современников [35; 36]. Сборник и сегодня является непрезойденной подборкой по древней истории региона [37, с. 5–6].

В 1890 г. из печати вышел второй том «Inscription...» содержащий надписи Пантикапея и других городов европейской и азиатской частей Боспора (всего 511 позиций) [38]. Все надписи, местонахождение которых В. В. Латышев знал, были обследованы им лично. Старые издания надписей были использованы только в том случае, если местонахождение памятника оставалось неизвестным издателю. Учитывая рекомендации рецензентов первого тома, издатель предварил эту публикацию надписей обширным историческим очерком, где охарактеризовал местные племена, населявшие земли вокруг Боспорского царства и суммировал сведения о политическом устройстве и должностных лицах этого государства. Этот очерк в переводе на русский язык был опубликован на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» в 1893 году [39].

С выходом в свет второго тома «Древних надписей северного побережья Понта Эвксинского» издание было завершено. В течение 8 лет ученый самостоятельно собрал, изучил, прокомментировал и издал все известные к тому времени в Северном Причерноморье греческие и латинские надписи. Высокие отзывы о труде В. В. Латышева поместили в научной периодике – журналах ведущие специалисты по истории древнего периода Ю. А. Кулаковский [40], В. Ф. Миллер [41], Ф. Г. Мищенко [42], В. Шеффер [43]. Труд принес В. В. Латышеву небывалую извест-

ность и славу в ученом мире. Он был удостоен почетных наград – премии Боткина от историко-филологического факультета Московского университета и премии Зографа от французской Ассоциации для поощрения греческих штудий. Он был избран членом-корреспондентом С.-Петербургской и Берлинской академий наук [12, с. XIII].

Практическую работу по изданию и комментированию северочерноморских надписей В. В. Латышев продолжал всю жизнь, откликаясь на очередные находки новыми публикациями в различных повременных изданиях и выпуская отдельные небольшие сборники. В 1901 году им был издан дополнительный том новых надписей, который получил номер четвертый [44]. Такая нумерация объясняется тем, что по общему плану, принятому РАО, за двумя томами лапидарных надписей должен был последовать третий – с надписями на утвари, в первую очередь – на керамике. Подготовка этого тома была поручена Е. М. Придику, однако том не был издан. В связи с большим количеством новых находок было решено переиздать первые два тома с дополнениями. В. В. Латышев успел опубликовать вторым изданием только первый том (всего 751 позиция, что втрое превышало количество надписей в первом издании) [45].

Осенью 1890 г. В. В. Латышев получил приглашение занять должность помощника попечителя Казанского учебного округа, в связи с чем переселился в Казань. В 1893 г. АН избрала Василия Васильевича своим действительным членом, что побудило его возвратиться в столицу. В июне 1893 г. он занял должность вице-директора, а три года спустя – директора департамента МНП (до 1898 г.). В это же время он продолжал работу над северопричерноморскими надписями, осуществляя отдельные публикации, завершил издание первых томов «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе», опубликовал большое количество отдельных статей и заметок о древнем Северном Причерноморье, важнейшие из которых он свел в сборник «ПОНТИКА» [46].

С 1894 г. В. В. Латышев начал публикацию в «Византийском временнике» серии заметок под общим названием «Этюды по византийской эпиграфике», а два года спустя издал сборник греческих надписей из Северного Причерноморья христианских времен [47]. Многочисленные публикации сравнительно поздних эпиграфических памятников и связанные с этим оригинальные источниковедческие исследования выдвинули его в первые ряды отечественных византистов.

Крымоведческая деятельность В. В. Латышева далеко не ограничивалась научными исследованиями в области древней и средневековой ис-

тории полуострова и археографических памятников. Важной формой этой работы были его постоянные контакты с местными краеведами и учеными-крымоведами из других научных центров. Информацию об этом содержит переписка В. В. Латышева, которая до сих пор не стала объектом исследования его биографистов. Василий Васильевич переписывался с А. Л. Бертъе-Делагардом [48, л. 1–33; 49], К. Е. Думбергом [50, л. 1–49], К. К. Косцюшко-Валюжиничем [51, л. 1–34; 52, л. 73–74], А. И. Маркевичем [53, л. 1–32], Л. А. Моисеевым [54, л. 1–7], В. В. Шкорпиллом [55, л. 1–83]. Основу содержания писем составляют характеристики эпитафических памятников из раскопок в Керчи и Херсонесе. Многочисленные комментарии ученого с рисунками надписей имеют важное научное значение. Издание этой переписки значительно обогатило бы отечественную археографию и археологию ценными материалами, не введенными до сих пор в научный оборот. В связи с этим особое значение имеют характеристики надписей в переписке В. В. Латышева со своими коллегами из Москвы (А. В. Орешников) [56] и Одессы (Э. Р. Штерн) [57, л. 1–23]. В переписке обсуждались также вопросы, связанные с охраной памятников в Крыму.

Из писем явствует, что неоценимую помощь оказал ученый в организации научных исследований Керченскому музею древностей и Складу местных древностей в Херсонесе. Знаменательны, в связи с этим, строки директора музея в Керчи К. Е. Думберга, обращенные к В. В. Латышеву в письме от 12 января 1893 г.: «... питаю к Вам глубокое и истинное уважение и мне хотелось бы иметь в своей комнате фотografiю того человека, который так много и так образцово работал для истории греческих колоний» [50, л. 11]. Переписка В. В. Латышева с А. И. Маркевичем раскрывает отдельные эпизоды организации исторических исследований в Крыму, ход работ над подготовкой к изданию «ИТУАК» [53, л. 1–32].

В. В. Латышев оставил весомый вклад в изучение древней и средневековой истории Крыма, в особенности, источниковой базы исследования. Изданные им эпитафические памятники до настоящего времени являются наиболее фундаментальным корпусом из опубликованных письменных источников по истории Крыма древнего периода. Благодаря методологической помощи, оказанной ученым местным научным силам, значительно продвинулось вперед изучение древних памятников в музеях Керчи (К. Е. Думберг, В. В. Шкорпил) и Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Л. А. Моисеев), появились многочисленные публикации местных краеведов, посвященные проблемам изу-

чения и расшифровок крымских надписей (К. К. Косцюшко-Валюжинич, В. В. Шкорпил).

Источники и литература

1. Латышев Василий Васильевич [автобиографическая справка] // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894 : в 2 т. – СПб., 1896. – Т. 1. – С. 371–380.
2. Императорская Академия наук, 1889–1914. III. Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук. – Пг., 1915. – Ч. 1. А–Л. – С. 413–430.
3. Пятидесятилетие Петроградского Историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. – Пг., 1917. – Ч. 1. – С. 91–107.
4. Жебелёв С. А. Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. – 1926. – Т. 24. – С. 105–110.
5. Никитский А. В. Василий Васильевич Латышев // Вестник древней истории. – 1972. – № 4. – С. 181–188.
6. Успенский Ф. И. Памяти академика В. В. Латышева : некролог // Известия Академии наук СССР. Серия 6. – 1926. – Т. 20. – № 9. – С. 577–584.
7. РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, д. 100.
8. Список трудов Василия Васильевича Латышева, составленный по поводу тридцатилетия его учено-педагогической деятельности, 1878. 1. XI. 1908. – СПб., 1908. – 22 с.
9. Латышев В. В. Библиографический список статей, не включенных в изборник // Латышев В. В. ПОНТИКА: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на бережьях Черного моря. – СПб., 1909. – С. XI–XIII.
10. Материалы к списку трудов акад. В. В. Латышева // Вестник древней истории. – 1946. – № 4. – С. 166–169. См. также: Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). – Симферополь: Доля, 2001. – С. 333–341, 697–698.
11. Винберг Н. А. Список трудов В. В. Латышева // Советская археология. – 1958. – Т. 28: Памяти Василия Васильевича Латышева. – С. 36–51.
12. Фролов Э. Д. Кавалер ордена Белого орла: Василий Васильевич Латышев – ученый-классик, педагог и общественный деятель старой России (1855–1921) // Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. – СПб., Алетей, 1997. – С. I–XXXI.
13. Смолин В. Академик В. В. Латышев: некролог // Казанский библиофил. – Казань, 1921. – № 2. – С. 70–72.
14. Василий Васильевич Латышев. Краткий очерк двадцатипятилетней литературной деятельности, 1871. 1. XI. 1903. – СПб., 1903. – 31 с.
15. Латышев В. В. Эпиграфические этюды // ЖМНП. – 1881. – Март. – Отд. классич. филол. – С. 157–169; Июль. – Отд. классич. филол. – С. 305–313.

16. Шкляев Н. П. Выдающийся русский эпитафист академик В. В. Латышев (*Inscriptiones antiquae grae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*) // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Сер.: «История». – 1952. – Т. 112. – Кн. 5. – С. 117–151.
17. Центральный государственный исторический архив города С.-Петербурга, ф. 14, оп. 1, д. 8360.
18. Российский государственный исторический архив, ф. 733, оп. 149, д. 823.
19. Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. – 1884. – Июнь. – Отд. 4. – С. 35–77.
20. Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса // Советская археология. – 1958. – Т. 28. Памяти Василия Васильевича Латышева. – С. 15–32.
21. Латышев В. В. Сообщение о ходе работы по изданию общего сборника греческих и латинских надписей Северного побережья Черного моря // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 44–55.
22. Помяловский И. Шестой Археологический съезд в Одессе 1884 г. // ЖМНП. – 1885. – № 1, отд. 4. – С. 1–26.
23. Латышев В. В. О календарях Ольвии, Тиры и Херсонеса Таврического // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 56–71.
24. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae grae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. 1. – Petropoli, 1885.
25. Reinach T. [Рец. на «Inscriptiones...» В. В. Латышева. 1885 г.] // *Revue critique d'Histoire et de Litterature*. – 1885. – Т. 20. – № 51. – P. 481–483.
26. W. W. [Рец. на «Inscriptiones...» В. В. Латышева. 1885] // *The Journal of Hellenic studies*. – London, 1887. – Vol. 8. – № 1. – P. 309.
27. Модестов В. И. [Рец. на «Inscriptiones...» В. В. Латышева. 1885] // *Новости и биржевые ведомости*. – 1885. – 12 июля.
28. М[ищенко]. [Рец. на «Inscriptiones...» В. В. Латышева. 1885] // *Одесский вестник*. – 1886. – 31 марта.
29. Кулаковский Ю. Древние надписи Черноморского побережья // ЖМНП. – 1886. – Март. – Отд. 2. – С. 110–111.
30. Книпович Т. Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху // *Советская археология*. – 1958. – Т. 28 : Памяти Василия Васильевича Латышева. – С. 7–14.
31. Значение работ академика В. В. Латышева для изучения античной истории: К 100-летию со дня рождения // *Вестник древней истории*. – 1955. – № 4. – С. 3–9.
32. Латышев В. В. Присяга граждан города Херсонеса Таврического: Греческий текст с русскими переводом и краткими объяснениями. – СПб., 1900. – 16 с.
33. Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. – СПб., 1890. – Т. 1. – VIII, 496 с.
34. Latyshev V. *Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyshev*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1904. – Вып. 1. – [1], 271 с.; 1906. – Вып. 2. – С. 272–454.
35. Кулаковский Ю. А. [Рец. на кн. В. В. Латышева «Scythica et Caucasica». Т. 1. Вып. 2. 1896] // *Филологическое обозрение*. – 1897. – Т. 12, кн. 2. – Отд. 2. – С. 161–163.

36. В. В. Латышев: К тридцатилетию его учено-литературной деятельности // *Гермес: научно-популярный вестник античного мира*. – СПб., 1908. – № 17 (23). – С. 454–456.
37. Новосадский Н. И. Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева // *Советская археология*. – 1958. – Т. 28 : Памяти Василия Васильевича Латышева. – С. 5–6.
38. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. – Petropoli, 1890. – Vol. 2. – LVI, 352 s.
39. Латышев В. В. Краткий очерк истории Воспорского царства. Введение к «Надписям Воспорского царства», изданным В. Латышевым // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. – Симферополь, 1892. – № 17. – С. 1–66.
40. Кулаковский Ю. Древние надписи Черноморского побережья // *ЖМНП*. – 1892. – № 5. – Отд. «Критика и библиография». – С. 171–182.
41. Миллер В. [Рец. на кн. В. В. Латышева «*Inscriptiones...*» 1890] // *Этнографическое обозрение*. – 1891. – № 1. – С. 188–193.
42. Мищенко Ф. [Рец. на кн. В. В. Латышева «*Inscriptiones...*» 1890] // *КС*. – 1890. – № 7. – С. 136–141; Его же. [То же] // *Ученые записки императорского Казанского университета*. – 1891. – Кн. 4. – Отд. «Критика и библиография». – С. 2–9.
43. Шеффер В. [Рец. на кн. В. В. Латышева «*Inscriptiones...*» 1890] // *Филологическое обозрение*. – 1891. – Т. 1. – Кн. 2. – Отд. 2. – С. 119–127.
44. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. 4. *Supplementa*. – Petropoli, 1901. – X, 360 s.
45. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. 1. – Petropoli, 1916. – XII, 594, IV s.
46. Латышев В. В. ПОНТИКА : Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. – СПб., 1909. – XIII, 430 с.
47. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. С объяснениями В. В. Латышева. – СПб., 1896. – [2], III, [3], 143 с.
48. С.-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (Далее: ПФАРАН), ф. 110, оп. 2, д. 4.
49. КРУ «Центральный музей Тавриды», фонды, кп. 22991, д. 8706; кп. 23034, д. 8749.
50. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 19.
51. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 23.
52. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, рукописный архив, ф. 1 (1891 г.), д. 149.
53. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 29.
54. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 33.
55. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 66.
56. Государственный Исторический музей Российской Федерации, отдел письменных источников, ф. 136, д. 29, л. 1–189; Российская государственная библиотека, отдел рукописей, ф. 218, № 374/27, л. 1–2; № 374/34, л. 1; СПбФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 38, л. 1–7.
57. ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 67

Непомнящий А.А. В. В. Латисhev: досвід каталогізації кримських епіграфічних пам'яток.

Розглянуто внесок видатного російського вченого Василя Васильовича Латішева (1855–1921) у вивчення античного періоду історії Криму, систематизацію і публікацію епіграфічних пам'яток. Репрезентовано внесок В. В. Латішева у вивчення давньої та середньовічної історії Криму, особливо, джерельної бази дослідження. Видані ним епіграфічні пам'ятки до теперішнього часу є найбільш фундаментальним корпусом з опублікованих письмових джерел з історії Криму давнього періоду. Відзначено, що завдяки методологічній допомозі, наданій вченим місцевим науковим силам, значно просунулося вперед вивчення стародавніх пам'яток у музеях Керчі (К. Є. Думберг, В. В. Шкорпіл) і Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Л. О. Моїсеєв), з'явилися численні публікації місцевих краєзнавців, присвячені проблемам вивчення і розшифровок кримських написів (К. К. Косцюшко-Валюжинич, В. В. Шкорпіл). На основі вивчення листування В. В. Латішева показано, що важливою формою кримознавчої діяльності були його постійні контакти з місцевими краєзнавцями і вченими-кримознавцями з інших наукових центрів.

Ключові слова: В.В. Латішев, кримознавство, епіграфічні пам'ятки.

Непомнящий А. А. V.V. Latyshev: Cataloging Experience of the Crimean Epigraphic Monuments.

The article describes the contribution of the prominent Russian antiquity scientist Vasily Latyshev (1855-1921) to the studying of the ancient period of the history of the Crimea, organizing and publishing epigraphic monuments. In this paper the role of V.V. Latyshev in the studying of ancient and medieval history of the Crimea, in particular, the source base of the study. It is emphasized that published monuments epigraphic is the most fundamental body of published written sources on the history of the ancient period of the Crimea to the present time. It is noted that due to methodological assistance provided by the local research scientist forces has been tremendous progress in the studying of the ancient monuments in Kerch museum (K.E. Dumberg, V.V. Shkorpil) and Chersonese (K.K. Kosciusko-Valyuzhinich, L.A. Moses), there have been numerous publications of local regional specialists dedicated to exploring and transcripts of the Crimean inscriptions (K.K. Kosciusko-Valyuzhinich, V.V. Shkorpil). Based on the studying of V.V. Latyshev correspondence it is shown that an important form of the Crimean study activities were his constant contact with local and regional specialists of Crimean studies and scientists from other research centers.

Key words: V.V. Latyshev, the Crimean studies, epigraphic monuments.

Подано до друку: 15.05.2013 р.

У другій половині 20-х років ХХ ст. в діяльності ЦДРМ відбувся якісний стрибок – необхідність залучення її фахівців до пам'яткоохоронної роботи набула актуальності в багатьох регіонах РСФРР. Пам'яткоохоронні дослідження проводилися як у співпраці з іншими фаховими установами й організаціями (ДАІМК, ДІМ, регіональні краєзнавчі музеї і громадські наукові краєзнавчі товариства), так і в гострому науковому суперництві між ними.

Однією з показових, відносно організації охорони історико-культурної спадщини в країні, стала робота, що розгорнулася впродовж 1926–1934 років у Криму. Документи Центрального муніципального архіву м. Москви свідчать про постійний інтерес керівництва і співробітників ЦДРМ до стану пам'яткоохоронного руху цього регіону в другій половині 20-х років ХХ ст. Так, наприклад, «Список археологічних, архітектурних і революційних пам'яток та музейних будівель Криму, що знаходяться у віданні КримОХОРИСу і Головнауки та вважаються націоналізованими», складений співробітниками КримОХОРИСу в жовтні 1926 року для засідання Великої Президії ЦВК Кримської АСРР, був також направлений для ознайомлення, а можливо й узгодження, до ЦДРМ [2].

Свідченням співпраці керівництва ЦДРМ і кримських учених кіл є діяльність Комісії з вироблення заходів до охорони пам'яток Криму, Народи при Реставраційному підвідділі Музейного відділу Головнауки і Секції загальної архітектури ДАІМК, що розгорнулася в 1926 році. На засіданні Комісії з вироблення заходів до охорони пам'яток Криму 13 лютого (присутні В. О. Городцов, С. П. Григоров, Б. М. Засипкін, Н. Р. Левінсон, С. Г. Матвеев, М. Д. Протасов) було заслухано доповідь завідувача КримОХОРИСом Олександра Івановича Полканова. Доповідач відзначав недостатнє фінансування пам'яткоохоронної роботи, вказав на багаторічне не виділення засобів; зазначив, що в 1926 році вдалося добитися фінансування в 6000 крб. на реставрацію окремих пам'яток. О. І. Полканов акцентував увагу Комісії на необхідності диференційованого підходу до справи охорони пам'яток, поділився досвідом КримОХОРИСу з розділення пам'яток на сконцентровані і неконцентровані, з відповідно різними заходами щодо їх охорони. О. І. Полканов зобов'язався вислати членам Комісії план робіт КримОХОРИСу на 1926 рік, а також п'ятирічний план діяльності цієї організації [3].

20 лютого 1926 року на засіданні Комісії О. І. Полканов звітував про намічені роботи в Судаку, про хід і фінансування ремонтно-

реставраційних робіт у Бахчисараї (було виділено 9000 крб.), про заходи КримОХОПІСу відносно охорони Херсонесу, про необхідність асигнування дослідження Старого Криму (8000 крб.), виділення засобів Г. А. Бонч-Осмоловському для дослідження палеолітичних стоянок у гірському Криму та М. Л. Ернсту для дослідження курганів епохи раннього залізного віку поблизу Сімферополя. Okремо було обговорено питання про заплановане проведення в Керчі конференції археологів, – її статус, характер, організацію роботи тощо. Кримські краєзнавці висловили підтримку щодо призначення П. І. Голландського уповноваженим Музейного відділу Головнауки зі спостереження за пам'ятками Судака [4].

9 квітня 1926 року відбулося засідання наради при Реставраційному підвідділі Музейного відділу Головнауки. У його роботі взяли участь: П. Д. Барановський, Б. М. Засипкін, Н. Р. Левінсон, Д. П. Сухов; від КримОХОПІСу з питання про стан пам'яток архітектури Криму доповідав П. І. Голландський. У протоколі наради зафіксована наступна думка його учасників щодо інформації, озвученої П. І. Голландським: «нарада констатує повну відсутність систематичної охорони архітектурних пам'яток Криму і технічного нагляду за ними. В таких умовах проводяться лише окремі ремонтні роботи випадкового характеру, причому виконання цих робіт покладається на осіб, що не володіють належною науковою кваліфікацією» [5]. Нарада вважала за доцільне тимчасово обмежити розкопки і роботи з дослідження, направивши всі зусилля і засоби на охорону й оберігання пам'яток від руйнування, необхідність докладного фотографування найбільш стародавніх із них, видання збірки графічних матеріалів пам'яток. Усі пам'яткоохоронні роботи в регіоні, на думку наради, повинні були координуватися П. І. Голландським [6]. Реакцією КримОХОПІСу на цю резолюцію став лист його завідувача О. І. Полканова, в якому вказувалося на постійну апеляцію кримських дослідників до столичних організацій щодо питань охорони пам'яток і пропонувалися певні заходи з подолання хаосу в цій сфері: до штату КримОХОПІСу мав бути введений архітектор-реставратор на постійній професійній основі; найбільш помітні пам'ятки, що мають загальнодержавне або світове значення, мали бути взяті на фінансове постачання центру (Інкерман, Мангуп-Кале, Судак, Чуфут-Кале); мав бути виділений спеціальний кредит на обміри, фотографування і складання археологічної карти Криму; пропонувалося припинити фінансування розкопок, замість цього мав бути виділений кредит на ремонт і охорону пам'яток [7].

13 квітня 1926 року було проведено засідання Секції загальної архітектури ДАІМК під головуванням її керівника О. П. Удаленкова, на ньому були присутні: Е. І. Катонін, І. Б. Михайловський, С. С. Некрасов, Н. П. Никітін, О. Ч. Скржинська, Д. Смирнов, М. О. Тіханова-Клименко. Темою засідання стала доповідь заступника завідувача КримОХОРИСу Я. П. Бирзгала про положення справи охорони пам'яток мистецтва і старовини на території Криму. Доповідач визначив основні етапи роботи КримОХОРИСу, відзначив участь краєзнавців у його роботі, роль Кримського РНК і місцевої влади у пам'яткоохоронній роботі; повідомив про початок зарисовок пам'яток художником К. Ф. Богаєвським, складання археологічної карти півострова. Детально Я. П. Бирзгал зупинився на стані пам'яток у Бахчисараї, Євпаторії, Карасубазарі, Керчі, Севастополі, Сімферополі, Старому Криму, Судаку, Феодосії і Ялтинському регіоні [8]. В ухвалі засідання наголошувалися на успіхах діяльності КримОХОРИС, разом з тим указувалося на необхідність чіткішої координації роботи КримОХОРИСу з ДАІМК, більш активного просування роботи з фотографування пам'яток, уведення інспекторського нагляду за роботою кримських дослідників із боку ДАІМК.

Свідченням унеску кримських архітекторів-археологів у методологію пам'яткоохоронної роботи є «Витяг із протоколу засідання музейно-археологічної комісії Академічної ради Наркомосу Кр[имської] АРСР від 26 березня 1927 року» [9]. Засідання проходило в приміщенні Центрального музею Тавриди під головуванням Я. П. Бирзгала і за участі О. А. Акчокракли, У. А. Боданинського, П. І. Голландського, О. М. Деревицького, А. Ісхакової, А. І. Маркевича, А. Одобаша, О. І. Полканова, Д. С. Спиридонова і М. Л. Ернста. Темою засідання стало обговорення статті П. І. Голландського «Технічна охорона пам'яток старовини і засоби їх фіксації», представлені автором зібранню. В ході обговорення були висловлені наступні побажання: відхід від кримської специфіки змісту статті, розширення проблематики, приєднання до тексту вказівки щодо опису пам'яток, зняття планів місцевості і складання археологічних карт.

Відносно вивчення пам'яток Криму керівництвом ЦДРМ робилися й масштабні заходи. У серпні-вересні 1926 року за завданням ЦДРМ до Криму був направлений архітектор, член Правління РТЗВК Борис Миколайович Засипкін (1891–1955). Його завданням було ознайомлення з архітектурними пам'ятками кримських міст, аналіз їх стану та вироблення пропозицій щодо їх захисту й вивчення. Маршрут експедиції був

такий: Бахчисарай – Чуфут-Кале – Сімферополь – Карасубазар – Євпаторія – Херсонес – Алупка – Феодосія – Колеч – Каракози – Старий Крим – Ель-Бузли – Судак – Керч. Першорядна увага в ході поїздки приділялася пам'яткам періоду Кримського ханства. Наприклад, у Карасубазарі споруди кримських татар були сфотографовані і обміряні вперше. Всього було досліджено 69 пам'яток татарської архітектури, а також вибірково пам'ятки вірменської, кримчацької (єврейської), караїмської, грецької, римської, боспорської, візантійської і генуезької архітектури. Було зроблено близько 300 фотографій і близько 70 обмірів, склалися технічні акти й описи [10]. Б. М. Засипкін констатував тяжкий і аварійний стан багатьох пам'яток.

Результатом поїздки Б. М. Засипкіна стала підготовка вичерпного на той момент нарисув «Пам'ятки архітектури кримських татар», в якому дослідник класифікував пам'ятки татарської архітектури періоду середньовіччя в Криму, виділив у ній етапи з характерними особливостями [11].

Висновки Б. М. Засипкіна, підкріплені виступом на засіданні Вченої ради ЦДРМ директора Бахчисарайського музею-палацу тюрко-татарської культури У. А. Боданинського, спонукали керівництво ЦДРМ до спорядження масштабної експедиції. 31 січня 1927 року завідувач ЦДРМ Ігор Еммануїлович Грабар склав «Доповідну записку щодо питання про наукову експедицію з обстеження, охорони і реставрації пам'яток архітектури і живопису на території Кримської республіки» на адресу завідувача Музейним відділом Головнауки Н. І. Троцької (Седової). У ній наголошувалося, що дослідження Б. М. Засипкіна і У. А. Боданинського продемонстрували «картину руйнування пам'яток найдавнішої художньої культури Криму». Для обґрунтування необхідності термінових заходів, І. Е. Грабар згадував про цінні пам'ятки XIV ст. – фрески Феофана Грека, найбільш давні мусульманські святині, підкреслював їх світове культурне значення, звертав увагу на обов'язок Головнауки в галузі пам'яткоохоронної роботи. Експедиція, за задумом І. Е. Грабаря повинна була не тільки обстежувати пам'ятки, але і провести безпосередні реставраційні роботи. Для цього до її складу включалися архітектор, фахівець зі зміцнення живопису, фотограф і історик мистецтва. Мінімальний кошторис витрат на 3–4 тижні визначався в 1000 крб. [12].

У квітні-травні 1927 року експедиція під керівництвом І. Е. Грабаря відбулася. Її учасники оглянули пам'ятки християнської і мусульманської архітектури середньовічного періоду в Бахчисарай, Карасубазарі,

Херсонському городищі, Інкермані, Судаку, Феодосії, Керчі, «печерних містах» півострова. Ознайомлення з пам'ятками спонукало керівництво ЦДРМ до виділення матеріальних засобів на ремонт і реставрацію Ханського палацу в Бахчисараї (тривав у 1926–1928 роках), стін турецької фортеці в Ені-Кале, що в передмісті Керчі; зміцнення середньовічних споруд Херсонського городища. В 1928 році відбувся ремонт купольних мечетей у селах Карагоз і Колеч Феодосійського району, мечеті Ешиль-Джамі і деяких споруд Ханського палацу в Бахчисараї, Воронцовського палацу в Алупці, інших колишніх «дворянських гнізд» Південного берегу Криму [13].

Участь ЦДРМ в пам'яткоохоронних роботах у Криму торкнулася всіх більш-менш значущих об'єктів культурної й історичної спадщини півострова. Розглянути цей процес детальніше можна в контексті дослідження окремих міст і поселень.

Особлива увага дослідників пам'яток була привернута до Бахчисараю. Центром історико-етнографічного вивчення кримських татар і зберігання матеріалів відповідних етнографічних експедицій 20-х років ХХ ст. став Державний палац-музей тюрко-татарської культури в Бахчисараї, заснований на базі Ханського палацу в 1917 році. Багаторічним керівником цієї установи був видатний етнограф і організатор музейної справи в Криму Усеїн Абдуредієвич Боданинський (1877–1938). У 1921–1923 роках нечисленні співробітники музею під керівництвом директора зробили перші після декількох років розрухи і запустіння ремонтні та реставраційні роботи [14]. У 1923 році перед Головнаукою і Російською академією матеріальної культури (РАІМК) було поставлене і позитивно вирішене питання про фінансування реставраційних робіт у Бахчисараї.

Перспектива масштабної реставрації Бахчисарайського палацу зацікавила кримських дослідників. У вересні 1923 року архітектор КримОХОРИСу професор П. І. Голландський, зважаючи на майбутні роботи, оглянув пам'ятку, як таку, що підлягає віданню КримОХОРИСу. У своєму звіті для Музейного відділу від 6 жовтня учений відзначав, що причиною огляду стало прагнення до більш раціонального використання виділеної суми Головнаукою (135000 крб.). Висновки П. І. Голландського зводилися до того, що асигнована сума, переведена в новий номінал, згідно грошової реформи 1923 року (450 крб. золотом), украй мала і що тільки поточний ремонт вимагає не менше 3000 крб. золотом на рік. Відносно ремонту всього комплексу Бахчисарайського палацу-музею П. І. Голландським висловлювалася думка про доцільність ви-

трачання виділеної суми на закупівлю необхідних матеріалів, а власне ремонт пропонувалося відкласти до майбутнього року [15].

28 жовтня 1923 року У. А. Боданинський повідомляв Музейний відділ Головнауки про організацію і дослідників, що займалися науково-художньою реставрацією Бахчисарайського палацу в 1900–1914 роках (Одеське товариство історії та старожитностей (академік Н. П. Кондаков), Петроградська археологічна комісія (академік Г. І. Котов, С. С. Некрасов, В. О. Фомін) і про накопичені ними матеріали (плани, обміри, зарисовки, фотографії, доповіді, описи розкопок). Директор палацу-музею відзначав необхідність використання цих матеріалів у майбутніх реставраційних роботах, зазначаючи при цьому недоцільність повторення досліджень пам'яток палацового комплексу, проведених у дорадянський час. У. А. Боданинський просив Музейний відділ сприяти в отриманні документів і зобов'язувався повернути їх неушкодженими після використання [16].

Полемічну реакцію з боку У. А. Боданинського викликала згадана вище доповідь П. І. Голландського. У своєму зверненні до Музейного відділу Головнауки від 1 листопада 1923 р. вчений просив урахувати його «особливу думку щодо тієї частини доповідної записки архітектора КримОХОРИСу П. І. Голландського, яка стосується ремонту Ешиль-Джамі – Зеленої мечеті в Бахчисараї» [17]. У. А. Боданинський стисло зупинився на історії будівництва мечеті, детально описав її зовнішній вигляд і сучасний стан пам'ятки. Не зважаючи на зруйнований стан, директор палацу-музею вважав за можливе її відновлення.

Відповіддю Музейного відділу Головнауки на доповіді П. І. Голландського і У. А. Боданинського став лист завідувача цієї установи до КримОХОРИСу від 22 листопада 1923 р. В ньому зазначалося, що «за існуючими умовами важко розраховувати на отримання достатнього кредитування для виконання капітального ремонту і, мабуть, доведеться обмежитися лише дрібним полагодженням». Відносно пропозицій У. А. Боданинського про першочергові заходи з ремонту «Зеленої мечеті» Музейний відділ брав їх до уваги і пропонував для їх здійснення виділити гроші з уже направлених на реконструкцію Бахчисарайського палацу коштів [18].

Звіт про проведені в 1923–1924 роках ремонтно-реставраційні роботи був направлений до Музейного відділу Головнауки У. А. Боданинським наприкінці 1924 року, до якого додавалася пояснювальна записка. В ній указувалося, що кредит для проведення робіт у обсязі 2000 крб. був отриманий тільки у вересні 1924 року; надавався короткий

кошторис витрат за відповідними напрямками. Першочергова увага була звернена на пам'ятки Бахчисарайського палацу, які знаходилися в зруйнованому стані. Був проведений ремонт зовнішньої частини «Соколиної вежі», перекладена черепиця на даху, замінені балки всередині вежі. Були підготовлені матеріали для нової обшивки стелі і підлоги, підготовлений пандус для зручного транспортування будівельних матеріалів на верхню частину вежі. Також ремонтувалися найбільш аварійні ділянки кам'яних стін палацу, були перекладені наново черепичні покриття частини кам'яних стін комплексу і черепичний дах Головного водного басейну і старовинного льоху [19].

1 червня 1925 р. У. А. Боданинський повідомляв Музейний відділ Головнауки про неможливість продовження подальших ремонтно-реставраційних робіт у палаці-музеї, зважаючи на відмову Фінансового відділу Головнауки задовольнити виділений Музейним відділом кредит у 1500 крб. Директор палацу-музею вказував на необхідність термінової заміни балок і перекриття всередині «Соколиної вежі». Він із тривогою повідомляв, що в разі невиконання цих робіт із настанням холодів міг обвалитися дах вежі. Зважаючи на це, У. А. Боданинський просив Музейний відділ переглянути рішення про щодо виділення грошей і задовольнити згаданий кредит у розмірі 1500 крб. [20].

23 червня 1925 р. до клопотання У. А. Боданинського від 1 червня того ж року приєдналися керівники Кримської АСРР – голова Кримського РНК О. А. Дерен-Айерлі і нарком освіти автономії У. У. Баліч. У листі, адресованому Раднаркому, Наркомосу і Головнауці РСФРР, було вказано на історичну значимість Бахчисарайського палацу і його популярність за межами СРСР, наявність досліджень наукового та популярного характеру про пам'ятку світовими мовами. Також акцентувалася увага на постійній державній підтримці пам'ятки татарської культури як у дорадянській час, так і після встановлення радянської влади в Криму. Суть листа кримських чиновників зводилася до роз'яснення колізії, пов'язаної з невмотивованим зняттям фінансування пам'ятки в бюджеті РСФРР і передання її на баланс бюджету Кримської АСРР. У зв'язку з цим, керівники автономії пропонували Наркомату фінансів РСФРР переглянути своє попереднє рішення і виділити вже схвалену суму Головнаукою в обсязі 1500 крб. для завершення вже початих ремонтних робіт в Бахчисарайському палаці-музеї [21].

9–10 серпня 1926 р. в межах відрядження до Криму архітектора ЦДРМ Б. М. Засипкіна спільно з У. А. Боданинським були оглянуті території Бахчисарайського палацу і архітектурні пам'ятки, що знахо-

дилися на ній. За результатами огляду був складений відповідний акт із конкретними пропозиціями щодо подальшої реставрації. Всього було оглянуто 9 наступних пам'яток: Ески-Дюрбе, мечеть Ешиль-Джамі, дюрбе Ненекеджан у Чуфут-Кале, Азіс, Зінджирли-медресе, дюрбе Хаджі-Гірея, дюрбе Діляра-Бікеч, лазні Сари-Гузель, Ханський палац.

Майже відносно кожної з них Б. М. Засипкіним були висловлені побажання щодо проведення капітального ремонту даху, фундаменту, стін, перекриття, відновленню внутрішнього убрання і декору, особлива увага зверталася на необхідність фіксації пам'яток як до, так і після ремонтно-реставраційних робіт (обміри, креслення, фотографування) [22].

27 червня 1927 року У. А. Боданинський терміново телеграфував до Москви начальникові Головнауки Ф. М. Петрову про збитки, нанесені Бахчисарайському палацу-музею землетрусом 26 червня: з'явилася тріщина в купольному покритті й стіні, обсипалася штукатурка [23]. Докладний опис руйнувань був зафіксований у спеціальному акті, складеному того ж дня. До комісії з обстеження ввійшли представник Бахчисарайської міськради, завідувач нерухомістю Никопольський, представник районного ВНО Л. Муртазаєв і директор палацу-музею У. А. Боданинський. Постраждали наступні будівлі і приміщення: службові флігелі, Ханська мечеть, мавзолей Девлет-Гірея, двері фасадної сторони палацу, стіни суду, гарему, літньої альтанки, внутрішньої мечеті, Персидського саду, посольська кімната, літня кавова кімната, «Золотий кабінет», спальня, гратчаста альтанка, їдальня, кімната спадкоємця, «Соколина вежа». Основними видами руйнувань були зафіксовані тріщини стін, обвалення штукатурки, зсуви вікон і стін [24].

Улітку 1928 р. Б. М. Засипкін у межах наукового відрядження до Криму взяв участь у ремонтно-реставраційних роботах Бахчисарайського палацу. У звіті він відзначав відновлення окремих, пошкоджених землетрусом, частин пам'ятки із застосуванням сучасних реставраційних технологій [25].

Центром тяжіння дослідників і ентузіастів вивчення археології, історії і етнографія, а також організатором краєзнавчого руху в Євпаторії був міський археолого-етнографічний музей, заснований у 1916 р. У 20-і роки ХХ ст. музей чітко визначив свою етнографічну спрямованість. Безперечно заслуга в цьому належить директорові установи – Поліні Яківні Чепуріній (1880–1947) [26].

16 серпня 1926 року, в межах наукового відрядження, Євпаторію відвідав архітектор ЦДРМ Б. М. Засипкін. Комісія у складі столичного

дослідника, П. Я. Чепуріної і заступника завідувача КримОХОРИСу Я. П. Бирзгала обстежила 4 архітектурні пам'ятки: мечеть Хан-Джамі, текіє дервішів при мечеті Шукурла-ефенді, колишній будинок Бабаджана і будівлю Євпаторійського археолого-етнографічного музею. Пропонувалося провести реставрацію цих пам'яток. Проте необхідні на ремонт засоби виділені не були. П. І. Голландський висловлював думку, що при неможливості отримання коштів, необхідних на елементарну підтримку пам'яток в належному стані (10–12 тисяч крб.), слід усі сили направити на їх термінову фіксацію в графічним, фотографічним і описовим способом. Такі роботи були оцінені в 2500 крб. [27].

У середині 1920-х років виявлявся інтерес до вивчення історичної спадщини Карасубазара. Згідно машинописної роботи У. А. Боданинського «Карасубазарская старина» до 1925 р. пам'ятки міста і району знаходилися поза всякою охороною [28].

З 12 по 16 серпня в межах відрядження Б. М. Засипкіна до Криму відбулася інспекція пам'яток Карасубазара комісією в складі Б. М. Засипкіна, У. А. Боданинського і уповноваженого КримОХОРИСу в Карасубазарі та районі А. Р. Шейх-заде. У складеному 12 серпня акті про огляд пам'яток було зафіксовано 18 пам'яток міста, що підлягають обліку й охороні [29].

У серпні 1928 р. комісія з вивчення татарської культури в складі О.-Н. А. Акчокракли, У. А. Боданинського і М. Л. Ернста відвідала Карасубазар. У складеному акті учені констатували, що «стародавні пам'ятки цього міста кинуті напризволяще, доглядач пам'яток міста скорочений із березня місяця і в місті відбувається небачений вандалізм». На підтвердження цього були приведені такі приклади: особлива комісія з Держфондів спільно з міською міліцією провели без відома Уповноваженого у справах музеїв розібрання мінаретів трьох мечетей - Курман-Алі, Кара-Халіль і Шах-Мурат, які знаходилися в нормальному стані і які становили безперечне культурно-історичне значення. Крім того, руйнування мінаретів відбувалося без відповідних обмірів, зарисовок і фотографування. Автори акту вказували на необґрунтованість зносу мінаретів у зв'язку з необхідністю вивчення прийомів середньовічної татарської архітектури, які дозволяли мінаретам переживати не один землетрус у Криму, що в світлі катастрофи 1927 р., було актуальним для кримського народного господарства. Також комісія відзначала погіршення стану караван-сарая, Великого і Малого Таш-Ханів і мінарету мечеті Шор-Джамі [30].

Серед міст Криму Керч займала місце одного з піонерів становлення наукового кримознавства – про це свідчить поява вже в 10-х роках XIX ст. Музею старовини, що став центром досліджень з історії, археології і етнографії регіону [31]. Інтерес до «боспорської старовини» не послаблювався як у дорадянський період, так і після встановлення радянської влади в Криму. Активність студій керченських краєзнавців, що проводилися під керівництвом їх лідера, директора Керченського історико-археологічного музею, голови місцевого відділення РТЗВК Юлія Юлійовича Марті – кращий тому доказ.

11 вересня 1926 року в межах наукового відрядження Керч відвідав Б. М. Засипкін. Разом із Ю. Ю. Марті вони оглянули історичні та культурні пам'ятки міста й околиць. Б. М. Засипкін висловив пропозиції щодо організації їх охорони.

У складеному акті огляду вказувалося, що досліджено було 4 об'єкти: «склеп Деметри», грецька церква Іоанна Предтечи, катакомби Сорака, фортеця Ені-Кале. У приписці до тексту акту, підписаного Б. М. Засипкіним, Ю. Ю. Марті погоджувався з висновками і пропозиціями московського фахівця і приєднував свій голос щодо швидкого проведення пам'яткоохоронних робіт, наполягаючи на вивченні «склепу Деметри» і катакомб Сорака [32].

9–10 травня 1928 року Ю. Ю. Марті і Б. М. Засипкін склали акт про стан розкопок на горі Мітрідат і стану збереження фортеці Ені-Кале. Відносно залишків столиці Боспорського царства наголошувалася необхідність зміцнення стін і фундаменту будинків. Причинами руйнування були визначені розмивання підземними водами і промерзання промоклих частин. Б. М. Засипкін запропонував деякі заходи щодо зміцнення стін городища, облаштування навісів над розкопками; особливо наголошувалася неприпустимість використання вапна і цементу для зміцнення цінних в археологічному сенсі руїн [33].

У зв'язку з розгорнутою в Кримській АСРР в 20-і роки XX ст. політикою татаризації, значні засоби й увага наукових сил притягувалося до дослідження давньої столиці Кримського улусу Золотої Орди міста Солхата (сучасного Старого Криму). 21 серпня 1926 року комісія у складі директора Бахчисарайського палацу-музею У. А. Боданинського, представника КримОХОРИСу архітектора П. І. Голландського і представника ЦДРМ архітектора Б. Н. Засипкіна, оглянула проведені науковою експедицією з вивчення татарської культури в Криму розкопки руїн медресе з метою з'ясування їх технічного стану і вживання заходів з їх охорони і належної підтримки. 24 серпня Б. М. Засипкін,

О.-Н. А. Акчокракли, У. А. Боданинський і П. І. Голландський оглянули 26 пам'яток історії і архітектури міста і у відповідному акті зафіксували заходи щодо їх охорони.

Інтерес до пам'яток історичного і культурного значення Судака виявився у столичних учених в середині 20-х років ХХ століття. Літом 1925 року обстеження в місті були проведені завідуючим Відділом домашнього побуту Державного історичного музею (ДІМ), членом Московського відділення РТЗВК, професором Олександром Олександровичем Фомінін. На засіданні архітектурно-реставраційного відділення Головнауки 22 вересня 1925 року була заслухана його доповідь, де констатовалася наявність у Судаку і його околицях пам'яток різних культур – еллінською, римською, візантійською, генуезькою, татарською, слов'янською тощо. Хронологічно пам'ятки відповідали першим століттям нашої ери і середньовіччю (до XV–XVI ст.). Доповідач звернув увагу на повну відсутність пам'яткоохоронних заходів і необхідність захисту пам'яток від дії природного і людського фактору. До переліку пам'яток, що вимагають першочергової уваги, О. О. Фомін включив: вежу Киз-Кулі, замок консула, базиліки з фресками XII–XIV століть, мережу водогону римської доби, фундамент «храму Діани» II–III століть н.е., кріпосні вежі і стіни [34]. Архітектурно-реставраційне відділення Головнауки вирішило схвалити доповідь О. О. Фоміна, визнало стан пам'яток Судака загрозливим і задекларувало прагнення провести планомірні обстеження в 1926 році [35].

Згідно ухваленого рішення, в листопаді відбулася ознайомча поїздка О. О. Фоміна і М. Д. Протасова до Судака. Основним змістом роботи експедиції стало встановлення межі Генуезької фортеці та німецької колонії, що проводилося спільно. У результаті вперше були визначені межі середньовічної пам'ятки. Іншим напрямом стало складання кошторису подальшого ремонту пам'яток. За підсумками поїздки архітектурно-реставраційний відділ заслухав доповіді О. О. Фоміна і М. Д. Протасова. У відповідній резолюції було зазначено наступне: територія Генуезької фортеці після завершення всіх адміністративних формальностей має бути закріплена за Музейним відділом Головнауки; П. І. Голландському доручалося скласти креслення і плани ділянок, що підлягають ремонту і обгородження; підтверджувалося асигнування першої частини коштів на охорону пам'яток. Загальне наукове керівництво охоронними роботами пропонувалося покласти на директора Керченського історико-археологічного музею, голову Керченського відділення РТЗВК Ю. Ю. Марті, безпосередньо в Судаку цим мав за-

йматися Є. Ф. Карпович і М. О. Лезін. Технічне виробництво робіт пропонувалося очолити П. І. Голландському. Щодо проведення експедиції влітку 1926 року, було вирішено скликати спеціальну методичну нараду за участю представників Академії історії матеріальної культури [36].

6 лютого 1926 року відбулося засідання Комісії Головнауки з охорони історичних пам'яток Криму під головуванням В. О. Городцова (секретар С. Р. Матвеев, присутні: О. С. Башкіров, С. П. Григоров, Б. М. Засипкін, Н. Р. Левинсон). Було заслухано доповідь М. Д. Протасова «Про обстеження Судака у зв'язку з дослідженням інших пам'яток Криму». В дискусії з приводу цієї доповіді було поставлене питання охорони пам'яток Судака, що знаходилися поодаль центру міста, руйнувалися під дією природних факторів, що позначалося на їх стані. В ухвалі Комісії наголошувалося на необхідності продовження досліджень після отримання інформації та звітів про вже проведені роботи, пропонувалося направити архітектора і археолога до Судака для вживання заходів з охорони пам'яток, що руйнувалися (вежа Чикало, замок консула). Музеефікацію знайдених речей і матеріалів пропонувалося провести в ДІМ. М. Д. Протасову і О. С. Башкірову, спільно з Археологічним підвідділом Головнауки, доручалося скласти інструкцію з охорони пам'яток для Судацького відділення РТЗВК [37].

У серпні 1926 р. заплановані роботи в Судаку були проведені. В них взяли участь архітектор ЦДРМ Б. М. Засипкін, О. О. Фомін і Є. Ф. Карпович. Було обстежено пам'ятки Генуезької фортеці і прилеглої території. Технічний звіт про роботи відображено у відповідному акті, підписаному зазначеними особами. Було оглянуто, обміряно і сфотографовано: базиліка «12 апостолів», вежа № 19 (Фредеріко Астагвера, 1386 р.), вежа № 18 (Крайня), вежа № 17 (зруйнована), стіна між вежами № 17 і № 16, вежа № 16 (Гварко Румбальдо), стіна між вежами № 16 і № 15, вежа № 15 (Джиовані Марьоне, 1388 р.), стіна між вежами № 15 і № 14, вежа № 14 (1380 р.), головна брама – вежа № 13 (Якобо Торсело, 1385 р.), арка брами (вежа № 12, Батисту ді Зоале), вежа № 11 (Бернардо де Франко Дігагано, 1414 р.), стіна між вежами № 11 і № 10, вежа № 10 (Пасквале Джюдиче), стіна між вежами № 10 і № 9, вежа № 9 (Кругла), стіна між вежами № 9 і № 8, вежа № 8 (Корадо Чикалло, 1404 р.), стіна між вежами № 8 і № 7, вежа № 7 (Лукині де Флесько Лозані), стіна між вежами № 7 і № 6, вежа № 6 (Безіменна), стіна між вежами № 6 і скелею, вежі № 5 і № 4 (Кутова і Консульська), стіна між вежами № 3 і № 2, вежа № 3 (Георгіївська), вежа № 2 (Верхня), вежа

№ 1 (Киз-Куле), стіна від вежі № 2 і нижче до обриву, каплиця у фортеці на консолях, руїни невідомого склепінчастого приміщення в землі, турецькі лазні, розвалини «храму Діани», католицька церква і колишня мечеть у фортеці. Наголошувалася необхідність постійних охоронних робіт у Судаку, пропозиції П. І. Голландського в цьому напрямі були відкоректовані, до роботи надалі були взяті пропозиції Б. М. Засипкіна і О. О. Фоміна [38].

Об'єктом детального вивчення стали також пам'ятки одного з найбільш давніх міст Криму – Феодосії. 19–20 серпня 1926 року Б. М. Засипкін відвідав Феодосію, де оглянув у супроводі директора міського краєзнавчого музею Н. С. Барсамова історико-художні пам'ятки міста. За наслідками проведених робіт був складений акт, у якому фіксувалися стан збереження та заходи з охорони культурної спадщини міста. Серед досліджених пам'яток увага була приділена вірмено-григоріанській церкві Св. Сергія.

Особливу увагу комісія звернула на могилу художника І. К. Айвазовського, що знаходилася при церкві і яка набувала стану запустіння. Було вирішено просити громаду вірмено-григоріанців забезпечити догляд і охорону поховання.

Вірменська церква архангелів Михаїла і Гавриїла, вірмено-католицька церква (збережена колишня мечеть з атрибутами мусульманського культу й архітектури), лютеранська церква, єврейська синагога і церкви Іоанна Предтечи та Іоанна Богослова знаходилися в задовільному стані. Комісія визнала необхідним проведення часткових ремонтних робіт, доручити які планувалося релігійним громадам цих культурних споруд [39].

У церкві Стефана в Карантині було необхідне дослідження фресок і ремонт черепичного покриття.

У приміщеннях давніх турецьких лазень комісія ухвалила провести очищення територій від бруду, сторонніх предметів, рослинності та провести ремонт даху.

Фонтан у дворі приватного будинку (колишнього власника Шепетея) був визнаний пам'ятком виняткової цінності і за пропозицією М. С. Барсамова, щоб уникнути подальшого його руйнування мешканцями двору, було вирішено розібрати його і перенести у двір Феодосійського краєзнавчого музею. Ще для двох фонтанів Феодосії на вулицях Грецькій і Виноградівській було визначено необхідність ремонту покрівлі.

Генуезькі стіни, що нахилилися на ділянці близько 100 метрів і що загрожували обвалом, було вирішено укріплювати встановленням чотирьох контрфорсів. Так званий Катеринівський палац був визнаний таким, що не має художньої й історичної цінності, комісія не знайшла потрібним ставити пам'ятку на облік; обмежилися фіксуванням плану та фотографуванням, а також висловили побажання щодо проведення капітального ремонту і перебудови другого поверху цієї будівлі [40].

У 1932 році у Феодосії та районі проводилися деякі ремонтно-реставраційні роботи, про які директор краєзнавчого музею Феодосії М. С. Барсамов доповідав у ЦДРМ. З 12 серпня по 10 вересня проводився ремонт давньої мечеті в селі Колеч (у 20 км. від Феодосії). Ремонт 1932 року проводився за вказівкою і під консультаціями архітектора ЦДРМ Д. М. Сухова, керував роботами феодосійський майстер Яні Фока. До, під час і після виконання робіт проводилося фотографування об'єкту. Всього було зроблено 27 фотографій. Всі роботи, намічені Д. М. Суховим, були виконані; мечеть і мінарет були закриті для відвідувачів, а на стіні мечеті була вивішена спеціальна табличка, що інформувала місцевих жителів про взяття пам'ятки на облік і кримінальне переслідування за її руйнування [41].

У грудні 1932 року М. С. Барсамов звертався в ЦДРМ з приводу порятунку ще однієї пам'ятки Феодосії – вірменської церкви архангелів Михаїла і Гавриїла, збудованої в 1408 році і такої, що збереглася в первозданному вигляді. Ситуація навколо пам'ятки середньовічної архітектури посилилася після ліквідації релігійної громади при церкві. Це відкрило можливість пограбування церкви, що постійно й відбувалося. Такі обставини змусили М. С. Барсмова розібрати і вивезти з церкви підлогу, вітвар, дерев'яні сходи й інші цінні предмети.

Директор музею також зазначав, що під час землетрусу 1927 року церква Михаїла і Гавриїла постраждала більше всього – частково були зруйновані склепіння, утворилися дві суцільні тріщини в стінах від даху до землі. Доповідна записка, складена «за гарячими слідами» до Наркомосу Кримської АСРР і ЦДРМ, не отримала відповіді. Після п'яти років бездіяльності положення пам'ятки погіршало. Був потрібний хоча б незначний ремонт, аби закласти тріщини, зміцнити склепіння тощо. Джерело фінансування М. С. Барсамов бачив у розібранні пізньої прибудови до церкви, що не мала культурно-історичного значення, і продажу в якості будівельного матеріалу. Від ЦДРМ художник-краєзнавець просив виділити додатково 1000 крб. і відрядити фахівця для консультацій під час ремонту [42].

У 1928 р. на кошти, виділені Головнаукою (400 крб. для проведення розкопок) і ЦДРМ (625 крб. для зібрання графічних матеріалів), були проведені археологічні розвідки городища на плато Ескі-Кермен, що поклали початок комплексного вивчення цієї пам'ятки середньовічної Тавриди. Роботи проводилися під керівництвом професора М. І. Репнікова, при діяльній участі співробітника Антропологічного відділу Музею антропології і етнографії (МАЕ) АН СРСР Г. І. Петрова і групи працівників Севастопольського музею краєзнавства (СМК) – П. П. Бабенчикова, Є. В. Веймарна, Р. Р. Волобуєва, С. Ф. Стржелецького. Паралельно з роботою експедиції, професором О. І. Анісімовим і А. І. Лінно проводилося дослідження розпису печерних храмів, були виконані кольорові копії середньовічних настінних зображень [43].

Загальне число знахідок під час цих розкопок склало 190 предметів, зафіксованих у «Опису-переліку предметів старовини, знайдених під час розкопок 1928 року в Ескі-Кермені» [44]. Основну масу склали прикраси, покладені в похоронні споруди під час поховання.

Результати первинного дослідження Ескі-Кермена привели керівника експедиції М. І. Репнікова до висновку про існування на території городища в період раннього середньовіччя укріпленого центру готських поселень гірської і південно-західної Тавриди, зафіксованого в джерелах як Доріс. Дана концепція була обговорена в наукових колах Москви і Ленінграда – на спільних засіданнях Вченої Ради ЦДРМ, Московського відділення Товариства з вивчення Криму (ТЗВК); Археографічної, російсько-візантійської комісії і Комісії з історії знань АН СРСР [45; 46]. Висновки експедиції М. І. Репнікова викликали наукову дискусію. Своє відображення вона знайшла в доповідях і публікаціях В. І. Равдонікаса. Незгоду з викладеною точкою зору висловили, перш за все, співробітники ДАІМК – координаційного центру всіх археологічних досліджень в СРСР, зокрема М. О. Тіханова-Клименко, О. Ч. Скржинська, М. Л. Эрнст и М. І. Артамонов, уражені «самоправними» діями М. І. Репнікова [47].

Літом 1929 р. були проведені подальші дослідження Ескі-Кермена. Кошти на них були виділені ЦДРМ, МАЕ і КЕІ АН СРСР. ДАІМК, внаслідок зацікавленості предметом розкопок, відряджала свого представника Л. О. Мацулевича. Фотографування об'єктів здійснював М. Л. Шиллінг, Л. І. Лінно продовжувала копіювання розписів. Антропологічні матеріали збиралися О. Н. Бернштамом и Г. І. Петровим. Активну участь в роботі експедиції взяли співробітники СМК – В. П. і П. П. Бабенчикови, Є. В. Веймарн, Г. Г. Волобуєв, С. Ф. Стржелецький.

Здійсненням розкопок цікавилися представники кримської влади і наукової громадськості. Ескі-Кермен відвідали: Народний комісар освіти Кримською АСРР, інспектор у справах музеїв при відділі політичної освіти Наркомоса Кримської АСРР В. Г. Опалов, заступник директора Центрального музею Тавриди О. І. Полканов, від Таврійського товариства історії, археології й етнографії (ТТІАЕ) – А. І. Маркевич і М. Л. Ернст, від АН СРСР – академік С. Ф. Платонов, від ЦДРМ – І. Е. Грабар і Г. О. Чиріков. Роботи експедиції також викликали інтерес у німецьких колег – їх делегація у складі професорів Зауера, Фіндезена і Саломона приїжджала для обміну досвідом із учасниками розкопок [48]. Докладний опис цих контактів між радянськими і німецькими ученими міститься в листуванні академіка С. Ф. Платонова з головою ТТІАЕ А. І. Маркевичем [49; 50].

Як уже зазначалося вище, концепція М. І. Репнікова про знаходження саме на плато Ескі-Кермена первинного центру готських поселень південно-західної Тавриди викликала гостру наукову дискусію. У фондах ЦДММ зберігся машинопис доповіді М. І. Репнікова «На захист Ескі-Кермена – Дороса». Значна частина праці присвячена полеміці автора зі своїми опонентами – О. Ч. Скржинською, М. О. Тіхановою-Клименко, М. Л. Ернстом і М. І. Артамоновим [51]. Для аргументації своєї позиції М. І. Репніковим були привернуті свідчення джерел, а також проведено скрупульозний аналіз археологічних знахідок із Ескі-Кермену і городища Мангуп-Кале, офіційно визнаного місцем розташування столиці готської держави в гірській Тавриді, а згодом - князівства Феодоро.

Підсумком проведених у 1928–1929 роках робіт стали наступні висновки М. І. Репнікова:

– на плато Ескі-Кермена знаходилося велике за середньовічними мірками місто, що мало крім вулиць, будинків і громадських будівель лінію міського водогону. Датування існування міста обмежувалося V–XII ст.;

– будівництво могутньої оборонної стіни відносилось М. І. Репніковим до кінця V ст., вона піддавалася неодноразовим насильницьким руйнуванням, останнє з яких - наприкінці XII ст. привело до замирання життя в місті і запустіння в XIII ст.;

– наявність раннього поселення готського населення підтверджує могильник на схилах плато. Основні поховання відносилися до VI ст., їх антропологічний характер указував на приналежність до готського етнічного масиву;

– розкопки 1928–1929 років ствердили експедицію М. І. Репнікова на думці про первинне знаходження Дороса візантійських хронік на плато Ескі-Кермена і подальшому його перенесенні до городища Мангуп-Кале (X–XI ст.). Підтвердження цієї гіпотези виявлялося можливим М. І. Репнікову при знаходженні відповідних графічних пам'яток у городищі Ескі-Кермен [52].

Загалом же, дослідження 1928–1929 року стали певним етапом в історії вивчення минулого гірської і південно-західної Тавриди доби середньовіччя, заклали основу систематичних розкопок «печерних міст» Криму. Надалі (1930–1931 роки) М. І. Репніков зміг отримати тимчасову перемогу над своїми опонентами з ДАІМК – про це він розповідає в листуванні з директором ЦДРМ І. Е. Грабарем: дослідник був призначений на роботу до цієї установи, а її критики – усунені від посад. Це дозволило продовжити плідні дослідження старовини Ескі-Кермена [53, 54].

Підводячи підсумки огляду участі співробітників ЦДРМ у пам'яткоохоронних заходах на території Кримської АСРР в другій половині 20-х – початку 30-х років ХХ століття, можна зробити такі висновки:

– Кримська АСРР вважалася одним із найбільш багатих регіонів СРСР щодо кількості та якості пам'яток історичної і культурної спадщини;

– робота столичних учених носила систематичний характер: дослідження 1920-х – початку 1930-х років заклали основу постійного наукового вивчення і охорони кримських пам'яток;

– дослідження проводилися за державної підтримки, з боку місцевої влади автономії (Кримська ЦВК, Раднарком, Наркомос) перешкод у здійсненні пам'яткоохоронної роботи не зустрічалося;

– дослідження кримських пам'яток проходили в умовах як наукової співпраці фахових установ і організацій (Головнаука, ЦДРМ, ДІМ), так і гострої конкуренції між ними (ДАІМК, ЦДРМ, КримОХОРИС);

– дослідження кримських пам'яток сприяли появі наукових класифікацій і гіпотез, викликали гострі наукові дискусії (Б. М. Засипкін, М. І. Репніков);

– завдяки роботі співробітника ЦДРМ Б. М. Засипкіна в Криму в 1926 році була проведена перша комплексна експедиція з вивчення пам'яток Криму і запровадження заходів щодо їх охорони;

– у 1927–1928 роках ЦДРМ організували і провели масштабні експедиції по пам'ятках Кримської АСРР, що дозволило значно розширити уявлення радянської і світової науки про історію і етнографію народів Криму.

Джерела та література

1. Грабарь И. Е. Восемь лет реставрационной работы // Вопросы реставрации: сб. ЦДРМ / под ред. И. Э. Грабаря. – М., 1926. – С. 5.
2. Центральний муніципальний архів м. Москви (ЦМAM), ф. 1, оп. 1, спр. 505.
3. Там само, спр. 507, арк. 1–3 зв.
4. Там само, арк. 4–6 зв.
5. Там само, арк. 7.
6. Там само, арк. 7 зв.
7. Там само, спр. 509, арк. 28.
8. Там само, спр. 507, арк. 8–10.
9. Там само, арк. 12–13.
10. Там само, спр. 509, арк. 18.
11. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 113-168.
12. ЦМAM, ф. 1, оп. 1, спр. 509, арк. 22.
13. Козлов В. Ф. Охрана исторических памятников в Крыму (1920–1941 гг.) // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. – М., 1994. – Вып. 15. – С. 145–147.
14. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Таврия, 2004. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2). – С. 27–29.
15. ЦМAM, ф. 1, оп. 1, спр. 512, арк. 13–14.
16. Там само, арк. 18–18 зв.
17. Там само, арк. 20.
18. Там само, арк. 22.
19. Там само, арк. 24–24 зв.
20. Там само, арк. 27–27 зв.
21. Там само, арк. 30.
22. Там само, арк. 31–32 зв.
23. Там само, арк. 33.
24. Там само, арк. 34–34 зв.
25. Там само, арк. 67.
26. Мусаева У. К. Историко-этнографічне вивчення народів Криму в 20-х – на початку 30-х рр. XX століття: Автореф. дис... канд. іст. наук / 07. 00. 06 – Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни; Дніпропетровський нац. ун-т. – Дніпропетровськ, 2004. – С. 10–11.
27. ЦМAM, ф. 1, оп. 1, спр. 513, арк. 7.
28. Там само, спр. 514, арк. 4.
29. Там само, арк. 5.
30. Там само, арк. 9.

31. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): библиографическое исследование / Таврический нац. ун-т имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – С. 152.
32. ЦМММ, ф. 1, оп. 1, спр. 515, арк. 6–6 зв.
33. Там само, арк. 9–9 зв.
34. Там само, спр. 517, арк. 1.
35. Там само, арк. 1 зв.
36. Там само, арк. 6–7.
37. Там само, арк. 11–13.
38. Там само, арк. 14–19.
39. Там само, спр. 518, арк. 1–1 зв.
40. Там само, арк. 1 зв.–2.
41. Там само, арк. 10–13.
42. Там само, арк. 5–5 зв.
43. Там само, спр. 520, арк. 67.
44. Там само, арк. 68.
45. Там само, арк. 2, 39.
46. Рукописний архів Інституту історії матеріальної культури РАН, ф. 2, оп. 1 (1928 р.), спр. 105, арк. 2-2 зв.
47. ЦМММ, ф. 1, оп. 1, спр. 520, арк. 2, 17–25, 29–33, 35, 39.
48. Там само, арк. 2–3.
49. Російська національна бібліотека, відділ рукописів, ф. 585, оп. 1, спр. 3486, 3487.
50. Непомнящий А. А. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 16. – С. 154–161.
51. Там само, арк. 17–35.
52. Там само, арк. 35–36.
53. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...»: Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю / подг., предисл. и комм. Е. А. Теркель // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 14. – С. 220–221.
54. Державна Третяковська галерея, відділ рукописів, ф. 106, спр. 10028–10085, 10087.

Хливнюк А.В. Вклад Центральных государственных реставрационных мастерских в дело памятниковоохранной работы в Крыму в 20-х – начале 30-х годов XX века.

Проанализирована деятельность ЦГРМ на территории Крыма. Сделан вывод, что работа этого учреждения на протяжении 1920–1930 годов была одной из показательных относительно организации охраны историко-культурного наследия в Крыму. Неизменным заданием ЦГРМ были регистрация и обследование памятников архитектуры, археологии, искусства, а также реставрация и консервация объектов культурного наследия, которые предотвращали порчу и разрушение памятников.

Ключевые слова: памятниковедение, культурное наследие, Крым, памятники, Центральные государственные реставрационные мастерские.

Нілушук А. В. Contribution of the Central State Restoration Workshops in case Monument Watching in the Crimea in the 20's - early 30-ies of XX century.

This article analyzes the activities CSRWs in the Crimea. The article concludes that the work of the institution over the years 1920-1930 was one of the demonstrative on the organization of protection of historical and cultural heritage in the Crimea. CSRW's unchanged task was the registration and inspection of monuments of architecture, archeology, art, and restoration and conservation of cultural heritage, which prevent damage and destruction of monuments. The Crimean monuments research took place in the conditions of scientific collaboration of professional institutions and organizations, as well as intense competition between them. The research of the Crimean monuments contributed to the emergence of scientific classifications and hypotheses that have caused sharp scientific debate. The paper shows the value held in the years 1927-1928 CSRW scale expeditions to the monuments of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic to expand notions of Soviet and world science about history and ethnography of the peoples of the Crimea.

Key words: monument studying, cultural heritage, the Crimea, museums, monuments, Tavrida, Protection Culture Monuments, Antiquity, State Central Restoration Shops.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

Раздел II

ЦЕРКОВНОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 93:281.9:246/247“17 / 19”(477.75)

Э. С. ИЩЕНКО

К истории православных культовых сооружений, приписанных к собору Св. Александра Невского в Симферополе

Воссоздан реестр православных культовых сооружений конца XVIII – начала XX века, приписанных к собору Св. Александра Невского в Симферополе. Представлена история указанных храмов и часовен. Наибольшую информацию о данных памятниках нам дает досоветская литература. В советский период святыни прекратили функционировать в связи с проводимой в советском государстве политикой, наступил долгий период забвения. В начале 90-х г. XX века началось возрождение святых мест. Уцелевшие храмы были отреставрированы. Этот процесс продолжается до сих пор. Симферопольский собор Св. Александра Невского восстанавливают заново. В его верхнем и нижнем храмах уже проходят богослужения, проводятся работы по росписи, отделке. Особое внимание в статье уделено установлению современной судьбы объектов исследования, поскольку имеющаяся информация о них в литературе отсутствует.

Ключевые слова: Симферополь, православные культовые сооружения, храм, часовня, собор Св. Александра Невского, приписанные храмы.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. ознаменовало новый этап в жизни полуострова. Реформы российского правительства привели к коренным изменениям в экономике, социальных процессах, культуре. Заселение Российским государством южных земель, территориальные преобразования, строительство новых и рост существовавших городов происходили одновременно и взаимосвязано с христианизацией Крыма.

Возрождались христианские памятники дотурецкого периода истории региона, возникали новые святыни. Ведущая роль в этом процессе принадлежала центральному городу Таврической области, а позже, губернии – Симферополю. Его основание состоялось в 1784 г. С этого времени в городе появились жилые постройки и первый православный храм. С каждым годом населенный пункт и численность жителей увеличивались. В этой связи ощущалась необходимость в возведении новых православных культовых сооружений. Другой причиной увеличения количества святынь заключалась в миссионерской политике русского правительства относительно проживавших в Крыму народов не-православной веры.

Особое внимание власти уделяли формированию образа православного центра Симферополя – его главного храма. Им стал собор святого Александра Невского (рис. 1). 3 июня 1829 г. храм был освящен, а в 1860 г. получил статус кафедрального. На протяжении существования собора, до его уничтожения в 1930 г., к нему были приписаны некоторые церкви города: Успения Св. праведной Анны, Св. апостолов Петра и Павла, греческая во имя Св. Троицы, две часовни во имя Св. Александра Невского, часовня во имя Св. Николая [1]. Однако в клировой ведомости за 1899 г. значился несколько иной перечень, а именно: храмы Св. Праведной Анны, Св. преподобного Мартиниана, Св. Константина и Елены, часовни на братском кладбище, Св. Марии Магдалины, Св. Благоверного Александра Невского на базарной площади, Св. Николая [2].

Исследование источников и литературы, связанных с историей Симферополя и православных культовых сооружений Крыма, показало существование пробелов. До сих пор не существует специальной публикации, в которой был бы представлен полный список существовавших православных культовых сооружений конца XVIII – начала XX века, и, в частности, храмов, приписанных к симферопольскому Александру-Невскому собору, с указанием истории святыни, современного состояния объекта. Наибольшую информацию о данных памятниках нам представляет досоветская литература. Справочные сведения содержатся в описаниях Таврической епархии 1872 г. протоиерея кафедрального собора Св. Александра Невского Михаила Кононовича Родионова [3], 1886 г. епископа Таврического Гермогена (Добронравина) [4]. Тем не менее, данные в указанных трудах противоречивы. Более четко сформулированы и описаны православные сооружения в отчете о третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии 1890 г.

[5]. В трудах советского периода упоминания о святынях отрывочны, а зачастую отсутствуют по причине проводимой общегосударственной политики. За последние двадцать лет в литературе огромное внимание ученых уделялось лишь тем сооружениям, которые не были уничтожены в период Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн, а также в период советской власти. О судьбе многих храмов после 90-х гг. XX века и до настоящего времени сообщается кратко или вообще не содержатся сведения. Современные научно-популярные публикации [6] носят компилятивный характер, содержат больше информации о святых, церковных обычаях и канонах, чем о сооружениях.

В 1809 г. началось строительство главного храма города – собора во имя Св. Александра Невского [7]. Был заключен контракт на сооружение здания с французскими подрядчиками Б. Лати, П. Микола и И. Ферри. Работы по возведению велись до 1812 г. Затем в ожидании ассигнования строительство остановилось [8]. В апреле 1813 г. сильная буря снесла имевшуюся кровлю храма, строительные материалы были развеяны ветром и, как следствие, расхищены [9]. Постройка простояла с 1814 по 1822 г., дала трещины и начала разрушаться. Было принято решение ее разобрать и перенести сооружение собора на новое место подальше от берега реки Салгир. 12 марта 1823 г. протоиереем Василием Чернявским был вновь заложен храм во имя Св. Александра Невского [10]. 3 июня 1829 г. высокопреосвященный архиепископ Херсонский Гавриил провел освящение [11]. В 1860 г. собор был переименован в кафедральный [12] в связи с появлением епископской кафедры в Крыму и созданием Таврической епархии. В последующие годы храм не единожды расширялся за счет пристроек [13]. Здесь читали проповеди известные богословы, сюда приезжали российские императоры и великие князья, в соборе находились вещи, подаренные Екатериной II и Александром II. В ночь с 26 на 27 сентября 1930 г. это архитектурное сооружение было взорвано и полностью разрушено [14]. С 2000-х гг. ведется восстановление святыни на прежнем месте напротив Долгоруковского обелиска в оформившемся в послевоенные годы сквере Победы [15]. В верхнем и нижнем храмах Собора уже проходят богослужения, проводятся работы по росписи, отделке.

Рассмотрим храмы, которые были приписаны к Александро-Невскому собору. Функцию первого православного храма в Симферополе выполняла церковь во имя равноапостольных царей Константина и Елены (рис. 2). В 1785 г. [16] полковник Борис Алексеевич Тищев купил за 50 руб. асс. домик у татарина, переселявшегося в Турцию [17].

Устроил в нем полковую церковь на 150 человек [18]. В 1786 г., после того, как полк ушел, правитель Таврической области Василий Васильевич Коховский распорядился установить иконостас. Богослужения в храме были возобновлены для чиновников и первых обитателей города [19]. В 1787 г. цареконстантиновскую церковь посетила Екатерина II [20]. Императрица была удивлена бедностью и малой вместительностью святыни, дала распоряжение построить соборный храм. В начале 1800 г. данное сооружение было разобрано до основания. Весь материал перенесли на городское кладбище, из него сложили маленькую церковь. В 1831 г. и она была разобрана, а материал использовали при строительстве ограды кладбища [21]. На прежнем месте Цареконстантиновского храма 1785 г. генералом Ю. В. Поповым была устроена одноименная домовая церковь и освящена 14 июня 1887 г. [22]. Сооружение сохранилось до наших дней.

В 1796 г. состоялось освящение храма во имя Св. Троицы, устроенного греками, проживавшими в то время в Симферополе. К середине XIX века эта постройка стала ветхой и не вмещала всех желающих. Поэтому была разобрана, на ее месте на пожертвования прихожан построена новая – больших размеров – в изящном архитектурном стиле [23]. В 1868 г. храм освятили [24]. В таком виде он сохранился до наших дней.

В 1805–1806 гг. на средства прихожан была построена деревянная церковь (по данным протоиерея М. К. Родионова – освящена в 1805 г. [25]) во имя святых апостолов Петра и Павла [26]. Функционировала как соборная, в 1827 г. была упразднена в связи с сооружением Александро-Невского кафедрального собора [27]. Деревянная церковь была разобрана. В 1865 г. был учрежден Комитет по строительству нового каменного Петропавловского храма в Симферополе [28]. Через год основные работы по возведению здания были завершены благодаря финансовой поддержке прихожан и церковного старосты купца А. И. Тисова [29]. 16 августа 1870 г. состоялось освящение во имя прежних покровителей [30]. Ныне это – кафедральный собор Святых апостолов Петра и Павла.

На новом городском кладбище 14 июня 1864 г. купцом Василием Борисовичем Маслениковым была построена церковь во имя Успения Св. Праведной Анны [31]. Здесь находился иконостас, который в 1845 г. на средства А. А. Бражниковой был устроен с престолом во имя Св. Праведной Анны в Александро-Невском Соборе [31], и упразднен вскоре по распоряжению Таврического епископа Алексия (Ржаницына) [32].

Рис. 1. Собор Святого Александра Невского

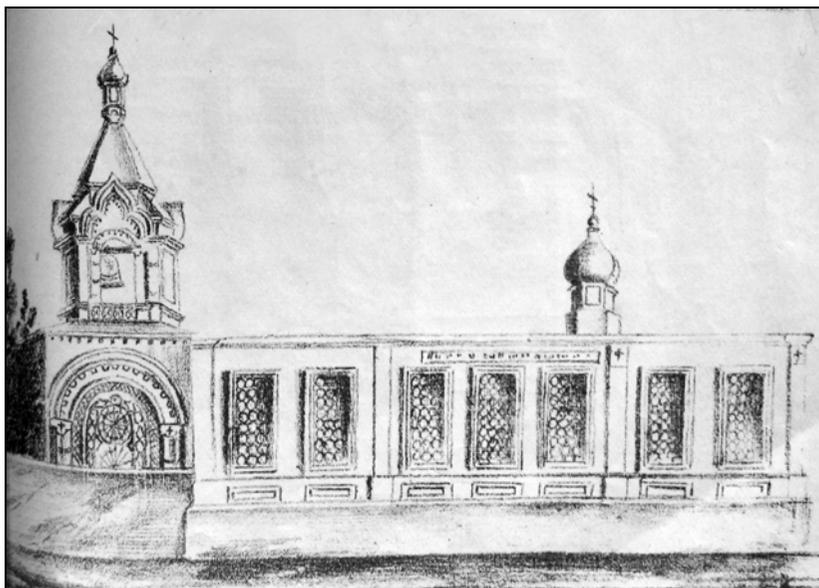

Рис. 2. Церковь во имя равноапостольных царей Константина и Елены

Рис. 3. Часовня во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского на воинском кладбище

Рис. 4. Часовня во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского на базарной площади возле фонтана

Эта церковь была небольшой, но своей цели отвечала. В ней в поминальные субботы и воскресенья всем причтом кафедрального Александро-Невского собора проводилась литургия [33]. Ныне – это храм во имя Всех Святых в районе центрального рынка [34].

В 1866 г. по воле императрицы Марии Александровны на воинском кладбище над могилами воинов, раненых в Севастополе во время Крымской войны и умерших в Симферополе, была устроена часовня во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского (рис. 3). В ней ежегодно накануне Троицы в субботу происходила панихида [35]. Сохранилась до настоящего времени.

Часовня Св. Марии Магдалины на военном кладбище была сооружена по указу императрицы Марии Александровны, о чем сообщала мраморная мемориальная доска, укрепленная на здании: «Построена в 1868–1869 гг. по всемилостивейшему благоволению Государыни Императрицы Марии Александровны и по велению Государя Императора Александра Николаевича над местом погребения воинов Крымской армии, павших за Веру, Царя и Отечество в 1854–1855 годах». 13-метровая прямоугольная каменная часовня, увенчанная крестом, являлась доминантой окружающего ландшафта и просматривалась от железной дороги Симферополь – Севастополь. В ней ежегодно накануне Троицы в субботу служили панихиду в память о погибших в боях и умерших от ран защитников Севастополя. Сооружение было разрушено в начале 30-х годов XX века. Ныне в Петровской балке можно увидеть лишь основание бывлой часовни и несколько камней от надгробных плит бывшего кладбища [36].

В 1880 г. в Симферополе на базарной площади (возле фонтана [37] – ныне это площадь Ленина) Братством Св. Князя Владимира и Св. Князя Александра Невского была устроена часовня во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского [38] (рис. 4). В ней по воскресеньям и средам совершали молебен с акафистом покровителю святыни. Сооружение было снесено в конце 20-х гг. (в 50–60-х гг. [39]) XX века.

23 августа 1892 г. преосвященным епископом Мартинианом (Мураховским) был освящен храм во имя преподобного Мартиниана при епархиальном свечном заводе [40]. В Государственном архиве в Автономной Республике Крым нами выявлен документ о ходатайстве перед крымским центральным исполнительным комитетом о ликвидации Свято-Мартиниановской церкви с передачей помещения под рабочий клуб стекольному заводу [41].

В 1892 г. в ограде Александро-Невского собора по проекту архитектора Н. Ф. Беккера была построена часовня. 6 мая 1895 г. состоялось ее освящение во имя Св. Николая [42] в честь помолвки будущего императора Николая II с Александрой Федоровной [43].

Таким образом, включение Крыма в состав Российской империи значительно отразилось на административном центре – Симферополе. Полноценное развитие региона шло наряду с появлением православных культовых сооружений как необходимого атрибута жизни христиан. С увеличением численности жителей города открывались новые святыни, расширялись существовавшие. Многие храмы были приписаны к кафедральному собору Св. Александра Невского. Допускаем, что составленный нами список православных культовых сооружений Симферополя конца XVIII – начала XX века, приписанных к собору, не является полным. В этой связи планируется дальнейшее проведение дополнительного исследования.

Источники и литература

1. Белова С. Л. Симферополь : этюды истории, культуры, архитектуры / С. Л. Белова. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2001. – С. 36.
2. Обуховская Л. Не в силе Бог, но в правде / Л. Обуховская // Крымская правда. – 1999. – 28 дек. – С. 3.
3. Родионов М. К. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии : общий и частный обзор / М. К. Родионов. – Симферополь, 1872. – 270 с.
4. Гермоген. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии / Гермоген. – Симферополь : Таврическая губернская типография, 1886. – 274 с.
5. Назаревский А. Г. Построение православных храмов в Симферополе и достопримечательные предметы в этих храмах / А. Е. Назаревский // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии : Симферополь и его окрестности / сост. Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1890. – С. 109–120.
6. Литвинова Е. М. Крым : православные святыни : путеводитель / Е. М. Литвинова. – Симферополь : РуБин, 2005. – С. 11–46.
7. Родионов М. К. Указ. соч. – С. 194.
8. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 111.
9. Там же. – С. 112.
10. Там же.
11. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 31.
12. Там же. – С. 35.
13. Там же. – С. 34.
14. Ищенко Э. С. Проблемы восстановления Симферопольского Александро-Невского Собора (1991–2003) / Э. С. Ищенко // Ученые записки Таврического нац. ун. им. В. И. Вернадского. сер. : «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – С. 56.
15. Там же. – С. 59.

16. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 91.
17. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 109.
18. Гермоген. Указ. соч. – С.151.
19. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 109.
20. Гермоген. Указ. соч. – С.151.
21. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 110.
22. Там же. – С. 118.
23. Гермоген. Указ. соч. – С.156.
24. Родионов М. К. Указ. соч. – С. 193.
25. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 117.
26. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 93.
27. Там же. – С. 94.
28. Родионов М. К. Указ. соч. – С. 194.
29. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 117.
30. Там же.
31. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 33.
32. Гермоген. Указ. соч. – С.156.
33. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 117.
34. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
35. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 117.
36. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
37. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 36.
38. Назаревский А. Г. Указ. соч. – С. 117.
39. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 176.
40. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
41. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-663, оп. 1, д. 1708, л. 165–166.
42. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
43. Белова С. Л. Указ. соч. – С. 36.

***Ищенко Е. С.* До історії православних культових споруд, приписаних до собору Св. Олександра Невського в Сімферополі.**

Відтворено реєстр православних культових споруд кінця XVIII – початку XX століття, приписаних до собору Св. Олександра Невського у Сімферополі. Ця святиня займає особливе місце, адже влада приділяла особливу увагу її формуванню. 3 червня 1829 р. відбулося освячення храму, а у 1860 р. отримав статус кафедрального. Протягом існування собору, до його знищення у 1930 р., до нього були приписані деякі церкви міста. Серед них – церкви Успіння Св. праведної Анни, Св. апостолів Петра і Павла, грецька в ім'я Св. Трійці, Св. преподобного Мартиніана, Св. Костянтина і Олени, Св. Николая, каплиці в ім'я Св. Олександра Невського, Св. Марії Магдалини і Св. Благовірного Олександра Невського на базарній площі. Представлена історія цих православних культових споруд. Найбільше інформації щодо вказаних пам'яток нам представляє дорадянська література.

У радянський період святині припинили функціонувати у зв'язку із проведеною політикою держави, настав довгий період забуття. На початку 90-х років ХХ століття почалося відродження святих місць. Уцілілі храми були відреставровані і цей процес продовжується досьогодні. Собор Св. Олександра Невського відновлюють заново. У його верхньому і нижньому храмах вже проходять богослужіння, проводяться роботи з розпису, обробці. Щодо приписаних храмів, зараз існують та функціонують церкви Всіх святих (колишня Успіння Св. праведної Анни), Св. апостолів Петра і Павла, Св. Трійці, Св. Костянтина і Олени, каплиця в ім'я Св. Олександра Невського на військовому кладовищі. Храми Св. преподобного Мартиніана, Св. Ніколая, каплиці Св. Марії Магдалини, Св. Благовірного Олександра Невського на базарній площі були знищені у радянський період. Встановленню сучасної долі об'єктів дослідження в статті приділено особливу увагу, оскільки про них у літературі повідомляється коротко або не вказано.

Ключові слова: Сімферополь, православні культові споруди, храм, каплиця, собор Св. Олександра Невського, приписані храми.

Ischenko E. S. On the History Of the Orthodox Cult Edifices, assigned to the Cathedral of St. Alexander Nevsky in Simferopol.

Register of Orthodox cult edifices of the late XVIII – early XX century, attributed to St. Alexander Nevsky in Simferopol is reproduced. This sanctuary is a special case because the government has paid special attention to its formation. On June 3, 1829 the church was consecrated, and in 1860 received the status of cathedral. During the existence of the church, until its destruction in 1930, it was attributed to some churches of the city. Among them – the Church of the Assumption of St. Righteous Anna, the Holy Apostles Peter and Paul, the Greek of the Holy Trinity, St. Martynian, St. Constantine and Helena, St. Nicholas, Chapel of St. Alexander Nevsky, St. Mary Magdalene and St. Alexander Nevsky on market square. The history of these Orthodox places of worship is submitted. Most information on these monuments is presented in pre-Soviet literature. In the Soviet period the sanctuary ceased to function due to the policy of the state, has come a long period of neglect. In the early 90-ies of XX century revival of holy places have been begun. The surviving temples were restored and this process continues to this day. Cathedral of St. Alexander Nevsky reduced anew. In its upper and lower church has held worship, works on painting treatment are continuing. As for another churches now the church of All Saints (formerly Assumption of St. Righteous Anna), St. Peter and Paul, the Holy Trinity, St. Constantine and Helena, Chapel of St. Alexander Nevsky at the military cemetery are existed and functioned. Church of St. Martynian, St. Nicholas, Chapel of St. Mary Magdalene, St. Alexander Nevsky on market square were destroyed during the Soviet period. Establishing the fate of modern research facilities in the article given special attention because of them briefly reported in the literature or not specified.

Key words: Simferopol, Orthodox cult edifices, church, chapel, St. Alexander Nevsky cathedral.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 281.9+323.35:351.853 (477.75)

В. В. КАЛІНОВСЬКИЙ**Архієпископ Інокентій (Борисов) –
організатор відновлення православних
святинь Криму**

Розглянуто внесок архієпископа Херсонського і Таврійського Інокентія (Борисова) у справу відновлення в Криму православних монастирів на місці раніше існуючих обителей. Цей проєкт ієрарха отримав назву «Російський Афон». Підкреслюється, що владика Інокентій у своїй церковно-адміністративній діяльності приділяв Кримському півострову особливу увагу. Визначено, що вже під час першого архієпископського візиту до Криму Інокентій відвідував руїни середньовічних храмів. Встановлено, що за дорученням ієрарха підготовча робота з відновлення святинь була проведена сімферопольським кафедральним протоієреєм М. К. Родіоновим. Документами, що сприяли реалізації проєкту «Російський Афон» стали прохання жителів Сімферополя, Бахчисарая та інших навколишніх місць про заснування скиту в Бахчисарайській Успенській скелі, а також підготовлена архієпископом Інокентієм «Записка про відновлення стародавніх святих місць по горах кримських». У них висловлювалися аргументи на користь ініціативи владики. Визначено, що підтримку проєкту надавали близькі знайомі преосвященного Інокентія – директор канцелярії обер-прокурора Святішого Синоду К. С. Сербинович і генерал-губернатор Новоросії М. С. Воронцов. Після дозволу Синоду 15 серпня 1850 р. відбулося урочисте відкриття скиту в Успенській скелі поблизу Бахчисарая. Першим настоятелем обителі став архімандрит Полікарп (Радкевич). Подальшими об'єктами відновлення стали кіновії в Херсонесі та Інкермані. При відновленні спостерігалося прагнення духовенства зберігати вигляд старожитностей у первозданному вигляді.

Ключові слова: архієпископ Інокентій (Борисов), «Російський Афон», церковна археологія, Херсонес.

Архієпископ Інокентій (Борисов) займає особливе місце в історії Російської православної церкви на Півдні України. Це був блискучий проповідник і організатор, невтомний керівник, який залишив по собі добру пам'ять в усіх єпархіях, якими керував, мужній і діяльний пастир. Видатний історик Михайло Петрович Погодін назвав святителя «Великий громадянин руський» і «друг людства, який гаряче бажав йому скрізь закінченого успіху» [1].

Суспільний інтерес до особистості Інокентія виник ще під час життя владики та продовжився після його смерті. Видатному ієрархові присвятили біографічні роботи професор Санкт-Петербурзької духов-

ної академії Микола Іванович Барсов (1839–1889) [2], богослов Тимофій Іванович Буткевич (1854–1925) [3], історик М. Востоков [4]. Ці праці створені із залученням широкого корпусу джерел, в першу чергу, – листування святителя. У них поверхнево згадується про участь ієрарха в справі відтворення середньовічних обителів в Криму.

Важливою для розкриття питання є стаття авторитетного кримознавця Арсенія Івановича Маркевича (1855–1942) «Кілька слів про діяльність в Тавриді Інокентія, архієпископа Херсонського і Таврійського», опублікована в 1901 р. на сторінках відразу двох видань – «Известий Таврической ученой архивной комиссии» і «Таврических епархиальных ведомостей» [5]. Сімферопольський вчений докладно розглянув роль архіпастиря у відтворенні в Криму монастирів на місці середньовічних обителів. Ним були охарактеризовані підготовчі заходи, освітлений хід робіт з відкриття духовних центрів і наведені відомості про нереалізовані плани Інокентія з розвитку на півострові церковної археології. Основним джерелом роботи А. І. Маркевича стали вже опубліковані до того часу біографічні матеріали про ієрарха, в першу чергу, підготовлені М. Востоковим [4].

Незаперечний пріоритет у дослідженні внеску православного духовенства в розвиток історичного кримознавства належить доктору історичних наук, професору Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського Андрію Анатолійовичу Непомнящому. У 1992 р. з'явилася перша робота вченого щодо цієї проблеми, в якій обґрунтовано, що краєзнавча діяльність церковних ієрархів і священників була важливим фактором у загальному руслі історико-краєзнавчих досліджень регіону [6]. У подальших студіях з історії кримознавства А. А. Непомнящим були досліджені історико-бібліографічний і пам'яткоохоронний аспекти роботи духовенства, визначено основні її напрямки: виявлення, опис та охорона пам'яток, пропаганда історико-археологічних знань, видання своїх наукових праць [7].

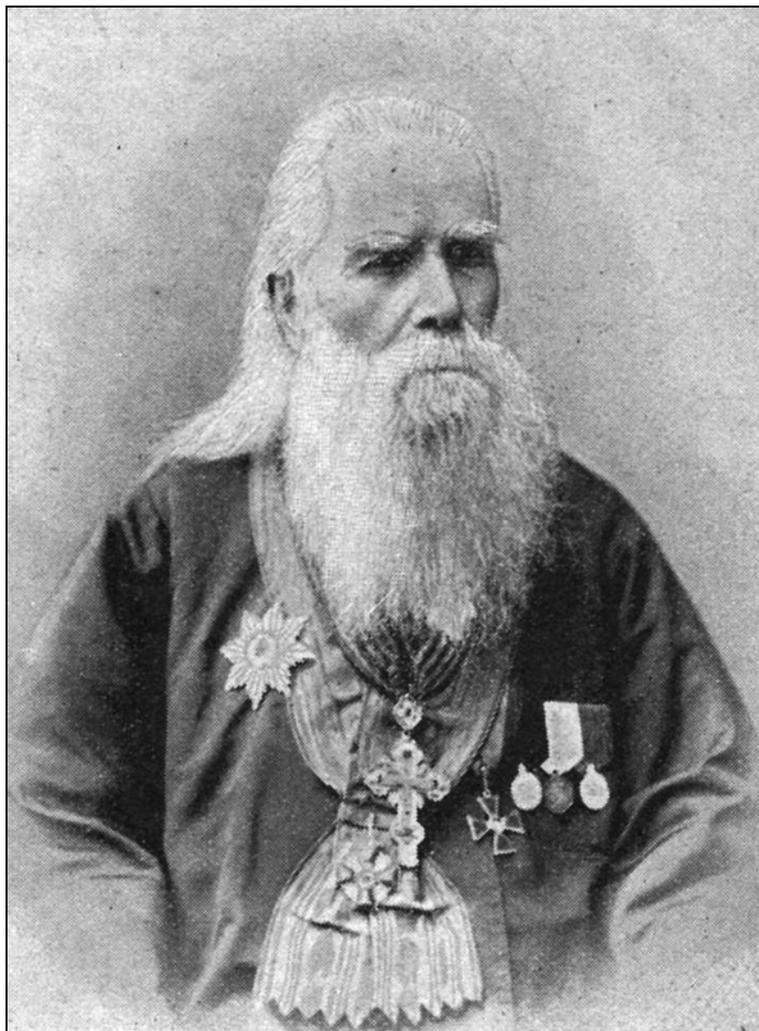
За височайшим повелінням, 24 лютого 1848 р. преосвященний Інокентій був переведений на Херсоно-Таврійську кафедру, яку займав до своєї смерті в 1857 р. Закономірно, що з цим призначенням Кримський півострів став об'єктом особливої уваги архієпископа. Сучасники так відгукувалися про велике значення Криму в житті Інокентія: «Це був предмет, з якого владики – вдома був, чи в Петербурзі – не спускав очей своїх. У інших місцях великої єпархії він був ледь одного разу в усі часи керування; в Криму ж нерідко в одне літо бував рази по два» [4, с. 682].

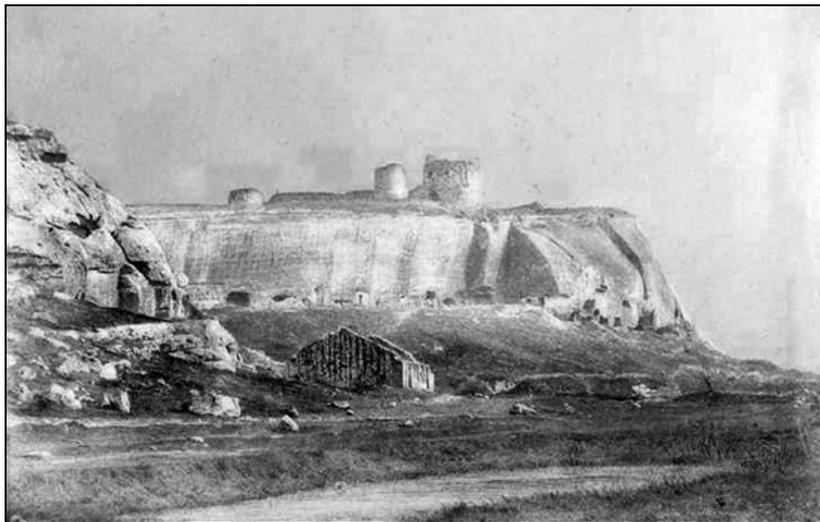
Архієпископ Інокентій (Борисов)

Архієпископ Гавриїл (Розанов)

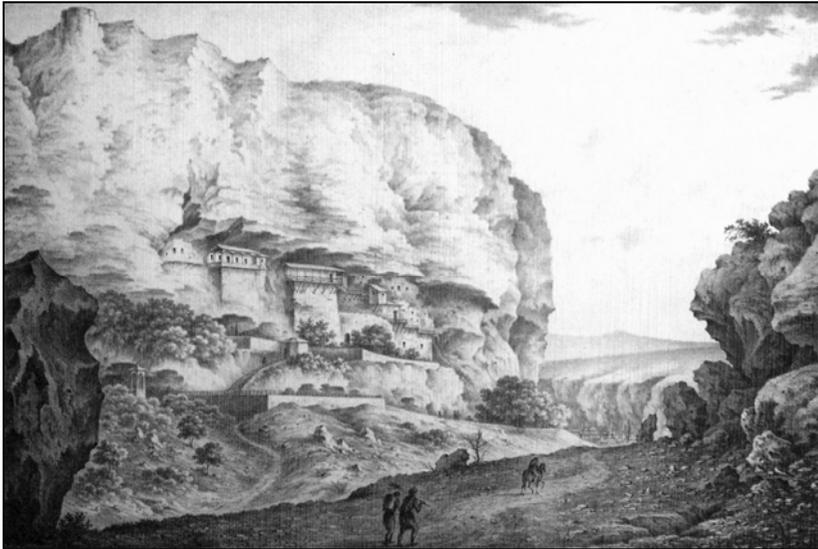
Протоіерей Арсеній Лебединцев

Інкерман під час Кримської війни

Петропавловський собор у Севастополі після Кримської війни

Успенський монастир біля Бахчисараю

Участь у роботі Святішого Синоду не дозволяла владиці постійно перебувати у своїй єпархії, проте вже в липні 1848 р. відправився до подорожі для ознайомлення з паствою і положенням у ввіреному йому церковному окрузі. Поїздка продовжувалася до вересня. Преосвящений Інокентій оглянув значну частину Новоросії, в тому числі і Крим. На півострові він закінчив розпочату його попередником архієпископом Гавриїлом (Розановим) справу реконструкції давньої церкви у селі Біясали Сімферопольського повіту (нині – Верхоріччя). Незважаючи на слабе здоров'я і труднощі переміщення по горах, владика відвідував руїни християнських храмів, що знаходилися там [5, с. 32].

Підготовча робота з відновлення середньовічних обителів в Криму почалася влітку 1849 р. Основна її частина була проведена сімферопольським протоієреєм, настоятелем Олександро-Невського собору Михайлом Кононовичем Родіоновим. 9 серпня 1849 р. М. К. Родіонов представив на розсуд і розпорядження преосвященного Інокентія рапорт, до якого додавалося прохання, складене мешканцями Сімферополя, Бахчисараю та інших навколишніх місць про заснування скиту в Бахчисарайській Успенській скелі і про відкриття на горах Кримських кіновій за зразком обителів, що існували на горі Афон у Греції [4,

с. 679]. У цьому документі з'являється словосполучення «Російський Афон», що стало назвою для проекту архієпископа Інокентія з відновлення середньовічних обителей.

Ще одним важливим матеріалом стала підготовлена владикою Інокентієм «Записка про відновлення стародавніх святих місць по горах кримських», схвалена Святішим Синодом і затверджена імператором. Там підкреслювалося, яке велике значення мало б відновлення обителей. Святитель наводив такі аргументи на користь свого задуму: 1. Цим була б підтримана, особливо в очах іновірців, честь віри християнської і самого уряду. 2. Збереглися б від кінцевого руйнування місця, з багатьох причин варті уваги всякого освіченої людини. 3. Утворилися б непримітно осереддя тихого благодіючого дії віри християнської на татарське населення і, можливо, підготували б поступово зближення кримських мусульман з християнством. 4. Мандрівникам по Кримських горах приємно було б замість мертвих і безмовних руїн, що наводять смуток і зневіру, знаходити по місцях «пристановища священні», де разом із тілом міг відпочити та дух.

Оформлення паперів сповільнило ініціативи преосвященного Інокентія, але не зупинило їх. Думка про відкриття обителей не залишала архієпископа. У листі до редактора «Журнала Міністерства народного просвещения» та директору канцелярії обер-прокурора Святішого Синоду Костянтина Степановича Сербиновича (1797–1874) від 29 серпня 1849 р. ієрарх писав: «Думаю побувати в Криму, щоб трохи краще оглянути місця, передбачувані до відновлення» [4, с. 682]. Там само архієпископ Інокентій зазначав: «Кримський Афон наш не залишається під спудом. З тиждень вже як отримане мною прохання від усього, можна сказати, Криму про відновлення тамтешніх святих місць. І тут (в Одесі. – В. К.) співчуття цій справі повне» [4, с. 682]. Архієпископ Херсонський і Таврійський вказував, що для успіху заходу залишається провести розмову з князем Михайлом Семеновичем Воронцовим. Також владику зазначив, що з фінансовим забезпеченням відновлення обителей не повинно виникнути проблем, оскільки вже з'явилися перші жертводавці. Головну перешкоду в реалізації своєї ідеї Інокентій бачив у пошуку людей, готових до пустинножителства. Проблемою залишалася також неможливість глави Херсоно-Таврійської єпархії постійно бути присутнім у ввіреному церковному окрузі.

Вже через місяць, 29 вересня 1849 р., ієрарх писав Костянтину Степановичу Сербиновичу про успішну зустріч з Новоросійським генерал-губернатором: «Під час перебування тут князя-намісника я мав

можливість детально переговорити з ним про все, потрібне для тутешнього краю. Він надав згоду на все йому запропоноване і обіцяв повне сприяння. Між іншим, йому вельми сподобався мій прожект кримський» [4, с. 682–683].

Щоб переконати Святіший Синод у тому, що думки про відтворення святинь поділяє православне населення Криму, владика Інокентій апелював до вищезгаданого прохання жителів населених пунктів». Архієпископом пропонувалося в першу чергу відновлювати ті місця, які найбільш шануються народом, і ті, які легше і швидше підняти з руїн [9].

4 травня 1850 р. Святіший Синод схвалив ці ініціативи, і дозвіл на відкриття обителів в Криму був отриманий [10]. 15 серпня 1850 р. при великому скупченні народу відбулося урочисте відкриття скиту в Успенській скелі поблизу Бахчисарая. Унаслідок малої кількості і тісноти келій було дозволено перебування там шести ченців. Першим настоятелем обителі став архімандрит Полікарп (Радкевич). Вибір саме цього служителя був не випадковий. Він довгий час був настоятелем Афінської посольської церкви і не з чуток знав традиції духовних центрів Афона [11].

Відкриття Бахчисарайського Успенського скиту не зупинило діяльність архієпископа Інокентія в галузі відновлення святинь. У 1852 р. він звернувся з поданням до Святішого Синоду, де говорив про необхідність відкриття інших кіновій [12]. Для відновлення були запропоновані руїни древньої церкви в Херсонесі, де «стався початок осяння світлом віри православної всій Росії», і залишки двох малих церков у Інкерманській скелі. Для цього необхідно було вирішити питання про передачу землі в Херсонесі та Інкермані з Морського в Духовне відомство, що було зроблено після звернення обер-прокурора Святішого Синоду Миколи Олександровича Протасова до Морського міністра Олександра Сергійовича Меншикова [13]. Командувач Чорноморським флотом адмірал Михайло Петрович Лазарев не забарився виділити з Військово-морського відомства до єпархіального Херсонеський мис з його руїнами. Ця місцевість була доручена у ведення та спостереження протоієрея севастопольської Петропавловської церкви Арсенія Гавриловича Лебединцева, який у той час був благочинним церков Севастопольського округу. При прихильному розташуванні влади, за дорученням Арсенія, флотські команди огородили Херсонес з сухопутного боку, закрити проломи стародавньої міської стіни [14].

Нові масштабні задуми преосвященного Інокентія повинні були здійснитися в комплексі підготовчих заходів у відновлюваних кіновіях. Так, у Херсонесі пропонувалося: 1. Відновити на древньому фундаменті церкву, де, ймовірно, хрестився Володимир Великий. 2. Влаштувати при цій церкві келії на 12 чоловік братії і невеликий готель для притулку відвідувачів. 3. Ці об'єкти обнести ґратчастою огорожею з розведенням всередині неї саду та відновленням у ньому стародавньої, візантійських часів, цистерни. 4. Всю стародавню місцевість Херсонеса очистити від сміття і захистити, а потім по місцях засадити виноградником або лісовими деревами. Відповідно, в Інкермані було заплановано: 1. Оновити посічені в скелі два малих храми, з присвятою одного з них Св. Климента, а іншого – Св. Мартину. 2. Над джерелом біля скелі влаштувати каплицю і оточити її садом. 3. У підшви скелі влаштувати приміщення для восьми осіб братії [15]. Про хід робіт архієпископу Херсонському і Таврійському повідомляли представники братії створюваних обителей. Монах Володимир у листі від 29 червня 1851 р. розповідав владиці про устрій кіновії в Херсонесі: була огорожена територія, зведені каплиця і хрест, а для в'їзду до церковного подвір'я поставлені дерев'яні ворота шириною 6,5 аршина. Служитель культу припускав, що ворота встановлені на тому місці, де вони були в давнину, оскільки вся нова стіна будувалася по лінії колишньої. Отже, ченцями вже в цей час проводилися господарські роботи, які робили неможливими повноцінні дослідження стін стародавнього міста. Також Володимир доповідав, що 26 червня 1851 р. Херсонес відвідав контр-адмірал Петро Маркович Вукотич, який оглянув руїни стародавнього храму і заявив, що після закінчення розчищення цієї споруди «підє правильне розкриття інших місць на кіновійній землі» [16].

Основна частина робіт з відновлення кримських святинь припала на 1852 р. У Херсонеській обителі ними завідував ієромонах Василь (Юдін), що став першим настоятелем кіновії. Він походив з донських козаків і здобув освіту на природничому факультеті Московського університету. Уже у зрілому віці в його житті відбулися значні зміни. Після трагічної загибелі дружини і дочок Василь (Юдін) прийняв постриг, після чого відправився в паломництво на Афон, звідки повернувся в сані ієромонаха У своїх численних листах до владики Інокентію ієромонах детально висвітлював всі проведені під його керівництвом заходи. Так, 25 квітня 1852 р. він повідомляв, що на території городища влаштовані сад, виноградник та бібліотека. Цікаво, що в якості адреси відправника в листі були вказані «Руїни Херсонеса».

Архієпископ Інокентій розпорядився при роботах з відновлення святинь в Херсонесі та Інкермані проявляти «більше уважності для можливого дотримання всього, що належить до старовини». Виняток склало оновлення живописом стін склепінь і стін печерних церков, оскільки неможливо було визначити, де яке зображення знаходилося раніше [17].

Повному відновленню кримських святинь завадили Кримська війна та смерть Інокентія у 1857 р. Тим не менше, діяльність владики є важливим прикладом уваги вищого духовенства до християнських старожитностей. Вона і сьогодні може бути зразком для співпраці духовних осіб зі світською владою та науковцями в питаннях охорони культурної спадщини. Завдяки невтомній діяльності керівника єпархії в Криму було відтворено систему середньовічних монастирів і закріплено традицію участі духовенства у справі опису, охорони та популяризації пам'яток.

Джерела та література

1. Погодин М. П. Кончина Иннокентия / М. П. Погодин // Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. – М., 1867. – С. 63.
2. Барсов Н. И. Иннокентий : Иван Алексеевич Борисов / Н. И. Барсов // Русский биографический словарь. – СПб., 1897. – Т. : Ибак–Ключарев. – С. 110–115.
3. Буткевич Т. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский / Т. Буткевич. – СПб., 1887. – 422 с.
4. Востоков Н. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, 1800–1857 / Н. М. Востоков // Русская старина. – 1878. – Т. 21. – С. 194–204 ; 547–572 ; 1878. – Т. 23. – С. 367–398 ; 1879. – Т. 24. – С. 651–708.
5. Маркевич А. И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1901. – № 31. – С. 30–57 ; То же // Таврические епархиальные ведомости. – 1901. – № 1. – С. 26–43 ; № 2. – С. 95–111.
6. Непомнящий А. А. Внесок служителів культу в розвиток історичного краєзнавства в Криму (друга половина XIX – початок XX ст.) / А. А. Непомнящий // Релігійна традиція в духовному відродженні України : матер. Всеукр. наук. конф. / Полтавський держ. пед. ін-т ім. В. Г. Короленка. – Полтава, 1992. – С. 116.
7. Непомнящий А. А. Служители культа в развитии исторического краеведения Крыма : Историко-библиографический аспект / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – 1999. – № 5. – С. 77–91; Непомнящий А. А. Церковное краеведение в Крыму и краеведческая библиография / А. А. Непомнящий // Рукописна та книжкова спадщина України : археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. / ІРНБУВ. – К., 2000. – Вип. 6. – С. 123–147; Непомнящий А. А. Роль духовних осіб у розвитку історичного краєзнавства в Криму : друга половина XIX – початок XX ст. / А. А. Непомнящий // Український історичний журнал. – 2003. – № 4. – С. 123–133;

- Непомнящий А. А. Деятельность священнослужителей по изучению и охране памятников древности в Крыму (XIX – начало XX века) / А. А. Непомнящий // Церковные древности : сб. матер. III Межд. конф. «Церковная археология : литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). – Симферополь : Универсум, 2005. – С. 103–140.
8. Державний архів в Автономній Республіці Крим, ф. 118, оп. 1, д. 5780, арк. 2.
  9. Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским // ИТУАК. – 1888. – № 5. – С. 87–97.
  10. Російський державний історичний архів (РДІА), ф. 797, оп. 20, д. 44614, арк. 26–29.
  11. Там само, арк. 47–50.
  12. Там само, арк. 12.
  13. Там само, арк. 10–11.
  14. Державний архів міста Севастополь, ф. 19, оп. 1, д. 67, арк. 3.
  15. РДІА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, арк. 17.
  16. Російська національна бібліотека, відділ рукописів, ф. 313, д. 37, арк. 14–15.
  17. РДІА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, арк. 113–116.

***Калиновский В. В.* Архиепископ Иннокентий (Борисов) – организатор восстановления православных святынь Крыма.**

Рассмотрен вклад архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) в дело восстановления в Крыму православных монастырей на месте ранее существовавших обителей. Данный проект иерарха получил название «Русский Афон». Подчеркивается, что владыка Иннокентий в своей церковно-административной деятельности уделял Крымскому полуострову особое внимание. Определено, что уже во время первого архипастырского визита в Крым Иннокентий посещал руины средневековых храмов. Установлено, что по поручению иерарха подготовительная работа по восстановлению святынь была проведена симферопольским кафедральным протоиереем М. К. Родионовым. Документами, способствовавшими реализации проекта «Русский Афон» стали прошение жителей Симферополя, Бахчисарая и других окрестных мест об учреждении скита в Бахчисарайской Успенской скале, а также подготовленная архиепископом Иннокентием «Записка о восстановлении древних святых мест по горам крымским». В них высказывались доводы в пользу инициативы владыки. Определено, что поддержку проекту оказывали близкие знакомые преосвященного Иннокентия – директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К. С. Сербинович и генерал-губернатор Новороссии М. С. Воронцов. После разрешения Синода 15 августа 1850 г. состоялось торжественное открытие скита в Успенской скале близ Бахчисарая. Первым настоятелем обители стал архимандрит Поликарп (Радкевич). Дальнейшими объектами восстановления стали киноии в Херсонесе и Инкермане. При восстановлении наблюдалось стремление духовенства сохранять облик древностей в первозданном виде.

Ключевые слова: архиепископ Иннокентий (Борисов), «Русский Афон», церковная археология, Херсонес.

Kalinovskiy V. V. Archbishop Innocent (Borisov) – organizer of the restoration of Orthodox shrines of the Crimea.

The article is devoted to the contribution of the Archbishop of Kherson and Taurida Innocent (Borisov) to the restoration of Orthodox monasteries in the Crimea on the place of pre-existing monasteries. This project by hierarch was called «Russian Athos». It is emphasized that Bishop Innocent in his church administration has paid special attention to the Crimean peninsula. Determined, that already during the first Episcopal visit to Crimea Innocent visited the ruins of medieval temples. It is established that on behalf of the hierarch of the preparatory work for the restoration of sacred sites was conducted by Simferopol cathedral M. K. Rodionov. Documents that contributed to the project «Russian Athos» became petition residents of Simferopol, Bakhchisaray and other neighboring places on the establishment of the monastery in Bakhchisaray Assumption rock, and prepared by Archbishop Innocent «Note for the restoration of the ancient holy sites on the Crimean mountains». They expressed the arguments in favor of the initiative ruler. Determined that the project is supported by close friends of Bishop Innocent – Director of the Office of the Procurator of the Holy Synod K. S. Serbinovich and Governor-General of Novorossia M. S. Vorontsov. After the resolution of the Synod of August 15, 1850 was the grand opening of the Assumption Skit in the rock near Bakhchisaray. The first abbot of the monastery was Archimandrite Polycarp (Radkevych). Further objects of recovery began Kin in Chersoneses and Inkerman. When restoring the observed tendency of the clergy to maintain appearance of antiquities in its original form.

Key words: Archbishop Innocent (Borisov), «Russian Athos», church archeology, Chersoneses.

Подано до друку: 15.05.2013 р.

Раздел III

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

УДК 930.253:069 (477.75)

В. В. АКІМЧЕНКОВ

Севастопольське музейне об'єднання (1928–1940): заснування та діяльність

Розглянуто історію формування та розвитку Севастопольського музейного об'єднання. Охарактеризовано роль цієї установи у розгортанні пам'яткоохоронної справи на території Кримського півострова. Виділено тенденції у сфері музейного будівництва Радянського Союзу у 30-ті роки ХХ століття на прикладі міста Севастополя. Питання що до створення Севастопольського музейного об'єднання обговорювалося на рівні республіканських органів влади. Воно внесло суттєвий доробок у налагодження пам'яткоохоронної справи у Південно-Західному Криму. Саме за ініціативи його керівництва було утворено Музей печерних міст. Місцем розміщення музею керівництво СМО обрало Інкерман. Протягом всього 1937 р. працівники новоствореного музею та зібрані матеріали знаходилися при Будинку вчителя у Севастополі. Для облаштування Музею печерних міст Музейному об'єднанню було передано Благовіщенський корпус Інкерманського монастиря. Протягом існування об'єднання до його складу входило сім музеїв: Військово-історичний, Картинна галерея, Музей революції, Херсонський державний історико-археологічний музей (у 1930 році вийшов із Об'єднання), Панорама, Музей печерних міст та Севастопольський музей краєзнавства. З моменту заснування та по травень 1931 року СМО очолював Макар Платонович Михайлов, який згодом обійняв посаду директора Центрального архівного управління Кримської АСРР. З 1928 по 1940 роки на посаді директора Музейного об'єднання перебувало п'ять осіб: М. П. Михайлов, М. Даян, Федоровський, И. Д. Максименко и Д. М. Анкудінов. Створення Севастопольського музейного об'єднання було юридично затверджено РНК Кримської АСРР 1 серпня 1928 року. Згодом розпочався процес адміністративної

та господарської уніфікації музейних установ міста. Але перехід Севастополя на особливе положення наприкінці 30-х років XX ст. призвів до ліквідації Об'єднання.

Ключові слова: Севастопольське музейне об'єднання, Музей печерних міст, Інкерманський монастир, Д. М. Анкудінов.

Тенденції кінця 20-х – 30-х років XX століття у сфері музейної справи у Радянському Союзі мали специфічні риси. Політичний клімат тоталітарної держави визначав хід наукового прогресу, особливо у гуманітарних науках і, тим більше, у музейництві, яке «потребувало» перебудови за соціалістичними принципами. Нескінченні «чистки» серед краєзнавців призводили до незворотних деформацій у науці. Нав'язана схема методології марксизму та інші насильницькі втручання і заборони спричинили надмірну заідеологізованість друкованих праць та звузили спектр наукових досліджень.

За період з 1940 по 2011 роки у вітчизняній історіографії не існувало жодної наукової розвідки, яка була би присвячена Севастопольському музейному об'єднанню (СМО). Певні орієнтири задають лише студії професора А. А. Непомнящого, де розглянуто панораму розвитку кримознавства у 20-ті – 30-ті роки XX століття [1], а також атмосферу музейної справи у той час [2]. Тому саме архівні матеріали та музейні фонди слугують основою при розгляді поставленої проблеми.

Протягом існування СМО до його складу входило сім музеїв: Військово-історичний (створено на основі Музею оборони Севастополя), Державний Херсонеський історико-археологічний музей¹, Музей революції (утворений 10 червня 1928 р.), Картинна галерея (створена у 1927 р.), Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 рр.», Севастопольський музей краєзнавства* та Музей печерних міст.

¹ За свідченням О. І. Полканова Херсонеський музей входив до складу СМО лише декілька років, а зрештою став самостійним та знаходився під керівництвом Головної науки НКП РРФСР. Див.: Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму / А. И. Полканов // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – 1931. – Т. 4 : к 10-летию власти Советов в Крыму. – С. 93–123.

*Щодо входження СМК до складу СМО в джерелах існують певні розбіжності. Так, науковий співробітник Херсонеського музею Г. Д. Белов зазначав, що Музей краєзнавства організаційно не підпорядковувався Об'єднанню (Див.: Архів Міжшкільного краєзнавчого музею м. Севастополя, ф. СМК, ін. 137, № 62, [Лист Г. Д. Белова від 20 квітня 1975 р.], 2 арк.) Але СМК не був класичною музейною установою. Це була спілка ентузіастів-краєзнавців, яка на громадських засадах створила музей та не підпорядковувалася ні місцевим, ні державним органам влади. Його директор – Павло Бабенчиков у другій половині 30-х років XX століття прийняв рішення передати усі

Питання щодо створення Севастопольського музейного об'єднання обговорювалося на рівні республіканських органів влади. 29 липня 1927 року колегія Народного комісаріату освіти Кримської АСРР своєю постановою утворило Музейне об'єднання у Севастополі. В свою чергу Головне управління науковими, науково-художніми та музейними установами (Головна наука) Наркомосу РРФСР підготувало свій висновок, де йшлося про доцільність створення подібної установи. Вважалося за необхідне об'єднати музеї міста, окрім Херсонесу, у цілях раціоналізації їх діяльності. Також було запропоновано створити при Музеї краєзнавства та Картинній галереї самостійні наукові ради та загальну раду для Військово-історичного музею та Панорами, реорганізувавши Картинну галерею в окремий Художній музей [3].

Зрештою це питання було винесено на розгляд Ради Народних Комісарів Кримської АСРР. 1 серпня 1928 року з доповіддю виступив народний комісар освіти Криму Мамут Муратович Недим. Він наполягав на створенні Об'єднання, адже це входило у плани Кримського Наркомосу, оскільки таким чином було знайдено механізм залагодження наукової та культурно-просвітньої діяльності низки міських музеїв.

Зазначимо, що керівництво Кримської республіки давно бажало «упередити небажаний паралелізм у роботі окремих установ»*, кількість яких невпинно зростала [4]. Так було вирішено й питання стосовно координації господарської та організаційної роботи, скорочені видатку на утримання керівного сектору кожного музею. При цьому жоден із музеїв не втратив своєї автономії у сфері наукової діяльності. Наприкінці серпня 1928 року була розпочата ревізія та облік майна Об'єднання. Її матеріали свідчать про незадовільний стан музейної мережі міста, яка потребувала негайного реформування [24].

Музейне об'єднання внесло суттєвий доробок у налагодження пам'яткоохоронної справи у Південно-Західному Криму. Саме за ініціативи його керівництва було засновано Музей печерних міст. 19 жовт-

---

зібрані матеріали до Об'єднання, які й розмістили при Військово-історичному музеї. У свою чергу за SMK залишили деякі неофіційні та юридично не закріплені права.

*Так, 13 грудня 1929 року під час чергової наради музейних робітників Кримської АСРР, О. І. Полканов заявив, що археологічна робота у Севастопольським районі повинна проводитися Державним Херсонеським історико-археологічним музеєм а не Музеєм краєзнавства. На цю репліку відреагував директор Музею краєзнавства П. П. Бабенчиков, який зазначив, що «самостійну археологічну роботу музей не веде, але пам'ятки нав'язуються самі». (Див.: НЗХТ, науковий архів, спр. 466, арк. 56–59).

ня 1937 року Рада Народник Комісарів Кримської АСРР проголосила «територію, зайняту печерними містами: Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Киз-Куле, Качі-Кальон, Сюрень, Мангуп-Кале, Ескі-Кермен, північну частину плато Топшану, печерні комплекси: Донатор, Шулдан, Чилтер, Бакла, Інкерман та у обриві скелі Монастирській по лівому узбережжю Чорної річки, у скелі, на початку Советської балки, плато Уч-Баш – передати у склад нового музею, проголосив цю територію державним заповідником» [5]. Однак цій події передувала наполеглива праця керівництва Севастопольського музейного об'єднання за право створення подібної установи.

Так, 10 травня 1937 р. на засіданні Севастопольської міськради з доповіддю про необхідність та своєчасність створення МПГ виступив директор СМО Д. М. Анкудінов. Негайне вирішення цього питання було визнане за необхідність, адже незрозумілим залишався статус цілої групи пам'яток історії, археології та культури. У результаті ця ініціатива була підтримана міськрадою.

Місцем розміщення нового музею керівництво СМО обрало Інкерман. Про це Д. М. Анкудінов доповів на засіданні міськради. Також назріло питання про встановлення точних кордонів «печерних міст», з цього питання до Криму було направлено землеміра Химинського [6], й передачі до музею усіх раніше вивезених артефактів з цих пам'яток [7]. Ініціатива створення Музею печерних міст була підтримана як урядовими органами республіки, так й науковими установами країни [8]. У листі народного комісаріату просвіти Кримської АСРР йшлося про те, що «зростає попит на лекції історичного змісту, на екскурсії історичними місцями <...>. Роботи у Криму цілої групи експедицій та авторитетних наукових установ зібрали багато цікавих та цінних історичних матеріалів з питання вивчення печерних міст. Але, все знайдене знаходиться у сховищах Академії наук або у запасних фондах деяких великих центральних музеїв» [9]. 21 липня 1936 року Державна академія історії матеріальної культури надіслала до Раднаркому Криму прохання закріпити за музеєм територію «печерних міст» та підтримала клопотання СМО щодо цього питання. Деякі вчені-кримознавці також продемонстрували наміри допомогти у створенні музею своїми знаннями та досвідом, оскільки це був «перший досвід у світовому масштабі будівництва музею безпосередньо на місці» [10]. Вагомий внесок у формування та розбудову Музею печерних міст вніс спадковий доглядач фортеці Кирк-Єр (Чуфут-Кале) – Яків Абрамович Дубинський (1895–1958) [11].

Протягом всього 1937 р. працівники новоствореного музею та зібрані матеріали знаходилися при Будинку вчителя у Севастополі [29]. Для облаштування Музею печерних міст Музейному об'єднанню було передано Благовіщенський корпус Інкерманського монастиря. Ліквідація церкви там відбулася ще 20 травня 1926 р. згідно з постановою КримЦВК з огляду на те, що «відсутні бажані які би використовували її у культових цілях» [12]. Тому саме к моменту створення музею тут мешкали робітники різноманітних севастопольських підприємств: Севгресу, Жилдору, Бензоскладстрою та ін., яких планувалося переселити до іншого приміщення. На організацію МПГ офіційно було обіцяно 50 тис. рублів [9]. Але до 29 липня 1937 р. вдалося отримати лише 25 тис. рублів, що спричинило певні труднощі у питанні своєчасного закінчення усіх робіт [13]. Керівництву СМО було дане завдання до 1 січня 1938 р. привести в належний стан приміщення, а до 1 травня 1938 р. відкрити у ньому музей. Незважаючи на підтримку як зі сторони РНК Криму, так й Севастопольської міськради – багато питань залишалося невирішеними. У лютому 1938 р. приміщення Благовіщенського корпусу не було остаточно передано СМО, а в його приміщеннях мешкало 14 родин робітників місцевих підприємств. Зважаючи на такі обставини керівництво Музейного об'єднання звернулося до міськради з проханням передати для нового музею приміщення мечеті в Інкермані, на що отримало відмову, адже вона використовувалася в якості гуртожитку [14].

20 жовтня 1937 р. до Кримської АСРР приїхала інспектор Музейного відділу Наркомпросу РРФСР К. А. Врочинська, яка здійснила обстеження кримських музеїв, у тому числі – Музею печерних міст, шляхом участі у двох засіданнях Музейного об'єднання. Перше – було присвячено доповіді начальника експедиції археологічних розкопок, друге – встановленню профіля музею, п'ятирічному плану його організації та розвитку. Також було вирішено питання й про створення бібліотеки музею, до збірки останньої передали дублікатні екземпляри з бібліотеки Севастопольського музею краєзнавства, який у цей час не мав власного приміщення та знаходився при Військово-історичному музеї [15].

Затягування у формуванні музею мало негативний вплив на стан історичних пам'яток регіону. Наприкінці 1938 р. голова міської ради Бахчисараю направив до Раднаркому Кримської АСРР листа, у якому зазначав, що у самому місті та на його околицях існує низка пам'яток, які знаходяться у віданні Музейного об'єднання та Наркомосу Кримсь-

кої республіки. Становище цих об'єктів, за його словами, було незадовільним: деякі фонтани було зруйновано, а окремі дюрбе знаходилися у напівзруйнованому стані [16]. У якості додатку до листа директором Державного бахчисарайського палацу-музею тюрксько-татарської культури був складений перелік історичних пам'яток, які потребували негайної допомоги.

Було виокремлено 15 об'єктів: кімната XVIII ст. (у провулку Міліцейському, 16) з елементами дерев'яного декору та арабським розписом, яка використовувалася як підсобне приміщення; діючий мармуровий фонтан XVIII ст. з орнаментом (у провулку Міліцейському, 17); недіючий фонтан XVIII ст. зі штучного каменю та орнаментом на території приватного будинку (у провулку Міліцейському, 10); фонтан Сирлик-Чешме XVIII ст. з орнаментом; лазня Сари-Гузель з написом XVI ст. у напівзруйнованому стані (по вулиці Чурук-Су, 147); Ескі-Дюрбе XIV–XV ст. з орнаментом та написом, купол якої потребував ремонту; дюрбе Діляри-Бікеч та Єшіль-Джамі XVIII ст.; дюрбе № 1 (XV ст.), № 2 та № 3 Ахмет-Бєя та хана Мухамет-Гірея XVI ст. (у поселенні Азіз); дюрбе Хаджі-Менглі-Гірея XVI ст. з орнаментом (у поселенні Салачик); кладовище Кири Азизлер XIV–XV ст., яке потребувало відновлення, та Успенський монастир XV ст. Але слід зазначити, що поганий стан цих пам'яток було задокументовано ще наприкінці 20-х років XX століття під час їх обстеження У. А. Боданинським та Б. М. Засипкіним [17].

Ситуація навколо музею ставала нестерпною, у її вирішення довелось втрутитися НКП РРФСР та особисто наркому освіти Н. К. Крупській. Саме через це здійнявся гучний скандал між органами влади Кримської АСРР та науково-просвітніми установами Севастополя. До Президії Верховної Ради Кримської АСРР Наркомосом було надіслано лист про стан севастопольських наукових та музейних установ. Йшлося про нецільове використання мечеті в Інкермані, про боротьбу місцевого архіву та майстерень за право володіти польським костелом й про незадовільний стан Петропавловської церкви. Жодна з інстанцій не бажала йти на поступки.

Таким чином, хоча офіційною датою створення Музею печерних міст вважається 19 жовтня 1937 року, але справжня систематична робота з археологічного вивчення та охорони ввірених йому пам'яток історії, співробітниками цієї установи, була розпочата лише на початку літа 1938 року, про що свідчать численні газетні статті місцевої преси [18]. У грудні 1938 р. Музей печерних міст підготував 420 фотознімків

археологічних розкопок печерного міста Мангуп-Кале, які було зроблено улітку 1937 р. Ці фотографії було відправлено до Державного Історичного музею у Москву [19].

Саме у 30-ті роки ХХ століття тенденції у сфері музейного будівництва набувають соціалістичного забарвлення. Всі установи цього типу було побудовано за марксистсько-ленінською ідеологією й поступово «удосконалювались» та реформувались згідно з ідейною структурою «Краткого курсу історії ВКП(б)» Йосипа Сталіна. У цей час доводиться до життя соціалістична методологія побудови музеїв, основи котрої опрацьовувались ще наприкінці 20-х років ХХ століття. Постановою Президії Всесоюзного Центрального виконавчого комітету «Про стан та завдання музейного будівництва в автономних радянських соціалістичних республіках та автономних областях» від 20 серпня 1933 р. було вирішено, що «музеї національних республік та областей, котрі повинні бути одним із опірних пунктів марксистсько-ленінського виховання та технічною базою пропаганди серед широких мас – в дійсності, ані за характером, ані за якістю своїх експонатів, не відповідають своєму призначенню», тому їх слід привести до належного стану [20].

У цей час Музейне об'єднання розширило свої заходи щодо збереження історичної пам'яті та популяризації культурного надбання Севастополя. Серед загального корпусу радянської кримознавчої спадщини чітко виокремлюється численна ланка популярних видань СМО (путівники, описи та поштові картки). Особливої уваги заслуговують роботи наукового співробітника Військово-історичного музею – Володимира Петровича Бабенчикова. Він відігравав значну роль у розвитку популярного пам'яткознавства в Севастополі. Творчий доробок В. П. Бабенчикова становить дві популярні роботи [25], які протягом 20-х – 30-х років ХХ століття витримали понад 20 перевидань, та більш ніж 30 статей у пресі, а кількість його неопублікованих праць – численна. В свою чергу поштові картки з видами Севастополя друкувались Об'єднанням в деяких випадках самостійно, а деколи з залученням Кримського державного видавництва [26].

Перехід Севастополя на режимне положення суттєво вплинув на діяльність установ міста та життя населення. Скоротилась кількість відвідувачів музеїв, коштів не вистачало, тому довелося перейти на утримання із місцевого бюджету, хоча до цього Об'єднання обходилося без дотацій з боку фінансових органів [23]. У грудні 1939 року була проведена стороння інвентаризація майна Музейного об'єднання, під час якої було виявлено експонати, які не перебували на обліку. В цей же

час заступник наркома освіти Кримської АСРР – т. Акімов підготував доповідного листа «Про стан і завдання музейного будівництва Криму», у якому наполягав на реорганізації Музейного об'єднання, яке «фактично треба ліквідувати як надбудову і виділити музеї у самостійні <...> тим паче, що все це диктується умовами режиму міста Севастополя» [21]. Це питання було винесено на розгляд Ради Народних Комісарів Криму, яка 28 листопада 1939 року прийняла постанову про ліквідацію СМО [27]. 13 лютого 1940 року було складено «Акт ліквідації Севастопольського музейного об'єднання» [22]. До ліквідаційної комісії увійшли: Д. М. Анкудінов (директор СМО), т. Кольченко (голова Севастопольського міськвідділу народної освіти) та В. М. Молотов (представник Наркомосу). На базі Об'єднання було утворено: Музей Кримської війни, Музей революції та Музей печерних міст [23]. Також вирішили, «в силу причин, пов'язаних з режимом [міста Севастополя]», перевести Музей печерних міст до Бахчисараю, де «він буде доступний робітникам» [21]. Музей печерних міст отримав від СМО усі державні акти на земельні ділянки «печерних міст» [28].

Севастопольське музейне об'єднання – це явище, аналогів якому з подібної організації роботи музеїв не існувало. За дванадцять років свого існування воно суттєво вплинуло на розгортання науково-дослідної справи у Південно-Західній частині Кримського півострова. Саме завдяки завзяттю та наполегливості керівництва СМО було сформовано Музей печерних міст, який став центром систематичного вивчення «печерних міст» та низки інших археологічних пам'яток. Але громадсько-політичні зміни у Радянському Союзі мали суттєвий вплив на усі сфери життя. Тому з переходом Севастополя на режимне положення змінився й звичний стан речей у місті. Це був перший з факторів, які призвели до ліквідації Музейного об'єднання. Саме в цей час зійшла нанівець активність місцевого краєзнавчого осередку. Про створення чогось якісно нового не могло бути і мови.

Джерела та література

1. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий ; Центр памятникосведения НАН Украины. – К. : Стило, 2012. – 464 с. – (Серия : «Библиография крымоведения» ; вып. 15).
2. Непомнящий А. А. К истории погрома 1937–1938 годов в крымских музеях / А. А. Непомнящий // Музеи XXI века : новые реалии, новые подходы, новые возможности : сб. матер. Респ. науч. конф. / Мин. культуры АР Крым. – Симферополь, 2013. – С. 188–207.

3. Державний архів у Автономній Республіці Крим (ДААРК), ф. Р-652, оп. 1, спр. 1393, арк. 61.
4. Там же, арк. 59.
5. Там же, оп. 10, спр. 59, арк. 33.
6. Пещерные города-заповедники // Маяк Коммуны. – 1938. – 27 февр. – С. 4.
7. ДААРК, ф. Р-652, оп. 10, спр. 36, арк. 102.
8. Там же, оп. 11, спр. 384, арк. 4.
9. Там же, оп. 10, спр. 58, арк. 59 зв.
10. Бабенчиков [В. П.] Единственный в мире музей пещерных городов / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1936. – 26 июля. – С. 3.
11. Яків Абрамович Дубинський (20 січня 1895, Феодосія – 1958) – спадковий доглядач фортеці Кирк-Єр, один із засновників Музею печерних міст, 30 років присвятив археології Криму. Вніс суттєвий доробок у збереження та вивчення культурної спадщини караїмів. З 1918 р. газзан (настоятель) кенаси у Чуфук-Кале. З 1928 р. здійснював розвідки та розкопки у південно-західному нагір'ї Криму. 1936 р. почав працювати у Севастопольському музейному об'єднанні. Приймав участь у розкопках Державної академії історії матеріальної культури на Ескі-Кермені у 1937 р. та на Мангупі у 1938 р. (Див. докладніше : Я. А. Дубинский : [некролог] // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 283 ; Полканова Т. А. Основатель Музея пещерных городов : памяти Я. А. Дубинского / Т. А. Полканова // Крымские караимы : происхождение, этнокультура, история / Ассоциация «Крымкарайлар». – Симферополь : Доля, 2005. – 160 с.
12. Терещук Н. М. Взаимоотношения Инкерманского монастыря Св. Климента и местных органов власти в 1920-е гг. по документам церковного стола / И. М. Терещук // Херсонес – город Святого Климента : тез. докл. и сообщ. VI Межд. конф. по церковной археологии / Нац. заповед. «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2011. – С. 38–39.
13. ДААРК, ф. Р-652, оп. 10, спр. 141, арк. 153.
14. Там же, оп. 15, спр. 12, арк. 2.
15. Див. докладніше : Акимченков В. В. «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского, Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 17).
16. ДААРК, ф. Р-652, оп. 15, спр. 12, арк. 51.
17. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследование и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк ; под ред. А. А. Непомнящего ; вступ. ст. Н. О. Гриненко ; комм. Н. В. Кармазиной и др. – Симферополь : СГТ, 2008. – 240 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 11).
18. Див. докладніше : Акимченков В. В. З історії археологічного музейництва Криму у 20-ті – 30-ті роки ХХ століття : за матеріалами газети «Маяк Коммуны» / В. В. Акимченков // Краєзнавство. – 2012. – № 1. – С. 111–118.
19. Фотоснимки с раскопок в Мангуп-Кале // Маяк Коммуны. – 1938. – 12 дек. – С. 4.
20. О состоянии и заданиях музейного строительства в АССР и АО // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. – 1933. – № 18. – С. 3.

21. ДААРК, ф. Р-652, оп. 15, спр. 66, арк. 177.
22. Див. опублікований текст джерела: Акимченков В. В. Документы местных архивов как источник по истории музейного дела : на примере Государственного архива в Автономной Республике Крым / В. В. Акимченков // Сіверщина в історії України : зб. наук. праць / Нац. заповід. «Глухів», Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШК. – К. ; Глухів, 2011. – Вип. 4. – С. 46–48.
23. ДААРК, ф. Р-20, оп. 10, спр. 131, арк. 34 зв.
24. Державний архів міста Севастополя, ф. Р-518, оп. 1, спр. 13, арк. 58.
25. Бабенчиков В. П. Панорама штурма 6-го июня 1855 г. : путеводитель по картине / В. П. Бабенчиков. – [1-е – 12-е изд.]. – Севастополь, [1927–1938]. – 19 с. ; Он же. Панорама обороны Севастополя : штурм 6 июня 1855 г. / В. П. Бабенчиков ; Севастопольское музейное объединение. – Севастополь : Гос. Изд-во Крымской АССР, 1939. – 13-е изд. – 32 с. ; Он же. Описание войны в Севастополе (1854 – 1855) / В. П. Бабенчиков ; Гос. Военно-исторический музей. – [1-е – 4-е изд.]. – Севастополь, [1928–1930]. – 38 с.
26. Севастополь : пристань III-го Интернационала : [почтовая карточка] / изд. Крымгосиздата и Севастопольского музейного объединения. – Севастополь, [после 1930 г.] ; № 22 : Севастополь : санаторий им. Сталина : [почтовая карточка] / изд. Севастопольского музейного объединения. – Севастополь, [после 1928 г.]
27. ДААРК, ф. Р-652, оп. 15, спр. 66, арк. 2 зв.
28. Там же, ф. Р-20, оп. 10, спр. 131, арк. 70.
29. Там же, ф. П-35, оп. 1, спр. 153, арк. 21.

Акимченков В. В. Севастопольское музейное объединение (1928–1940): создание и деятельность.

Восстановлена история формирования и развития Севастопольского музейного объединения. Охарактеризована роль этой организации в развертывании памятникоохранительной деятельности на территории Крымского полуострова. Выделены тенденции в сфере музейного строительства Советского Союза в 30-е годы XX века на примере города Севастополя. Вопрос относительно создания Севастопольского музейного объединения обсуждался на уровне республиканских органов власти. Оно внесло существенный вклад в изучение памятников Юго-Западного Крыма. Благодаря инициативе его руководства был создан Музей пещерных городов. Местом расположения для музея был выбран Инкерман. На протяжении всей истории существования СМО в его состав входило семь музеев: Военно-исторический музей, Картинная галерея, Музей революции, Херсонесский государственный историко-археологический музей (в 1930 году вышел из Объединения), Панорама обороны Севастополя, Музей пещерных городов и Севастопольский музей краеведения. С момента создания и по май 1931 года СМО возглавлял Макар Платонович Михайлов, впоследствии ставший директором Центрального архивного управления Крымской АССР. Всего же с 1928 по 1940 годы на посту директора сменилось пять человек: М. П. Михайлов, М. Даян, Федоровский, И. Д. Максименко и Д. М. Анкудинов. Создание Севастопольского музейного объединения было юридически ут-

верждено СНК Крымской АССР 1 августа 1928 года. Затем начался процесс административной и хозяйственной унификации музейных учреждений города. Однако переход города на режимное положение в конце 30-х годов XX века привел к ликвидации Объединения.

Ключевые слова: Севастопольское музейное объединение, Музей пещерных городов, Инкерманский монастырь, Д. М. Анкудинов.

Akimchenov V. V. Sevastopol museum association (1928-1940): creation and activity.

Article is devoted to history of formation and development of the Sevastopol museum association. The role of this organization in expansion of pamyatnikookhranitelny activity in the territory of the Crimean peninsula is characterized. It is allocated tendencies to the sphere of museum construction of the Soviet Union in the 30th years of the XX century on the example of the city of Sevastopol. The question concerning creation of the Sevastopol museum association was discussed at the level of republican authorities. It made an essential contribution in studying a monument of the South Western Crimea. Thanks to an initiative of its management the Museum of the cave cities was created. The location for a museum chose Inkerman. Throughout all history of existence of SMO its structure included seven museums: Military and historical museum, Art gallery, revolution Museum, Hersonessky state historical and archaeological museum (in 1930 I left Association), the Panorama, the Museum of the cave cities and the Sevastopol museum of study of local lore. From the moment of creation and till May, 1931 of SMO Makar Platonovich Mikhaylov who subsequently has become the director of the Central archival management of the Crimean ASSR headed. From only 1928 to 1940 on a post of the director five people were replaced: M. P. Mikhaylov, M. Dayan, Fedorovsky, I.D. Maksimenko and D. M. Ankudinov. Thus, creation of the Sevastopol museum association was legally approved by SNK of the Crimean ASSR on August 1, 1928. Then process of administrative and economic unification of museum city institutions began. However transition of the city to regime situation in the late thirties of the XX century led to Association elimination.

Key words: Sevastopol museum association, Museum of the cave cities, Inkermansky monastery, D. M. Ankudinov.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 94(47+57)''192'':069.5(44)

М. А. ХОЛОНІНА**К истории подготовки СССР
ко Всемирной парижской выставке 1925 года**

Рассмотрен период подготовки СССР и Крымской АССР к Международной художественно-промышленной выставке в Париже 1925 г. Предложена общая картина советского павильона, состава его экспозиции. Экспонаты, представленные на этом мероприятии, давали широкое представление об архитектуре, театрально-декоративном искусстве и графике в период Новой экономической политики. Раскрывается роль Константина Степановича Мельникова, которому было поручено выполнение проекта павильона в целом, а также значение рабочего клуба, выполненного Александром Михайловичем Родченко. Изба-читальня была сконструирована под руководством Антона Михайловича Лавинского и Сергея Егоровича Чернышева. Особое внимание обращается на подготовку со стороны Крымской АССР. Крым на данной выставке был представлен тремя из семи отделов в павильоне СССР. В научный оборот вводятся архивные материалы из Государственного Архива в Автономной Республике Крым. Проанализирована деятельность известного крымскотатарского археолога и этнографа Усеина Боданинского. Он провел большую работу по сбору и подготовке экспонатов к выставке в Бахчисарае, где в то время он был директором музея. Кроме Бахчисарайского дворца-музея экспонаты на выставку готовили Евпаторийский краеведческий музей и Центральный музей Тавриды. На основе представленных крымскими музеями экспонатов можно было получить представление о традиционных ремеслах крымских татар, их быте.

Ключевые слова: Международная художественно-промышленная выставка в Париже, Крым, У. А. Боданинский.

Установление дипломатических отношений СССР с Францией произошло на 1924 год, когда, наконец, французская сторона признала Республику Советов [1]. Инициатором налаживания художественных связей между СССР и Францией выступает Народный комиссариат просвещения и его народный комиссар А. В. Луначарский. Художественные связи между странами развивались с помощью Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и Государственной академией художественных наук. В период с апреля по октябрь 1925 года в Париже состоялась Международная художественно-промышленная выставка, на которой были представлены работы из области современного декоративного искусства, архитектуры и дизайна многих стран мира. Выставка дала имя течению арт-деко в декоративном искусстве первой

половины XX века. Участие в этом мероприятии СССР было одним из первых действий в сфере культурного обмена между двумя странами.

Экспонаты выставки давали широкое представление о советской архитектуре, театрально-декоративном искусстве, фарфоре и особенно графике [2]. Приглашение советской стороне было сделано лишь в ноябре – за полгода до открытия мероприятия. Совнарком дал согласие и смог выделить на участие только 70 тыс. рублей.

Павильоны СССР заняли шестую часть всей территории выставки, то есть больше, чем другие страны. Вскоре сообщали, что многие экспонаты с мест получены и уже направлены во Францию. В их числе керамика, ткани, графика из УССР, вышивки из БССР [3].

Подготовка советского раздела выставки проходила в предельно сжатые сроки. 18 ноября 1924 года Выставочный комитет Советского отдела объявил закрытый конкурс на проект павильона СССР, в котором приняли участие архитекторы братья Веснины, Моисей Яковлевич Гинзбург, Илья Александрович Голосов, Николай Васильевич Докучаев, Владимир Фёдорович Кринский, Николай Александрович Ладовский, Константин Степанович Мельников, Иван Александрович Фомин и группа выпускников Высших художественно-технических мастерских. Партия требовала от претендентов, чтобы советский павильон «был спроектирован в духе чисто современной архитектуры, а идеологически отражал идею СССР как рабоче-крестьянского трудового государства и как братского союза отдельных народностей» [4].

28 декабря жюри под председательством Анатолия Васильевича Луначарского (при участии Владимира Владимировича Маяковского), рассмотрев все представленные на конкурс проекты, признало проект К. С. Мельникова лучшим и поручило ему выполнение его в натуре. Вторую и третью премии конкурса получили Н. А. Ладовский и М. Я. Гинзбург.

В середине января 1925 года К. С. Мельников выехал в Париж для строительства павильона СССР, где для него было отведено место на Елисейских полях между Великобританией и Италией [5].

Павильон представлял собой легкую каркасную деревянную постройку, большая часть площади его наружных стен была остеклена. Необычной была его объемная композиция – прямоугольное в плане, двухэтажное, почти целиком остекленное здание на легком деревянном каркасе пронзалось по диагонали широкой открытой лестницей, ведущей в помещения второго этажа. Сверху все было перекрыто наклонными пересекающимися плитами, по которым шли начертанные

А. М. Родченко агитационные надписи. Такое решение объема здания позволяло пропускать большое количество посетителей и регулировать их доступ в залы. Это был павильон-витрина, павильон-стенд, который можно быстро и свободно осмотреть [6].

Принципы экспонирования были следующими: открытая обзорность, монтаж экспонатов на типовых панно с выразительным использованием различных комбинаций красного, черного, серого и белого цветов в соответствии с профилем секции (архитектуры, полиграфии и книг, текстиля и пр); показ предметов в окружающей их среде; натурно – объемная демонстрация в открытых и застекленных витринах и на специальных стендах [7].

Рабочий клуб Александра Михайловича Родченко – новый тип общественного интерьера, предназначенный для занятий и отдыха, был представлен в виде самостоятельного ансамбля в натуральную величину. Сравнительно компактный интерьер включал в себя: читальню со всей необходимой мебелировкой, уголок В. И. Ленина, специальную установку для собраний и митингов (трибуна, место для председателя, раздвижная стенка-экран) [8].

Экспериментальная среда обитания, придуманная Александром Родченко, была создана с мыслью об общественной пользе и экономичности. Она в полной мере иллюстрировала позицию советского конструктивизма.

Интерьер избы-читальни был разработан Яковом Александровичем Тугендхольдом и А. Вольтером и оборудован в Париже архитектором А. Поляковым, художниками Д. Штеренбергом и А. Дурново [9]. Проект избы-читальни, как и проект оборудования рабочего клуба, был выполнен на деревообделочном факультете Высших технических мастерских под руководством Антона Михайловича Лавинского и Сергея Егоровича Чернышева. В отличие от рабочего клуба, изба-читальня и все ее оборудование были представлены не в чертежах, а в макетах, причем макет был электрифицирован. Изба-читальня, рассчитанная на 250 человек, имела оборудованные отдельные «уголки»: Ленинский, сельскохозяйственный, женский, молодежный, военный, пионерский, радиолобительский и др. Мебель для избы-читальни разрабатывалась с учетом ее возможного использования и во время обычных клубных занятий, и во время митингов и собраний [10].

Таким образом, экспозиция советского отдела Выставки стала наглядной демонстрацией принципов нового направления в формообра-

зовании, новой эстетики, рожденных в Советской России 20-х годов XX века.

К. С. Мельникову за архитектуру жюри присудило диплом первого класса. В русской экспозиции были отделы национальных ансамблей, Госиздата, архитектуры, афиш и графики, кустарей, фарфора, театра.

Текстиль и театральные эскизы, оформление книг и изделия народных промыслов, фотографии и денежные знаки – эти, казалось бы, обычные вещи, были отмечены неповторимой новизной оптимизма [11].

Крымская АССР на данной выставке была представлен тремя отделами из семи разделов в павильоне СССР.

22 декабря 1924 года на заседании коллегии Народного комиссариата просвещения Крымской АССР слушался вопрос «Об участии в международной выставке художественной промышленности». Постановили: «Признать необходимым возможно широкое участие Крымской АССР в организованной в Париже Международной выставке художественной промышленности. Просить Крымский Совет Народных Комиссаров о создании специальной комиссии для детальной разработки данного вопроса и проведении его в жизнь и о введении в распоряжение означенной Комиссии необходимых средств» [12]. 31 декабря 1924 года в коллегию крымского Народного комиссариата просвещения поступило письмо, в котором председатель Совета Народных Комиссаров предлагал представить проект организации комиссии по разработке вопроса об участии на выставке в Париже в апреле 1925 года [13].

Согласно выписке из протокола № 6 Президиума Совета Народных Комиссаров от 7 января 1925 года было решено: «Признать участие Крыма в Парижской выставке желательным. Организовать комитет в составе представителей Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, Народного комиссариата просвещения, Крымского областного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, рабоче-крестьянской инспекции, Центрального совета народного хозяйства, Народного комиссариата земледелия, кооперации, Банковского объединения, Госторга, Кустсоюза. В исполнительном бюро выделить от Совета Народных Комиссаров в качестве председателя товарища Дерен-Айерлы. Заместитель товарищ Богданов. Просить Крымский Центральный Исполнительный Комитет выделить своего представителя. Предложить Народному комиссариату просвещения, Крымскому областному комитету по делам музеев и охраны памятников искусства, рабоче-крестьянской инспекции, Центральному совету

народного хозяйства, Народному комиссариату земледелия, кооперации, Банковскому объединению выделить своих представителей в особый комитет и сообщить фамилии выделенных товарищей. Поручить Народному комиссариату просвещения обратиться в Выставочный комитет с ходатайством об отпуске необходимых сумм на перевозку экспонатов» [14].

Согласно отношению № 2984 от 15 января 1925 г. «Во исполнение данного постановления Президиума Совета Народных Комиссаров Крыма от 7 января (протокол № 6), управление делами сообщало, что 19 января 1925 г. в 5 часов вечера в помещении Совета Народных Комиссаров состоится заседание Выставочного комитета по участию Крымской АССР в Парижской международной художественно-промышленной выставке в 1925 г., на какое заседание необходимо явиться всем представителям, поименованным в упомянутом постановлении Совета Народных Комиссаров» [15]. В ответе на это отношение административно-финансовое управление Народного комиссариата земледелия сообщало, что представителем в Выставочный комитет по участию Крымской АССР в Парижской международной художественно-промышленной выставке в 1925 г. от Народного комиссариата земледелия назначен Алексей Александрович Засядько, которому объявлено о явке его на заседание Комитета к 5 часам 19 января 1925 г. в помещении Совета Народных Комиссаров [16].

Для сбора материалов организовывался особый комитет представителей Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, Народного комиссариата просвещения, Крымского областного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, рабоче-крестьянской инспекции, Центрального совета народного хозяйства, Народного комиссариата земледелия, кооперации, Банковского объединения, Госторга, Кустарного союза, который должен выделить Исполнительное Бюро в составе Совета Народных Комиссаров, Крымского областного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, Центрального совета народного хозяйства, Народного комиссариата земледелия, Кустарного союза. Была отправлена заявка о закреплении за Крымом места на выставке и о предоставлении средств на доставку экспонатов. В связи с этим была разработана предварительная смета расходов Крыма в Международной художественно-промышленной выставке в Париже весной 1925 г. [17]. Экспонаты на выставку готовили Государственный дворец-музей тюрко-татарской

культуры в Бахчисарае и Евпаторийский краеведческий музей, Центральный музей Тавриды.

В Бахчисарае большую работу по сбору и подготовке экспонатов к выставке провел директор музея У. А. Боданинский. Этот деятель нам известен как художник, искусствовед, этнограф, историк. Он родился в д. Баданы Симферопольского уезда в семье преподавателя Симферопольского народного татарского училища. Образование Усеин получил в народной школе, Симферопольской школе татарских учителей, Московском Строгановском художественно-промышленном училище. Получив специальность художника-декоратора, продолжил свое образование в Париже. В 1907 г. он возвращается в Москву, где руководит художественно-промышленной школой филиала Строгановского училища, а затем преподаёт там же рисование и становится заведующим учебной мастерской. В 1911 г. У. А. Боданинского пригласили в Петербург, где он в течение шести лет работал художником-декоратором, выполняя эскизы интерьеров в ряде художественных конкурсов, завоевывая призовые места.

В 1916 г. Усеин переехал в Крым, где возглавил Бахчисарайский отдел Петроградского общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Под его руководством основан Художественно-исторический музей при Бахчисарайском дворце. С этого времени его целью стало изучение истории, археологии, этнографии и декоративно-прикладного искусства крымских татар, собирание и хранение памятников материальной культуры своего народа.

С октября 1917 г. он стал заведующим Бахчисарайским Дворцом-музеем – первым крымскотатарским национальным музеем. Благодаря авторитету и энергии У. А. Боданинского, Бахчисарайский музей стал крупнейшим в Крыму.

С начала 20-х гг. XX в. У. А. Боданинский возглавлял Бахчисарайский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы – местное отделение Крымского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы и являлся членом ученого совещания Крымского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы. У. А. Боданинский (с 1924 по 1930 гг.) организовывал, руководил и активно участвовал в археологических и этнографических экспедициях на Кырк-Азизлер, Эски-Юрт, Старый Крым, Чуфут-Кале и др.

Велик вклад У. А. Боданинского в развитие краеведческого движения в Крыму. Директор Государственного Дворца-музея татарской культуры (с 1920 по 1934 гг.), был также членом Центрального бюро краеведения, областного бюро краеведения, руководителем Бахчисарайского отделения Российского общества по изучению Крыма, Бахчисарайского краеведческого кружка. Он был художником-консультантом первых художественных и документальных фильмов из жизни крымских татар «Алим», «Ешиль-Ада». С 1916 г. У. А. Боданинским опубликовано более 20 работ по проблемам истории, археологии и этнографии крымских татар, краеведения и охраны памятников. Ряд его научных работ остаются неопубликованными. В 1934 г. У. А. Боданинского отстраняют от заведования Бахчисарайским музеем. В с 1935 по 1937 гг. он выполняет различные декоративные работы на стройках в Москве и Тбилиси, где его арестовывают по надуманному обвинению в национализме. Усеин был приговорен к высшей мере наказания. Его расстреляли 17 апреля 1938 г. в Симферополе, а место захоронения до сих пор остаётся неизвестно [18].

С просьбой помочь в подготовке к выставке У. А. Боданинский выступил на заседании краеведческого кружка г. Бахчисарая. По его рисункам и образцам, хранящимся в Ханском дворце, крымские ремесленники выполнили часть своих работ. 18 февраля 1925 г. У. А. Боданинский сдал первую партию экспонатов в Крымский выставочный комитет, 24–26 февраля – вторую, а после и третью партию экспонатов. Для оплаты работы кустарей было получено 200 руб. от Главного выставочного комитета и 200 руб. от Крымгосторга.

26 марта Крымский Центральный Исполнительный Комитет вынес постановление о командировке У. А. Боданинского на Парижскую выставку представителем от Крымской АССР. Замещать себя на посту директора музея он назначил Рефата Гаспринского. Сдав экспонаты в Москве, У. А. Боданинский вынужден был вернуться в Бахчисарай. Оказалось, что Министерство иностранных дел Франции отказало ему в визе.

Таким образом, Крым на Международной художественно-промышленной выставке в Париже в 1925 г. принял самое активное участие и получил высокое признание и был представлен крымскотатарскими вышивками и предметами домашнего быта.

Источники и литература

1. Мезенин В. К. Парад всемирных выставок / В. К. Мезенин. – М. : Знание, 1991. – С.106.
2. Яворская Н. В. О художественных связях Парижа и Москвы в 1917–1930 гг. / Н. В. Яворская // Москва–Париж, 1900–1930 : каталог выставки. – М. : Советский художник, 1981. – Т. 1. – С. 34.
3. Там же.
4. Павильон СССР на Международной выставке декоративно-прикладного искусства в Париже. 1925 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.muar.ru/ve/expo/18.htm>.
5. Крапива В. Всемирные выставки: прыжок в двадцатый век. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.odessapassage.com/passage/magazine_details.aspx?id=3510.
6. Яворская Н. В. – Указ. соч.
7. Соколов Б. Искусство народов СССР и советская культура / Б. Соколов // Искусство народов СССР : сб. / Гос. академия художественных наук. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – С. 1–7.
8. Тугендхольд Я. А. К изучению изобразительного искусства СССР / Я. А. Тугендхольд // Искусство народов СССР : сб. / Гос. академия художественных наук. – М., 1927. – Вып. 1. – С. 1–7.
9. Павильон СССР на Международной выставке декоративно-прикладного искусства в Париже. 1925 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.muar.ru/ve/expo/18.htm>.
10. Гинзбург М. Я. Декоративное творчество / М. Я. Гинзбург // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 225.
11. Мезенин В.К. Там же.
12. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 839, л. 12.
13. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 740, л. 7.
14. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 839, л. 12.
15. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 740, л. 7.
16. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 724, л. 5.
17. ГААРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 714, л. 10.
18. Панова З. С. Деятельность Усеина Боданинского в исследовании и пропаганде национальной культуры крымских татар / З. С. Панова // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 113–119.

***Холоніна М. О.* До історії підготовки СРСР до Світової паризької виставки 1925 року**

Розглянуто період підготовки СРСР і Кримської АСПР до Міжнародної художньо-промислової виставки в Парижі в 1925 р. Запропоновано загальну картину радянського павільйону, складу його експозиції. Експонати, репрезентовані на цьому заході, характеризували архітектуру, театральну-декоративне мистецтво і графіку в період Нової економічної політики. Розкривається роль Костянтина Степановича Мельникова, якому було доручено виконання проекту павільйону в цілому. А також значення робочого клубу, виконаного Олександром Михайловичем Родченком.

Хата-читальня була сконструйована під керівництвом Антона Михайловича Лавинського і Сергія Єгоровича Чернишова. Особлива увага звертається на підготовку з боку Кримської АРСР. Крим на даній виставці був поданий трьома із семи відділів в павільйоні СРСР. В науковий обіг вводяться архівні матеріали з Державного Архіву в Автономній Республіці Крим. Коротко описана діяльність відомого кримськотатарського археолога та етнографа Усеїна Боданинського. Він провів велику роботу зі збору і підготовки експонатів на виставці в Бахчисараї, де в той час був директором музею. Крім Бахчисарайського палацу-музею експонати на виставку готували Євпаторійський краєзнавчий музей і Центральний музей Тавриди. На підставі поданих кримськими музеями експонатів можна було отримати уявлення про традиційні ремесла кримських татар, їх побут.

Ключові слова: Міжнародна художньо-промислова виставка в Парижі, Крим, У. А. Боданінський.

Holonina M. A. The History Of Preparation USSR to the Paris World Exhibition of 1925.

The article describes the period of preparation of the USSR and the Crimean Autonomous Soviet socialist Republic to the International artistic-industrial exhibition in Paris (1925). Proposed a General picture of the Soviet pavilion, the composition of its exposition. Exhibits, presented at the event, gave a broad view of the architecture and theatrical-decorative art and graphics in the period of New economic policy. Reveals the role of Konstantin Melnikov, who was entrusted with the execution of the project pavilion in General. And the value in the work of the club performed by Alexander Mikhailovich Rodchenko. Reading peasant house was constructed under the supervision of Anton Mikhailovich Lavinsky and Sergey Egorovich Chernysheva. Special attention is drawn to the training by the Crimean ASSR. Crimea at the exhibition was represented by three of the seven departments in the pavilion of the USSR. In the scientific revolution entered archival materials from the State Archives in the Autonomous Republic of Crimea. Briefly described the activities of the famous Crimean Tatar archeologist and ethnographer U. Bodaninsky. He did a great job of collecting and preparation of exhibits to the exhibition in Bakhchisarai, where he was at that time Director of the Museum. In addition to the Bakhchisaray Palace Museum exhibits prepared Evpatoria Museum of local lore and the Central Museum of Tauris. On the basis of the Crimean museums exhibits you can get an idea of traditional crafts of the Crimean Tatars, their way of life. The study of this problem will help to fill the lost pages of the past.

Key words: International Exhibition of Art and Industry, Paris, Crimea, U. Bodaninsky.

Подано до друку: 15.03.2013 р.

Раздел IV

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 908(477.75) ”18”: 91

С. Н. АВСЕНЁВА

Проблема сохранения памятников Керчи в трудах путешественников конца XVIII – первой половины XIX века

Рассмотрен отдельный аспект охраны памятников древности Крыма на примере г. Керчи. Освещена проблема сохранения историко-художественных памятников Крыма, которая была затронута в заметках путешественников. Записки путешественников являют собой важный исторический источник для изучения истории Крыма в целом и, в частности, города Керчи конца XVIII – первой половины XIX в. Произведен анализ записок российских и иностранных путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – первой половине XIX в. За период после присоединения Керчи в 1774 г. к России и до 30-х гг. XIX в. город, равно как и весь Керченский полуостров, посетило большое количество иностранных и российских путешественников. Среди них были ученые, писатели и просто любители древностей. Особое впечатление на путешественников произвело недостойное отношение горожан и городских властей к памятникам древности, собранным в Керчи и ее окрестностях. Это отмечали и путешественники конца XVIII века, когда здесь не было ни музея, ни более или менее организованного плана раскопок, так и вояжеры первой половины XIX в. – времени, когда начались археологические разыскания на Керченском полуострове. Обилие археологических находок в Керчи и ее округе ставило вопрос о создании местного музея. Первые шаги в деле сохранения древностей были сделаны уже в начале 20-х гг. XIX в.

В 1826 г. был открыт городской историко-археологический музей, что положило начало археологическим изысканиям на керченской земле, которые особенно активизировались после открытия кургана Куль-Оба в 1830 г. Однако должное внимание к городским древностям пробудилось лишь после 1850 г., когда правительством была создана комиссия по исследованию древностей. Деятельность музея, становление археологии Керчи и ее окрестностей, судьбы многочисленных памятников древностей края нашли свое описание в работах каждого вояжера, в частности: М. Гатри, П. И. Сумарокова, Г. де Кастельно, И. М. Муравьева-Апостола, Р. Лайэлла, К. О. де Гелля, Г. Сеймура, П. В. Беккера и других. На основе данных предоставленных путешественниками прослежена эволюция понимания российским обществом необходимости сохранения уникальных частиц прошлого, их сохранения и научного описания в рассматриваемый период.

Ключевые слова: путешественники, Керчь, памятники, музей, раскопки.

Проблема охраны памятников старины в Крыму остается актуальнейшей вот уже на протяжении более двух веков. Истоки ее восходят к концу XVIII в., когда, с присоединением полуострова к России, сюда открылся путь для широкой российской и западноевропейской обществственности, желающей наглядно ознакомиться с далеким прошлым Тавриды, а не черпать знания о ней только из сочинений античных и средневековых писателей. Поначалу число желающих посетить загадочный полуостров было незначительным, однако уже в первой четверти XIX в. путешествия приобретают более широкий размах [1, с. 14; с. 29–39; с. 97–101; с. 206–214; с. 66–74; с. 80–92]. В. В. Измайлов и П. И. Сумароков, странствовавшие по Крыму в начале первого десятилетия XIX в., отмечали, что встретить хоть одного путешественника в Тавриде – большая редкость, а уже в 1820 г. И. М. Муравьев-Апостол утверждал, что их здесь несметное множество и они то и дело попадают друг другу на пути. И что примечательно, не гнушались повернуть себя опасности и отправлялись в увлекательное, полное опасностей турне даже знатные дамы [2, с. 323]. Прежде всего, сюда направились люди образованные, т.к. вторая половина XVIII ст. являла собой эпоху энциклопедизма. В научных кругах тогда бытовала мысль о необходимости накопления большого количества знаний из разных отраслей науки [3, с. 43–50]. В связи с этим и получило развитие направление «ученых путешествий», предпринятых Санкт-Петербургской академией наук с целью всестороннего изучения разных регионов России. Но были и иные формы «исследования» края, когда сюда заезжали различные путешественники со стран Европы, не ставившие себе целью детальное научное изучение края. Их осуществляли разнообразные

авантюристы, устремившиеся на поиски счастья, служилые люди, сопровождавшие или ехавшие по указке начальства, молодые знатные юноши со своими воспитателями и многие другие. Небывалое распространение получил жанр путевых заметок [4, с. 160].

Город Керчь, насчитывающий двадцать шесть веков своей истории, – один из древнейших городов Украины. Трудно представить, сколько событий видела эта многострадальная земля. Здесь были киммерийцы, тавры, греки, скифы, сарматы, половцы, итальянцы, славяне, татары, турки и другие народы, каждый из которых оставил заметный след в истории края и по-разному повлиял на дальнейшую историю города и Крыма в целом. Благоприятный климат, удобное место для гавани, хорошая почва – все это обусловило существование здесь на разных этапах времени множества городов, таких как греческий Пантикапей, византийский Боспор, славянский Корчев, хазарский Карх, итальянский Черкио, турецкий Черзети и, наконец, Керчь. Этот край полуострова никогда не знал покоя, постоянно ощущал на себе тяжести войны, принимал и сменял все новых и новых хозяев и правителей. Одним словом, с первого поселения жизнь здесь не прерывалась никогда.

С начала XIX в. благодаря вниманию государства небольшой город стал стремительно развиваться. Важной датой в развитии города стал 1821 год, когда указом Александра I в нем был учрежден морской торговый порт, что способствовало формированию новой торговой статьи в экономике города, который многие называли маленькой Одессой. Большую роль в поддержке его экономики сыграло учреждение карантинной заставы и таможи. Новые общественные здания, дома и другие постройки украсили внешний облик города [5, с. 186–187]. Край, оставивший более чем заметный след в мировой истории, естественно, не мог не вызывать интерес у путешественников, и они, объединенные любовью к древностям, стремились ознакомиться с ними [6, с. 500–505]. Весьма неприветливое состояние города в конце XVIII в. (война, изгнание турок) практически не повлияло на общее впечатление путешественников, а уж в более позднее время, в начале XIX века, они с удовольствием и большими надеждами смотрели на возрождающийся и полный перспектив город.

Много внимания уделяли путешественники недостойному отношению горожан и городских властей к памятникам древности, собранным в Керчи и ее окрестностях, характерно, что это отмечали и путешественники конца XVIII века, когда здесь не было ни музея, ни более или менее организованного плана раскопок, и вояжеры первой половины

XIX в. – времени, когда начались археологические разыскания на Керченском полуострове. О многочисленных остатках древних памятников, разбросанных повсюду в городе, говорил уже П. С. Паллас – натуралист и путешественник-энциклопедист, посетивший Керчь в 1794 г.: «В крепости были, кроме очень древней греческой церкви, всякого рода развалившиеся постройки, которые уничтожили, взяв нужный материал для постройки казарм. При раскопе фундаментов было найдено много старых могил и других древностей различного рода, скрытых работавшими солдатами, а камни с надписями были ими употреблены в постройки» [7, с. 54].

Недоумевала перед недостойным отношением к этим великолепным памятникам англичанка М. Гутри (Гатри) (1795 г.). Их, как она говорила, пощадили даже средневековые варвары и татарские орды. А современные жители-христиане не гнушаются использовать их в качестве материала для постройки своих жилищ и подсобного материала. Ей не было ясно, «как предметы, достойные выставляться в лучших музеях мира, используются совершенно не по назначению» [8, с. 29]: «Античные мраморные статуи греческих мастеров также были раскопаны в Керчи, а также большой бассейн, отделанный мрамором, в настоящее время использующийся для поения лошадей» [9, с. 172].

Внимание этому в своих записках уделили также писатель, сенатор и член российской академии. П. И. Сумароков (1799, 1802 г.) [10, с. 108], французский барон Г. де Кастельно д'Орос (1810 г.) [11, с. 241], писатель и государственный деятель И. М. Муравьев-Апостол (1820 г.) [12, с. 262], англичанин Р. Лайэлл (1822 г.) [13, с. 376]. Ценные памятники древности, естественно, привлекали людей корыстных, охотников за наживой, которым не было собственно никакого дела до прошлого города, сохранения ее частиц для потомков.

Описание любительских поисков, проводимых без любой фиксации, сопровождавшихся разрушением и порчей памятников, – не редкость на страницах сочинений ранних путешественников. Яркий пример «дилетантских» раскопок мы находим у Е.-Д. Кларка, путешествовавшего по Крыму в 1800 г.: «Этот человек, как и многие другие, был нанят копать возле церкви, и они выкопали гробницу из целого блока, цилиндрической формы, обтесанную как колодец и покрытую мраморной плитой. В этом цилиндре находилось что-то вроде пасты овальной формы, сверху покрытой слоем белого цемента, похожего на известковый раствор. Когда убрали эту верхнюю корку, увидели небольшую терракотовую вазу, о которой я рассказывал. Она была наполнена пеп-

лом и закрыта головой Медузы, сделанной из материала, похожего на первый слой, покрывающий вазу. Усилия, приложенные чтобы тщательно очистить вазу, почти полностью стерли следы многочисленных черных фигур, украшавших ее» [14, с. 16–17]. Уникальные находки, добытые такими «раскопками», с легкостью продавались и пополняли частные, зачастую заграничные, коллекции. Е.-Д. Кларк не преминул воспользоваться такой возможностью: «Войдя в Керчь, первым делом мы спросили о медалях у греков, которых мы встречали; они принесли нам многие монеты, большинство в таком плохом состоянии, что они едва заслуживали какого-либо внимания. Я все-таки купил одну из бронзы, имеющую совершенно другое достоинство: она доставила мне огромное удовольствие. Поспешив освободить ее от грубой обертки, я отчетливо заметил слово ПАНТИКАПАИТОН. Каждая буква прекрасно сохранилась <...> Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей, как в Керчи. Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краев. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами.

Некоторые жители украсили свои двери греческими барельефами, понятия не имея об их действительной ценности и не обращая ни малейшего внимания на расположение фигур. Эти плиты устанавливаются во всех направлениях, зачастую наискось или в совершенно перевернутом положении. Множество этих бесценных остатков должны были навсегда исчезнуть в тот момент, когда мы приехали. Их собрали, чтобы использовать для ремонта церкви» [14, с. 21; 31–34].

Обилие археологических находок в Керчи и ее округе ставило вопрос о создании местного музея [15, с. 154–178]. В 1822 году было издано распоряжение о «сохранении памятников древности в Крыму» [16, с. 155–158], которым на уход за древностями выделялись специальные средства [17 с. 389]. Активную деятельность в деле сохранения местных древностей в 20-е гг. XIX в. развернули И. А. Стемпковский (керчь-еникальский градоначальник 1828–1832 гг.) и первый исследователь керченских древностей П. Дюбрюкс [18, с. 8–10; с. 18–29; с. 13]. Ему при поддержке губернских властей было разрешено заниматься археологическими исследованиями при условии регулярного сообщения о них Академии Наук. До получения официального помещения

находки хранились в доме П. Дюбрюкса, который стал своеобразным музеем (Рис. 1). Решающим шагом в деле создания музея явилась записка «Древности Керченского полуострова», поданная Рафаилом А. Скасси – попечителем керченской торговли с горцами, графу М. С. Воронцову, вероятнее всего, не ранее августа 1823 г. [19, с. 40–41]. Не оспаривая необходимости должного обращения с ценнейшими памятниками истории, М. С. Воронцов подал докладную записку императору Александру I с предложением открыть Музей древностей в Одессе и его отделение в Керчи.

Понимая значимость местных памятников древности, необходимость их учета и сохранения, искреннюю надежду на создание музея выражали и путешественники. Так, читаем у П. П. Свиньина (1825 г.): «Я долго не забуду приятных минут, проведенных мною здесь, и душевно порадуюсь, когда выполнится счастливая мысль, сделать гулянье вокруг горы по винтообразной дороге, а на площадке, выдавшейся к стороне моря, выстроить великолепный храм в древнем вкусе – для помещения музея, составленного им вещей, находимых в здешних окрестностях. Сим способом сохранить драгоценности лучшего времени греческих искусств, кои доселе погребали безвозвратно» [20, с. 7–8].

О подготовительном периоде существования музея, когда тот размещался на квартире П. Дюбрюкса, рассказывал Ф. Ф. Вигель – керченский градоначальник в 1826–1828 гг.: «Музей. Он открыт только в 1823 году, под управлением г. Бларамберга и покамест помещается в доме одного француза, Шевалье дю Брюкса. Собрание древностей делается с успехом; теперь находится уже в музее большое количество воспорских медалей, золотых, серебряных и бронзовых, урны с пеплом умерших, большие амфоры, в которых древние хранили вино и деревянное масло <...> Пять или шесть колоссальных мраморных торсов и множество обломков архитектуры и скульптуры, в которых знатоки находят прекрасную отделку, делают сие собрание весьма любопытными. Есть также много очень хороших золотых вещей – венец из золотых листьев, отрытый в могиле какой-то царицы, пропасть золотых перстней с редкими камнями браслеты и прочее, и прочее.

Директор сего музея, г. Бларамберг, живет в Одессе, редко и на короткое время приезжает в Керчь, и от того-то медленно умножается сия коллекция. За ее хранением имеет присмотр местное начальство <...> Когда приведется в исполнение намерения графа Воронцова построить особое здание для музея, определять к тому особого чиновника, который бы имел постоянное пребывание в Керчи, и начнут

систематически, по порядку, разрывать курганы, то собрание керченских древностей будет одно из достопримечательнейших в свете» [21, с. 78–80].

Официальной датой создания музея считается 2 (15) июня 1826 г. Его директором был назначен Ж. М. Бларамберг, находившийся постоянно в Одессе и посещавший Керчь только на время важных раскопок. В то время на первое место встал вопрос сохранности вещей. Приказом М. С. Воронцова у дома П. Дюбрюкса был поставлен военный караул. Полиции предписывалось хранить музейные вещи «под собственную ее ответственность». Чтобы предотвратить утрату памятников, керченский градоначальник нанял специального надсмотрщика [16, с. 158–161].

В мае 1833 г. указом М. С. Воронцова произошло разделение Керченского и Одесского музеев. После смерти Ж. М. Бларамберга (1831 г.) и Р. А. Скасси (1832 г.) музеем недолго руководил П. Дюбрюкс, пока в 1833 г. на должность не был назначен А. Б. Ашик – сподвижник Р. А. Скасси, хранитель находок во время заведования музеем Бларамбергом. Находясь с этого же года в распоряжении Императорской Археологической комиссии, Керченский музей стал фактически пунктом пополнения богатой коллекции Эрмитажа.

Начатые А.Б. Ашиком масштабные раскопки в окрестностях города, проводились без расчетов, описей и планов [22, с. 565]. Целью их было лишь выполнить указы Эрмитажа на ценные и примечательные находки. В этом, отчасти, была и положительная их роль, так как многочисленные находки увеличивали финансирование музея, в чем он остро нуждался.

Для хранения и выставки, собравшихся к тому времени фондов, на горе Митридат было построено красивейшее здание в дорическом стиле [23, с. 3–4], представлявшее копию храма Тесея в Афинах. К 30 гг. XIX в. Керченский музей уже обладал богатейшим собранием античных древностей Крыма и представлял собой один из первых исследовательских центров археологии на юге России [19, с. 60] (Рис. 2). Содействие сбережению памятников археологии Крыма и Керчи в частности, оказывали и научные общества, как, например, Одесское общество истории и древностей [24, с. 403].

Из гостей города, посетивших Керчь уже после создания музея, возможность прикоснуться к частичкам древности не упустил не один из них. Детально описывал увиденное в новосозданном музее, с прибавлением интересных фактов «утери» ценнейших находок, которые не прекратились и с официальным открытием музея, известный путешес-

твенник, блестящий знаток древностей, швейцарский француз Ф. Дюбуа де Монпере (1832; 1834 г.): «Сегодня здание нового музея завершено <...> Этот музей требует опытного ученого, чтобы привести в порядок, расклассифицировать, расшифровать памятники, резко выделяющиеся на фоне обычных греческих находок <...> Вплоть до настоящего времени хранители больше заботились о том, чтобы собрать, нежели о том, чтобы освоить; не изучив даже того, чем владели, они нередко допускали расхищение самых ценных вещей. Приведу один факт, который мне известен по личному опыту.

В первом путешествии в июле 1832 г. я заметил три черепа необычайной формы: один был целым, с верхней челюстью; два другие представляли собой лишь фрагменты верхней части головы... Их нашли неподалеку от Еникале в очень древних гробницах... Я считал важным сделать с них рисунок, указав точные мерки, но, поскольку тогда провёл в Керчи только два дня, то отложил это до осени.

В это время г-н профессор Ратке, который видел эти черепа, был поражен ими, как и я; возвращаясь в Дорпат, он обратился в Санкт-Петербургскую академию с просьбой предоставить ему один. Но когда я вернулся в Керчь, лучший из черепов исчез; обеспокоившись, я стал разузнавать, что же произошло: очевидец рассказал мне, что два путешественника-иностранца добились их у г-на Дюбрюкса с помощью 100 рублей ассигнациями и что череп предназначался в музей Мюнхена. Я был чрезвычайно огорчен этим ущербом, нанесенным музею, который был вскоре замечен; так как академия написала, требуя один из черепов, и когда новый хранитель, преемник Дюбрюкса, захотел отыскать их, он нашел лишь два фрагмента. Я описываю эти детали, чтобы хранитель знал, где находится вышеуказанный череп, и чтобы он не обвинял невиновных в пропаже, что он склонен сделать <...>

Мне неизвестно, что нашли в одной и другой из этих гробниц, которые я привожу как образец интерьера большей части курганов Карантинной группы. Торс статуи из керченского камня, который рабочие отбросили в сторону, поскольку она была не из ценного металла, находился поблизости, у входа в камеру с египетским сводом. Несмотря на его грубые формы, которые угадывались с трудом, торс заслуживал некоторого внимания, поскольку представлял собой единственный фрагмент этого рода, найденный в гробнице. По моей просьбе, г-н Стемпковский велел перевезти его в музей» [25, с. 20–29; 58–59].

Рис. 1. Место, где располагался дом П. Дюбрюкса. Современный вид.

Рис. 2. Н. Г. Чернецов. Новый музей в Керчи. 1836 г.

Мы видим, что, несмотря на уже более высокий, по сравнению с предыдущим временем, уровень проведения раскопок, по-прежнему любой желающий мог «взять на память» понравившуюся ему находку, обнаруженную при раскопках. Так, французский маршал, герцог рагузский О. Ф. Мармон (1834 г.) получил «железа скифских стрел, которые были положены в одну из гробниц» [26, с. 240].

Правдиво передает неоправданно ужасающее и корыстное отношение к памятникам древности на раннем этапе существования музея и становления археологических исследований, когда прах или останки скелета в могиле, не снабженные каким-либо ценным инвентарем, попросту выбрасывались как не нужное и неинтересное, Э. Спенсер (1836 г.). По меткому замечанию путешественника, такого не творили даже средневековые варвары: «Как можно предположить, приобретение этих сокровищ породило желание открыть окружающие курганы, в полной надежде, что открытие второго в равной степени будут важны, власти Керчи выбрали один, размеры которого были аналогичны Алтын-Оба. Работало несколько человек в течение нескольких недель в раскопках <...>

Работа по поднятию тяжелых плит, которые были помещены в гробницу в форме креста, продолжалась медленно: ожидание были высоки, и, когда после долгих трудов массивные камни были удалены, мы увидели квадрат из камня, с деревянной коробкой в центре содержащей бронзовую урну, позолоченную, одной из самых изящных форм исполнения.

Саркофаг был доведен до Керчи, а когда был открыт, увы! Не было обнаружено ничего, кроме пепла того, кто был там похоронен. Эти останки, может быть, принца или героя с гордостью привели своих последователей к победе, а потом, как я видел, рабочие бросили их на навозной куче!

Должны ли мы не рассматривать этот акт как бессмысленное святотатство? Века прошли после столетий, когда эти курганы были сохранены последовательными ордами варваров, которые захватывали страну, пока не были сбережены для цивилизованного варварства девятнадцатого века, нарушившего святость могилы!» [27, с. 252–254].

Подобное происходило и в 40-е гг. XIX в. Это подтверждают слова французского путешественника К. О. де Гелля (1841 г.): «Правда, русское правительство не заботится о сохранении памятников, даже таких, которые непосредственно касаются его собственной истории, оно предоставляет только 4000 рублей на исследования, и, кажется, на самом

деле будет заинтересовано только предметами искусства, такими, как этрусские вазы, золотые украшения, статуэтки, и другим, которые могут служить для украшения залов Эрмитажа, но не существующих на юге России многочисленных обществ антикваров, которые являются официальными, но и не могут поставить вопрос, а, если он и будет поднят, то с целью получить от императора все необходимое для сохранения памятников на Керченском полуострове. К сожалению, общее безразличие к интеллектуальной деятельности...преобладает, и оно связано с археологией, как ни с чем другим <...>

Еще одним доказательством второстепенного внимания к этим исследованиям является незаинтересованность в изучении истории, много вещей пользуется вопиющим пренебрежением: саркофаги, барельефы, архитектурные фрагменты, и, одним словом, все те крупные скульптуры, которые не могут быть отправлены в Санкт-Петербурге и положены перед его величием. Когда я посетил музей Керчи, я обнаружил, что подход к постройке заполнен антиквариатом, который лежал на земле без крова. Носы и подбородки из основных фигур на барельефах были недавно изуродованы, может быть, в это утро, однако комитет, узнав об этом, не подумал сделать жалобу, так мало значения придается этому вопросу. При прохождении через различные залы музея я везде видел те же неосторожности, а также следы непрекращающихся грабежей. Среди других реликвий, разрушение которых мне пришлось созерцать, мне показали останки великолепного деревянного саркофага, который был найден в отличном состоянии. Он был украшен греческой резьбой, видные части которого были позолочены, а полые части окрашены в красный цвет, и это было, на мой взгляд, наиболее интересным экспонатом в музее... Мы никогда не выполнили бы свое задание, если бы нам пришлось считать все акты вандализма и грабежа, и из Керченского музея тогда был бы театр. Деталей, которые мы дали, будет достаточно для указания ценности археологических трудов на месте древнего Пантикапея; может, протесты, выдвинутые мной здесь во имя искусства, литературы и науки, привлекут внимание всех тех русских, которые испытывают реальный интерес к историческим памятникам страны» [28, с. 401–402].

Скудость музейных коллекций из-за отбора лучших памятников для украшения Эрмитажа, грабежа и невнимания отмечали и Н. Туровский (1841 г.) [29, с. 508], Г. Сеймур (1844 г.) [30, с. 292]. Должное внимание к городским древностям пробудилось лишь после 1850 г., когда правительством была создана комиссия по исследованию древностей [31, с. 287–

292], и только после этого раскопки стали вести правильнее, на смену кладоискательству пришло тщательное исследование каждого объекта [32, с. 5–6]. Подтверждение тому мы находим у археолога П. В. Беккера [33, с. 477; с. 101] (1852 г.): «<...> я должен сказать несколько слов о новом способе разрытия. Прежде, обыкновенно старались проникнуть во внутренность кургана, то делая отверстия с одной стороны, то разрывая его в прямом или крестообразном направлении. Теперь же стараются срезать по возможности весь курган, чтобы исследовать его во всех направлениях. Работа начинается сверху, где делают четверугольное углубление в несколько сажень. Не выходя из границ верхнего квадрата, насыпь, образующую курган, выбрасывают до тех пор, пока не достигнут материка. Таким образом, или прямо попадают на гроб, или проникают до бокового его входа. Когда гроб найден, его очищают с величайшею осторожностью; тогда кто-нибудь спускается вниз, и по останкам и другим признакам, заметя положение мертвого, начинает исследование с ноги и мало-помалу доходит до головы. При этом он перебирает прах и землю ножом, ищет зарытых вещей и вынимает найденное без всякого повреждения» [34, с. 365–366].

Очень жаль осознавать, что так необъяснимо долго шло к обществу понимание величия и ценности памятников древности, бережно хранящихся в керченской земле. Красивейшие статуи, барельефы, стелы, являющиеся ценнейшими памятниками античного Пантикапея, по свидетельствам путешественников, хоть и поступали на хранение в музей, но и там не всегда получали должный уход. Похоже, что ситуация в конце XVIII – 1-й половине XIX в. повторяется в наше время. Сможем ли мы ее исправить?

Источники и литература

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма : посл. треть XVIII – начало XX в. / А. А. Непомнящий / Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского. – Киев, 1999. – 211 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46) ; Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII–XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки. – 2011. – № 4 (20). – С. 29–39 ; Прохорова Т. А. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / ред.-сост. М. М. Чореф. – Севастополь; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 97–101 ; Каушлиев Г. С. Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі : кінець XVIII – перша третина XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Праці Центру

- пам'яткознавства : зб. наук. пр. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2011. – Вип. 20. – С. 206–214 ; Каушлиев Г. С. До історії пам'яткознавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. – С. 66–74 ; Громенко С. В. Дослідження подорожньої літератури в сучасній українській історіографії (1995–2012 рр.) / С. В. Громенко // Польські студії / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». – К., 2012. – № 5: Дух і літера, № 25. – С. 80–92.
2. Мальгин А. В. Крым глазами путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. / А. В. Мальгин // Крым сквозь тысячелетия / ред.-сост. Э. Б. Петрова. – Симферополь : ЛИРа, 2004. – С. 321–343.
  3. Каушлиев Г. С. Научно-исследовательская экспедиция А. Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – С. 43–50.
  4. Даниленко В. Н. О начальном периоде в истории изучения Крыма / В. Н. Даниленко, А. В. Даниленко // Пантикапей – Боспор – Керчь : 26 веков древней столице : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2000. – С. 156–163.
  5. Михайлов Л. А. Керчь в XVIII – XIX веках / Л. А. Михайлов // Пантикапей – Боспор – Керчь : 26 веков древней столице : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2000. – С. 185–190.
  6. Боровкова В. Н. Город Керчь в воспоминаниях путешественников / В. Н. Боровкова // Науч. сб. Керч. заповед. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2006. – Вып. 1. – С. 500–505.
  7. Паллас П. С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. / П. С. Паллас // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1883. – Т. 13. – С. 49–62.
  8. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантурные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 208 с.
  9. Guthrie M. A tour performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries of the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the Peace of Kainardi and Iassy / M. Guthrie / Printed by Nicholas and Son, Red Lion Passage, Fleet-Street, for T. Cadell, Jun. and W. Davies, in the Strand. – London, 1802. – 456 p.
  10. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. – СПб. : Имп. типогр., 1803–1805. – Ч. 1. – 226 с.; Ч. 2. – 224 с.
  11. Castelnav G. Essai sur l'Histoire ancienne et Moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces guila composent. Fondation d'Odessa : ses progres. Sou etactuel ; details. Sor commerce. Voyage en Crimée, dans l'interet de l'agriculture et du commerce : in 3 vol. / G. Castelnav. – Paris, 1820. – Vol. 3. – 347 p.
  12. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб. : Типогр. при особ. Канцелярии МВД, 1823. – 337 с.
  13. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia : in 2 vol. / R. Lyall / Printed by A. & R. Spottiswood, New-Stress-Square. – London, 1825. – Vol. 1. – 527 p.

14. Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / М. Е.-Д. Кларк // Археология и история Боспора / БФ «Деметра». – Керчь : 1999. – Т. 3. – С. 11–37.
15. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей / Н. Ф. Федосеев // Вестник древней истории. – 2002. – № 1. – С. 154–178.
16. Федосеев Н. Ф. Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи / Н. Ф. Федосеев // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 9. – С. 155–170.
17. Даниленко В. Н. К 180-летию постановления «Об ограждении от разрушения» памятников Тавриды / В. Н. Даниленко // Херсонесский колокол : сборник науч. ст. / Под. ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 432 с.
18. Непомнящий А. А. Один из основателей Керченского музея древностей : Поль Дюбрюкс / А. А. Непомнящий // 175 лет Керченскому музею древностей : междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2001. – С. 8–10; Тункина И. В. «Отец босфорской археологии» Поль Дюбрюкс / И. В. Тункина // Дюбрюкс Поль. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. : Тексты / Поль Дюбрюкс; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – С. 13–101.
19. Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей / И. В. Тункина // Археология и история Боспора / БФ «Деметра». – Керчь, 1999. – Т. 3. – С. 39–60.
20. Свинын П. П. Керчь, древняя Пантикапея : из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» / П. П. Свинын // Отечественные записки. – 1828. – Ч. 34, № 96. – Апрель – С. 3–31.
21. Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1864. – Кн. 1, отд. 2. – С. 11–99.
22. Тункина И. В. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму / И. В. Тункина // Дюбрюкс П. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. : Тексты / Поль Дюбрюкс; сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – С. 533–588.
23. Иваненко П. И. Керченскому музею древностей – 175 лет / П. И. Иваненко // 175 лет Керченскому музею древностей : матер. Междунар. конф. / Керч. ист.-культ. заповед. – Керчь, 2001. – С. 3–7.
24. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников Южного берега Крыма в XIX – начале XX в. / А. В. Шаманаев // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2009. – Вып. 39. – С. 398–408.
25. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым : в 6 т. / Ф. Дюбуа де Монпере. Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
26. Мармон. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет / Мармон. – М. : Типогр. Н. Степанова, 1840. – Т. 1. – 266 с.
27. Spencer E. Travels in Circassia, Krim-Tatary including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black sea. By Edmund Spenser. Third edition : in 2 vol. / E. Spenser / Printed by Ibotson and Palmer, Savoy street, Strand. – London, 1839. – Vol. 1. – 392 p.

28. Hell X. Hommaire de. Travels in the steppes of the Caspian sea, the Crimea, the Caucasus, & c. / Hommaire X. de Hell / Chapman and Hall, 186, Strand. – London, 1847. – 436 p.
29. Туровский Н. Ф. Дневник поездки по России в 1841 г. / Н. Ф. Туровский ; сообщ. А. А. Голомбиевский // Русская старина. – 1913. – № 9. – С. 492–528.
30. Seymour H. D. Russia on the Black Sea and sea of Azof : being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries / H. D. Seymour / Printed by William Clowes and Sons, Stamford Street, Charing Cross. – London, 1855. – 393 p.
31. Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Исследователи : «Почтенный» археолог А.Е. Люценко / Л. М. Лазенкова // Боспорский феномен. – СПб., 2001. – Ч. 2. – С. 287–292.
32. Марченко И. Д. Город Пантикапей / И. Д. Марченко. – Симферополь : Таврия, 1974. – 88 с.
33. Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования в Одессе в середине XIX – начале XX в. / А. А. Непомнящий // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 7. – С. 101–118.
34. Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. / П. В. Беккер // Пропилен : сборник статей по классической древности. – М., 1853. – Т. 3. – С. 349–373.

***Авсеньова С.М.* Проблема збереження пам'яток Керчі у трудах мандрівників кінця XVIII – першій половині XIX ст.**

Дана робота присвячена одній з найбільш актуальних проблем сучасного суспільства, що бере початок з кінця XVIII ст., – охороні пам'яток старовини Криму на прикладі м. Керчі. Мета роботи – висвітлити проблему збереження історико-художніх пам'яток Криму, яка була заторкнута у нотатках мандрівників. Записки мандрівників являють собою важливе історичне джерело для вивчення історії Криму в цілому і, зокрема, міста Керчі кінця XVIII - першій половині XIX ст. Зроблено аналіз записок російських і іноземних мандрівників, що відвідали Кримський півострів в кінці XVIII – першій половині XIX ст. За період після приєднання Керчі в 1774 р. до Росії і до 30-х рр. XIX ст. місто, так само як і весь Керченський півострів, відвідала велика кількість іноземних і російських мандрівників. Серед них були: вчені, письменники і просто любителі старожитностей. Особливе враження на мандрівників справило негідне ставлення городян і міської влади до пам'ятників старовини, зібраних у Керчі та її околицях. Характерно, що це відзначали і мандрівники кінця XVIII століття, коли тут не було ні музею, ні більш-менш організованого плану розкопок, і вояжери першої половини XIX в. – часу, коли почалися археологічні розвідки на Керченському півострові. Велика кількість археологічних знахідок у Керчі та її окрузі ставила питання про створення місцевого музею. Перші кроки в справі збереження старожитностей були зроблені вже на початку 20-х рр. XIX ст. У 1826 р. був відкритий міський історико-археологічний музей, що поклато початок археологічним дослідженням на керченській землі, які особливо активізувалися після відкриття кургану Куль-Оба в 1830 р. Проте належна увага до міських старожитностей прокинулося лише після

1850 р., коли урядом була створена комісія з дослідження старожитностей. Діяльність музею, становлення археології Керчі та її околиць, долі численних пам'яток старожитностей краю знайшли свій опис у роботах кожного вояжера. Зокрема, увагу цьому у своїх записках приділили: М. Гатрі, П.І. Сумароков, Габріель де Кастельно д'Орос, І. М. Муравьов-Апостол, Р. Лайелл, Х. О. де Гелль, Г. Сеймур, П. Беккер та інші. На основі фактів, наданих мандрівниками, простежено еволюцію розуміння російським суспільством необхідності охорони унікальних частинок минулого, їх збереження та наукового опису у розглянутий період.

Ключові слова: мандрівники, Керч, пам'ятники, музей, розкопки.

Avseneva S.N. The problem of preservation of monuments of Kerch in the works of the travelers of the end of the 18th – the first half of the 19th century

The present work is devoted to one of the most actual problems of modern society, beginning from the end of the 18th century, to the preservation of the Crimean ancient monuments (on the example of Kerch). The purpose of the work – to highlight the problem of preservation of historical and artistic monuments of the Crimea, which was raised in the notes of the travelers. The notes of the travelers are an important historical source for the studying the history of the Crimea as a whole and, in particular, the city of Kerch in the end of the 18th – the first half of the 19th century. Was conducted an analysis of the notes of Russian and foreign travelers, who visited the Crimean peninsula at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Since the occurrence of the Kerch in 1774 into Russia and up to the 30's. of the 19th century the town, as well as the Kerch Peninsula, was attended by a large number of foreign and Russian travelers. They were scientists, writers and lovers of antiquities. The travelers were particularly impressed by unworthy attitude of citizens and city officials to the monuments of antiquity collected in Kerch and its surroundings. Characteristically, that it was noted by the travelers of the 18th century, when there was no a museum, nor a more or less organized plan of excavation, and by the travelers of the first half of the 19th century – the time when archaeological exploration were started on the Kerch Peninsula. The abundance of archaeological finds in the Kerch and its surroundings raised the question of the establishment of a local museum. The first steps in the preservation of antiquities were made in the early 20's. of the 19th century. In 1826 the historical and archaeological museum of the town was opened, which marked the beginning of archaeological research on the Kerch's earth, which were particularly activated after the opening of the burial mound Kul-Oba in 1830. However a due attention to the city's antiquities was awakened only after 1850 when the government was established the commission of studying of antiquities. The activities of the museum, the becoming of an archeology of Kerch and its surroundings, the fate of the many monuments of antiquity found its description in the work of each traveler. In particular, the attention to this were paid in the notes of: M. Guthrie, P.I. Sumarokov, G. de Castelnav, I.Muravev-Apostol, R. Layell, H. O. de Gell, H. Seymour, P. Becker and others.

Based on data provided by travelers was traced the evolution of understanding by the Russian society the necessity of preservation the unique parts of the past, taking care of their scientific description at the period under review.

Key words: travelers, Kerch, monuments, museum, excavations.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 939.8 (Укр) (052.24)

Н. В. КАРМАЗИНА

Памятниковедческая деятельность ученых архивных комиссий на Юге Украины в последней четверти XIX – начале XX веков

Проанализирована роль ученых архивных комиссий Юга Украины в деле изучения и сохранения объектов культурного наследия в последней четверти XIX – начале XX вв. Обозначены основные причины обращения ученых архивных комиссий к сохранению древностей края. Отмечено, что основными формами памятниковедческой работы ученых архивных комиссий стали организация экспедиций для обследования древностей, выявление археологических объектов путем археологических разведок, посильное участие в проведении раскопок под руководством столичных специалистов и обобщение сведений о существующих памятниках, ходатайство перед местными органами власти, обращение в Археологическую комиссию по вопросам сохранения древностей, популяризация культурного наследия через периодические издания, участие в обсуждении ремонта и реставрации местных памятников. Подчеркнуто, что формы работы архивных комиссий Юга Украины отличались в зависимости от конкретных местных условий.

Ключевые слова: Юг Украины, памятниковедческая работа, ученые архивные комиссии, культурное наследие, древности.

Актуализация роли культурного наследия для решения множества памятникоохранительных проблем, отсутствие системы взаимодействия между государственными органами власти, общественностью, учеными по изучению, охране, использованию памятников истории, культуры требуют обращения к опыту памятникоохранительной деятельности в прошлом. На протяжении последней четверти XIX – начала XX вв. активно обследовали, изучали, принимали меры к сохранению и популяризации объектов культурного наследия ученые архивных комиссий.

Памятникоохранительной деятельности ученых архивных комиссий косвенно уделялось внимание в работах С. З. Зарембы, А. А. Непом-

нящего, И. М. Симоненко, И. А. Стрижовой, А. В. Хливнюка. Однако исследователи не ставили целью создание целостной картины работы этих научных обществ по изучению, охране древностей.

Юг Украины, насыщенный разнообразными памятниками истории и культуры, в XIX веке стал главным источником пополнения древностями столичных музеев Российской империи. Однако богатое культурное наследие региона привлекало и искателей кладов, которые грабили могилы, склепы, вывозили древности за границу. 31 мая 1884 г. появился «Циркуляр» Министерства внутренних дел гражданским губернаторам, содержащий распоряжения о запрете кладоискательства и о порядке сдачи государству археологических находок. В нем подтверждались циркулярные распоряжения Министерства внутренних дел от 4 ноября 1866 г. и 31 июля 1882 г. о том, чтобы губернаторам «ни под каким предлогом не допускать кладоискательства и неминуемого от этого разрушения памятников прошлого и об обязательной отправке на рассмотрение императорской Археологической комиссии всех выявленных предметов старины». 27 ноября 1886 г. был издан следующий «Циркуляр» Министерства внутренних дел гражданским губернаторам о запрете проводить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии [1, с. 90]. Результативность указа зависела от степени его реализации на местах. А это было возможно только при наличии объединения местной общестственности, неравнодушной к охране памятников.

Научная общественность инициировала вопрос об необходимости создания в разных регионах и на местах научных учреждений, которые не только стремились сберечь культурное наследие, но и способствовали накоплению предметов старины с целью проведения их дальнейшего научного изучения, популяризации. Такими объединениями людей, неравнодушных к истории, письменным и материальным памятникам, стали ученые архивные комиссии, созданные по инициативе известного архивоведа Николая Васильевича Калачова. В 1883 году он разработал проект положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях, утвержденный 13 апреля 1884 г. как «Положение о губернских ученых архивных комиссиях».

На Юге Украины первой возникла Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) – в 1887 г., затем Херсонская ученая архивная комиссия (1898 г.) и Екатеринославская ученая архивная комиссия (1903 г.). Эти научные общества не ограничивали свою деятельность собиранием и изучением письменных источников, но и активно включали в круг

своих исследований вещественные памятники. Подобный подход к пониманию учеными архивными комиссиями своих задач был обусловлен предписанием Комитета Министров от 1884 г. об изучении ими «различных памятников старины» и логически вытекал из того содержания, которое вкладывалось в XIX в. в понятие «археология». В силу расширенной трактовки ее предмета, включавшего изучение различных видов исторических источников, как документальных, так и вещественных, ученые архивные комиссии были обречены на комплексное сочетание в своей деятельности функций историко-архивного и историко-археологического обществ.

Будучи зачастую единственными в регионе историческими обществами, большинство ученых архивных комиссий понимали свою ответственность за сохранение всех категорий памятников местной старины. Члены ученых архивных комиссий, так же как и многие другие провинциальные историки, исходили из представления о том, что «для правильной и всесторонней оценки прошлого родного края недостаточно ознакомиться с содержанием одних только архивных документов, а необходимо изучить и вещественные памятники старины».

С самого начала работы ТУАК ее председатель А. Х. Стевен обратил внимание коллег на настоятельные задачи изучения и сохранения памятников культуры Крыма [2, с. 68]. На заседании 24 января 1887 г. он просил членов Комиссии, через посредство своих членов позаботиться о сохранности памятников, собрать и доставить все предметы, предоставляющие хоть какую-то ценность, обнаруженные разными лицами или разрушающиеся и требующие реставрации, а также снять точные копии с надписей и изображений [3, с. 1–2]. Председатель призывал «обратить внимание на памятники старины, рассеянные в разных местах губернии, и иметь, по крайней мере, наблюдение за сохранением таких памятников. Чтобы составить себе понятие о том, как скоро разрушаются от времени и разоряются памятники старины, стоит только сравнить описание Палласа осмотренных им памятников древности во время путешествия его 1797 г. с описанием, сделанных Кёппеном в 1837 году, и с тем, что теперь еще осталось» [3, с. 20].

Основными формами памятниковедческой работы ученых архивных комиссий стали организация экспедиций для обследования древностей, выявление археологических объектов путем археологических разведок, посильное участие в проведении раскопок под руководством столичных специалистов и обобщение сведений о существующих памятниках, ходатайство перед местными органами власти, обращение в

Археологическую комиссию по вопросам сохранения древностей, популяризация культурного наследия через периодические издания, участие в обсуждении ремонта и реставрации местных памятников.

Все архивные комиссии Юга Украины занимались изучением памятников археологии. В одном из проектов реорганизации предлагалось даже новое название «Губернские ученые архивно-археологических комиссий». В целом деятельность комиссий по изучению края в археологическом отношении сводилась к трем основным направлениям: выявлению археологических объектов путем разведок, посильному участию в проведении раскопок и обобщении сведений о существующих памятниках. Отсутствие в губерниях опытных археологов, недостаток средств, необходимых на проведение раскопок, сдерживали работу комиссий в этом направлении. Выход из такого положения нашли в организации разведок и дальнейшем проведении раскопок совместно с известными специалистами-археологами из академических центров России – Ф. А. Брауном, Н. И. Веселовским, Ю. А. Кулаковским, А. В. Орешниковым и др. Члены комиссий присоединялись к их экспедициям или выполняли определенные поручения на местах.

Наиболее активно проводились археологические раскопки в ТУАК. С 1889 года представители ТУАК принимали участие в раскопках погребальных пещер Неаполиса и курганов в окрестностях Симферополя, производимых представителем Археологической комиссии Николаем Ивановичем Веселовским. Под его руководством в 1889–1917 гг. также изучались остатки древностей в Херсонесе, Евпаторийском и Мелитопольском уездах. Подводя итоги полевого сезона 1890 года, председатель ТУАК А. Х. Стевен отмечал, что «первое место в ряду этих раскопок принадлежало раскопкам курганов, произведенных по поручению императорской Археологической комиссии, профессором Санкт-Петербургского университета и одновременно членом ТУАК Н. И. Веселовским» [4, с. 154].

По поручению императорской Археологической комиссии ТУАК в 1898–1899 гг. проводились раскопки мавзолеев на окраине Бахчисарая, в 1905 году – готского могильника около Гурзуфа, в 1912–1913 гг. – на городище Мангуп.

Систематическому обследованию археологических памятников полуострова способствовали экскурсии, проводимые членами Комиссии. Отправляясь на места для исследования памятников и борьбы с их уничтожением, они никогда не получали денег на командировки [4, л. 4]. А. И. Маркевич отмечал значение этих «экскурсий» – «поездки

членов Комиссии в разные места Крыма с целью осмотра находящихся там древних сооружений и сообщения в Археологическую комиссию о попытках к производству самовольных раскопок с целью предупреждения их. Экскурсия на Мангуп имела результатом нахождение остатков небольшой, но весьма ценной базилики у подножия Мангупа, со стороны Ай-Тодора, и открытия известной ранее плиты с греческой надписью, вставленной в одну из башен; <...> поездка в д. д. Кипчак и Баксан, Симферопольского уезда, на левом берегу реки Зуи, определила важность сохранившихся здесь остатков древности (следы древней культуры и очень древнее кладбище) и необходимость производства здесь археологических раскопок. Экскурсия в д. Аталык-Эли (Соловьевку), вызванная самовольными раскопками, произведенными крестьянами, выяснила значение остатков древних сооружений в этой местности и разнообразных находок, вследствие чего и здесь необходимо было бы произвести научные раскопки. Результаты поездок в окрестности Бахчисарая и Карасубазара дали подробную картину многих древних христианских сооружений, греческих и армянских, и других памятников древности, на которые не было обращено внимания, и часть которых погибла от людского невежества» [5, с. 306].

В целях выявления археологических памятников и последующего их изучения и охраны ТУАК практиковала поездное анкетирование. Первый опрос уездных властей был проведен в 1888 г. по анкете, составленной Московским археологическим обществом. Она включала в себя одиннадцать пунктов, касавшихся находок каменных, медных и бронзовых изделий, старинных монет и оружия, костей, наличия пещер, насыпных валов, городищ и курганов, каменных баб, наскальных изображений.

Заветной мечтой ТУАК было составление археологической карты Крыма. Ю. А. Кулаковский и А. И. Маркевич были организаторами работ по ее подготовке. Они проделали значительную работу по созданию столь нужного в крымоведении справочно-энциклопедического издания о крымских древностях. Были обследованы районы от Симферополя до моря, к западу, и до начала горных долин, к югу и востоку. Интерес вызывали не только остатки археологических сооружений различных эпох, но и сохранившиеся в среде местного населения исторические сведения. Были также осмотрены «пещерные» города и монастыри Таврики. Исследования были продолжены в 1897 году, когда Ю. А. Кулаковский продолжал собирать материалы вблизи Карасубазара и Симферополя. В 1898 году ученый посетил Старый Крым, Кок-

коз, Коктебель, Отузы, Топлы и другие места восточного Крыма. Однако отсутствие финансирования не позволило Ю. А. Кулаковскому и А. И. Маркевичу издать «Археологическую карту Крыма» [6, с. 127].

Главным содержанием деятельности Херсонской ученой архивной комиссии также были археологические разведки. Однако эта работа не приобрела системного характера. Члены комиссии сотрудничали с местными учителями, священниками, землесобственниками, осуществляли фотосъемку и детальное описание местных памятников, представляли местным органам власти необходимую информацию о грабительских раскопках, осуществляли археологические разведки для защиты древностей.

Наиболее ярко это проявилось в деятельности действительного статского советника, главы Херсонской ученой архивной комиссии Георгия Львовича Скадовского, который первым в Херсонской губернии начал раскопки курганов с целью сбережения этих материальных свидетелей старины. Несмотря на то, что Георгий Львович не имел специального образования, археологические работы проводились им в соответствии с правилами: составлялись планы, чертежи и рисунки, постоянно велись дневники раскопок, описывался и фотографировался весь найденный во время раскопок материал.

Свою археологическую деятельность Г. Л. Скадовский начал в 1886–1888 годах с раскопок городища в собственном Белозерском имении. Позднее им было исследовано более 40 курганов в Херсонском и Днепровском уездах. Наиболее интересный в археологическом плане материал был найден в 1900–1901 годах во время проведения раскопок на о. Березань, где Г. Л. Скадовским за собственные деньги были исследованы 800 древнегреческих захоронений [7, с. 2]. Результаты работы были детально описаны в дневниках, которые вместе с планами раскопок были отправлены в Императорскую археологическую комиссию. Большинство материалов из раскопок некрополя на о. Березань составили выразительную составную музейной экспозиции музея Херсонской ученой архивной комиссии.

В Херсонской ученой архивной комиссии археологические исследования проводил и секретарь Комиссии В. И. Гошкевич. Он разыскал и изучил в 50 «древнескифских» городищах в Херсонском и Днепровском уездах. Он проводил археологические исследования всего Юга Украины (Таврии, Поднестровья, Побужья и т.п.), главное внимание уделял изучению древностей Херсонщины. С 1893 до 1900 под руководством Императорской Археологической комиссии В. И. Гошкевич

исследовал 29 курганов эпохи бронзы. Одновременно он изучал поселения и городища на территории края. Он собрал сведения о 50 памятниках, а с 1909 года начал на них планомерные разведки. Первый маршрут пролегал левым берегом реки Ингулец, исследовал городища возле поселка Городок и с. Репнинка. Следующую разведку В. И. Гошкевич провел на правом берегу Днепра: было обследовано городище около с. Понятовка, у с. Николаевка, около колонии Старошведское, на земле Бизюкова монастыря, у с. Саблуковцы, около хутора Яковлевых, у о. Золотая балка. По итогам разведок на городищах были составлены планы, сделаны описания, фотоработы, собран подъемный материал. В октябре 1909 г. князем П. Трубецким был приглашен В. И. Гошкевич к пробным раскопкам городища у с. Николаевка в имении «Казацкое». В 1910 году он провел значительные по объему разведки вдоль левого берега Днестровского лимана, по Днестру и по правому берегу Днепра. В мае 1911г. граф А. А. Мордвинов пригласил В. И. Гошкевича на раскопки скифского кургана в своем Чернодолинском имении, а затем Гошкевич совершил объезд морского побережья Днепровского уезда. В 1912 году В. И. Гошкевич провел работы на территории Николаева, исследовал городища и могильники в Днепровском уезде, за счет С. Б. Скадовского провел раскопки татарского городища в Скадовске и кургана у с. Красное, раскопал три кургана в Ольговской экономии, собрал подъемный материал в Нижнеднепровских песках, осуществлял раскопки курганов возле Херсона. В 1913 году в имении Ф. С. Агаркова В. И. Гошкевич раскопал курган эпохи бронзы, Консуловское позднескифское городище и шесть средневековых захоронений. Интересные материалы были получены при исследовании Каменской Запорожской Сечи. В 1914 году В. И. Гошкевича пригласил для проведения археологических работ Н. И. Волохин, владелец острова Большое Городище в с. Тягинки. Поиски В. И. Гошкевича привели к выявлению фундаментов зданий, остатков оборонительных сооружений [8, с. 68].

Екатеринославская ученая архивная комиссия не осуществляла широкомасштабные археологические работы, а ограничивалась лишь научными разведками отдельными ее членами местных древностей. В 1902–1903 годах А. С. Синявским были осуществлены небольшие по объему раскопки в самом Екатеринославе, а также в окрестных селах Новомосковского, Верхнеднепровского и Екатеринославского уездов; исследованы неолитический курганный могильник на Мандрыковке и отдельные курганы на левобережье Днепра [9]. Особое внимание Ека-

теринославского археолога-любителя привлекал так называемый «Потемкинский сад», где выявлены разнообразные находки, датировка которых была от каменного века и до казацких времен. Не менее продуктивной была деятельность Я. П. Новицкого, который провел ряд археологических разведок на острове Хортица и пригороде Александровская Екатеринославской губернии. Я. П. Новицкий раскопал около 100 курганов, исследовал руины всех Запорожских Сечей, кроме Олешковской и Каменской [10, с. 141].

В целом, деятельность ученых архивных комиссий по археологическому обследованию края, изучению древностей значительно уступала размаху ее работ в области архивного дела. Это обстоятельство объясняется как отсутствием финансирования, недостаточной подготовленностью ее сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и пониманием ими приоритетности своих задач по изучению и сохранению, прежде всего, письменных памятников. Констатируя незначительное количество произведенных силами комиссий археологических раскопок, следует признать ее бесспорный вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах края.

Отдельным направлением деятельности ученых архивных комиссий была памятникоохранительная работа. Первыми памятниками старины на необходимость срочной реставрации которых обратила внимание Таврическая ученая архивная комиссия стали «Екатерининские мили», уцелевшие в небольшом числе или полуразрушенные. Так, на одном из первых заседаний председатель ТУАК А. Х. Стевен заявил, что к числу исторических памятников на Крымском полуострове можно отнести так называемые «Екатерининские мили», сооруженные по пути следования императрицы Екатерины II во время ее посещения Крыма в 1787 г. Он обратил внимание членов ТУАК, на то, что в прежние времена мили были обнесены канавами и обсажены деревьями, но в настоящее время сохранились лишь слабые следы ограждений и памятники подвергаются постепенному разрушению, поскольку стоят уже сто лет. В виду исторического интереса «Екатерининских миль» Комиссия приняла решение просить Таврическое губернское земское собрание передать их в ведение ТУАК и ассигновать необходимую сумму для приведения их самих и территории вокруг них в порядок, т. е. благоустроить» [11].

Благодаря деятельности ТУАК, вопрос о реставрации Ханского дворца в Бахчисарае вызвал внимание как со стороны Археологичес-

кой комиссии, так и Таврического губернатора, который сам выезжал в Бахчисарай для обозрения работ по ремонту дворца и устроил собрание губернских архитекторов и инженеров для изучения необходимости как реставрации дворца и переустройства набережной реки Чурук-Су. Археологическая комиссия же командировала академика Г. И. Котова для производства изысканий с целью составления проекта восстановления Ханского дворца по возможности в его древнем виде [12, с. 131]. Кроме того, правитель дел ТУАК А. И. Маркевич по просьбе Археологической комиссии и Таврического губернатора производил разыскания в архиве Таврического губернского правления для выборки оттуда тех дел, которые касаются истории Бахчисарайского дворца. Результатом его занятий стало отыскание двух связок дел (всего – 41 единица хранения), касающихся ремонта дворца, произведенных в течение 1820–1836 годов и представляющих большой интерес для восстановления первоначального вида этого «памятника ханского владычества в Крыму» [13, с. 127].

Комиссия прилагала старания к сохранению остатков стен древнего здания в деревне Эски-Сарай, Симферопольского уезда, бывшего по преданию монетного двора или дворца. Члены ТУАК ходатайствовали перед владельцем Эски-Сарая князем Долгоруковым [5, с. 306] относительно принятия «меры к прекращению ломки стен, а также к поддержке все более и более разрушающейся упомянутой древней мечети устройством в ней крыши, дверей и окон, а если окажется нужным, то и контрфорсов, чтобы предохранить этот изящный памятник восточной архитектуры в Крыму от окончательной гибели» [14, с. 160].

Мечеть, действительно, была реставрирована. Для проведения работ князь Долгоруков препроводил в распоряжение Таврического губернатора 500 рублей. Губернский инженер С. Иванов, по поручению Таврического губернатора, произвел работы в течение лета 1899 г. Был укреплен и восстановлен обрушившийся купол мечети и исправлены обвалившиеся в некоторых местах карнизы. Реставрация была сделана тщательно, и первоначальный вид мечети был полностью восстановлен. В музей Комиссии были переданы сделанные С. Ивановым рисунки мечети в Эски-Сарае, представляющие вид ее, план и разрез [15, с. 116].

Члены ТУАК активно вставали на защиту исторических ценностей, когда встречались с фактами вандализма. Так, в 90-е годы XIX века Перекопский городской голова разрешил жителям брать камни с Перекопского вала для сооружения домов. Старокрымская городская дума

систематически давала согласие на использование каменных памятников для мощения улиц, а в 1892 г. приняла решение про продажу на слом всех памятников. Алуштинский староста дал разрешение на снос таврских захоронений в каменных ящиках. Только благодаря немедленному вмешательству членов Комиссии многие исторические памятники удалось спасти. Члены Комиссии оббивали пороги городских властей, уговаривали и срамили собственников, в чьих владениях находились остатки древностей, писали в газеты [2, с. 69].

В 1897 году ТУАК обратила внимание Археологической комиссии на печальное состояние развалин древней генуэзской крепости в Алуште. Вследствие предпринятых мер были очищены развалины от мусора. Проведены работы по охране их в дальнейшем. К этому делу был привлечен ревнитель старины местный землевладелец Н. Д. Стахеев, который профинансировал памятникоохранительные мероприятия [16, с. 187].

Члены Комиссии понимали, что одной расчисткой дело охраны Алуштинской крепости не решится. По их инициативе Таврическим губернатором в 1897 г. было возбуждено ходатайство о необходимости ремонта развалин крепости в Алуште. Департамент общих дел Министерства внутренних дел отпустил 800 рублей на производство работ по укреплению и проведению в безопасное состояние развалин крепости. По просьбе губернского инженера В. А. Геккера, которому была поручена эта работа, А. И. Маркевич в начале сентября 1899 г. посетил Алушту для осмотра остатков древней крепости. Для приведение в безопасное состояние сохранившихся двух башен было намечено сделать контрфорсы к ним, заложить пустые места выпавшими оттуда камнями, чтобы придать башням по возможности первоначальный вид [15, с. 115]. Эти работы, проведенные по настоянию ТУАК, позволили сохранить остатки крепости до наших дней.

Неоднократно Комиссия возбуждала ходатайства перед руководством Таврической губернии по вопросам охраны археологических памятников. Так, ТУАК систематически обращала внимание губернской власти на грабительские раскопки курганов в разных местах губернии, вследствие чего губернатором было дано в 1897 году циркулярное предписание начальникам полиции о неуклонном исполнении высочайшего повеления 11 марта 1889 года «О запрете самовольных раскопок на землях казенных и общественных».

Кроме того благодаря усилиям Комиссии в 1903 году была дана государственная помощь для ремонта мечети Узбека и остатков гречес-

кой церкви в Старом Крыму, а в 1914 году – крепостных стен бывшей Кафы в Феодосии [17, с. 10].

В 1912–1916 гг. Таврической ученой архивной комиссией принимались конкретные меры к сохранению могилы генерала П. С. Котляревского в Феодосии и предохранении ее от осквернения и разорения, а также к ремонту древней церкви с фресковой стеной росписью в Феодосийском карантине, осуществляла ремонт Ханской дворцовой мечети в г. Бахчисарае, мавзолеев (тюрбе) Марии Потоцкой и в бахчисарайском предместье Азис и некоторых надгробных памятников на ханском кладбище. ТУАК обращала внимание Археологической комиссии на печальное состояние мангупских и других пещерных церквей, развалин церкви Св. Андрея близ водопада Джур-Джур, а также древней церкви в деревни Демерджи близ Алушты, на необходимость охраны древних сооружений близ Казачьей бухты, связанных с именем Св. Климента, в связи с предполагавшимся здесь сооружением зданий для нужд военного ведомства. Благодаря стараниям Комиссии были реставрированы древние мечети в д. Карагоз и Кулеч-Мечеть Феодосийского уезда, и прилагались старания к сохранению и ремонту мечети Эшиль-Джами в Бахчисарае [5, с. 308].

Екатеринославская ученая архивная комиссия обращалась в 1903 году в Екатеринославскую земскую управу с предложением о реставрации совместными усилиями так называемой «екатерининской мили» 1787 и еще двух аналогичных памятников, сохранившихся в Екатеринославском уезде, которые были построены в знак пребывания Екатерины Второй в Екатеринославе [18, с. 3]. Обсуждались вопросы охраны и реставрации надмогильных запорожских крестов второй половины XVIII в. С этой целью принято обращение к местной церковной власти с просьбой принять меры по охране этих выдающихся исторических памятников [19, с. 188]. Усилиями членов Архивной комиссии было упорядочено могилу казака Лазаря Глобы – одного из первых жителей Екатеринослава, основателя Потемкинского сада [20, с. 197], а на месте крепости Кодак в 1910 году установлен памятник Б. Хмельницкому и запорожцам [10, с. 142].

Таким образом, ученые архивной комиссии Юга Украины на протяжении своей истории обнаруживали явное стремление к изучению и популяризации культурного наследия края. С этой целью они предпринимали его исследование в археологическом отношении, проявляли заботу об обеспечении сохранности древностей, способствовали привлечению к этой работе местных краеведов, всех неравнодушных к па-

мятникам старины. Формы работы каждой архивной комиссии отличались в зависимости от конкретных местных условий. Так, ТУАК значительное внимание уделяла изучению и охране многочисленных крымских археологических и архитектурных памятников. Однако деятельность комиссий в данном направлении не была достаточно эффективной. Недостаток археологических знаний и навыков остро ощущался сотрудниками комиссии, сказывался на объеме и качестве проводившихся комиссиями изысканий. Кроме того, причиной недостаточного развития памятниковедческой работы являлась нехватка денежных средств. Комиссии ограничивались разведками, т.к. раскопки были слишком дорогостоящим видом археологических работ, осуществлялись зачастую за счет личных сбережений ее членов. Негативно сказывалось на результатах памятникоохранительной деятельности отсутствие законодательства в области охраны памятников, неопределенность правового статуса самих комиссий.

Источники и литература

1. Заремба С. Українське пам'яткознавство : історія, теорія, сучасність / С. Заремба / Центр пам'яткознавства НАН України ; УТОШК. – К., 1995. – 447 с.
2. Непомнящий А. А. Найстаріше історико-краєзнавче товариство в Криму / А. А. Непомнящий // Пам'ять століть. – 1998. – № 6. – С. 66–71.
3. Протоколи засідань ТУАК за 24 января 1887 г. – 30 мая 1887 г. // ИТУАК.– Симферополь, 1887. – № 1. – С. 1–24.
4. Протоколы заседаний ТУАК за 5 сентября 1890 г. – 13 декабря 1890 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1891. – № 11. – С. 154–169.
5. Маркевич А. И. Судьба памятников древности в Тавриде / А. И. Маркевич // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – С. 267–315. – (Серия: «Библиография крымоведения» ; вып. 3).
6. Непомнящий А. А. Из истории подготовки «Археологической карты Крыма» : по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем / А. А. Непомнящий // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини : зб. наук. пр. з мистецтва, архітектурознавства і культурології. – К. : Вид. дім А+С, 2006. – Вип. 3, ч. 2. – С. 127–142.
7. Великий князь Александр Михайлович в Херсонском музее и общественной библиотеке // Юг. – 1901. – 19 июня. – № 944. – С. 1–2.
8. Былкова В. П. Археологическая деятельность В. И. Гошкевича / В. П. Былкова // Проблемы археологии Северного Причерноморья : к 100-летию основания Херсонского музея древностей : тез. докл. юбил. конф. – Херсон, 1990. – Ч. 3. – С. 67–69.
9. Синявский А. Археологические находки у Екатеринослава и раскопки на Мандриковке / А. Синявский // Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии. – 1911. – Вып. 7. – С. 125–133.

10. Стрижова І. А. Історичні умови та напрямки пам'яткоохоронних досліджень кінця XIX – початку XX ст. : Катеринославська архівна комісія / І. А. Стрижова // Історія і культура Придніпров'я : зб. праць. – К., 2009. – С. 138–145.
11. Протоколи засідань ТУАК за 27 августа 1887 г. – 20 октября 1887 г. // ИТУАК. – 1887. – № 2. – С. 1–8.
12. Протоколы заседаний ТУАК за 10 марта 1894 г. – 3 декабря 1894 г. // ИТУАК. – 1894. – № 21. – С. 118–140.
13. Отчет о деятельности Таврической архивной комиссии за 1894 г. // ИТУАК. – 1895. – № 22. – С. 126–129.
14. Протоколы заседаний ТУАК за 22 февраля 1896 г. – 11 апреля 1896 г. // ИТУАК. – 1896. – № 25. – С. 159–165.
15. Протоколы заседаний ТУАК за 27 марта 1899 г. – 15 ноября 1899 г. // ИТУАК. – 1899. – № 30. – С. 94–125.
16. Отчет о деятельности Таврической архивной комиссии за 1897 г. // ИТУАК. – 1898. – № 28. – С. 186–189.
17. Хлівнюк О. В. Охорона культурної спадщини в Криму (1887–1941 рр.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 26.00.05 «Музеєзнавство. Пам'яткознавство» / Олександр Віталійович Хлівнюк. – К., 2009. – 20 с.
18. Отчет о деятельности Екатеринославской ученой архивной комиссии (16 марта 1903 г. – 1 ноября 1904 г.) // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. – 1904. – Вып. 1. – С. 1–9.
19. Протокол № 3 заседания Екатеринославской ученой архивной комиссии 30 сентября 1903 г. // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. – 1904. – Вып. 1. – С. 185–190.
20. Протокол № 4 заседания Екатеринославской ученой архивной комиссии 30 ноября 1903 г. // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. – 1904. – Вып. 1. – С. 191–200.

Кармазіна Н.В. Пам'яткознавча діяльність вчених архівних комісій на Півдні України в останній чверті XIX – на початку XX століття.

Проаналізовано роль вчених архівних комісій Півдня України з вивчення і збереження об'єктів культурної спадщини в останній чверті XIX – початку XX ст. Позначені основні причини звернення вчених архівних комісій до збереження старожитностей краю. Відзначено, що основними формами пам'яткознавчої роботи вчених архівних комісій стали організація експедицій для обстеження старожитностей, виявлення археологічних об'єктів шляхом археологічних розвідок, посилення участі у проведенні розкопок під керівництвом столичних фахівців та узагальнення відомостей про існуючі пам'ятки, клопотання перед місцевими органами влади, звернення до Археологічної комісії з питань збереження старожитностей, популяризація культурної спадщини через періодичні видання, участь в обговоренні ремонту та реставрації місцевих пам'яток. Підкреслено, що форми роботи архівних комісій Півдня України відрізнялися залежно від конкретних місцевих умов.

Ключові слова: Південь України, пам'яткознавча робота, вчені архівної комісії, культурна спадщина, старожитності.

Karmazina N. V. Monument Watching Activities of Archival Commissions Scientists in the South of Ukraine in the last quarter of the XIX early XX centuries

The article shows the role of scientific archive committee of the South of Ukraine on the study and conservation of cultural heritage in the last quarter of the XIX early XX centuries. It is identified the main reasons for issuing commissions for archival scientists preservation of antiquities edge. It is noted that the main forms of monument watching archival commissions scientists have become an organization of expeditions to survey the antiquities, the identification of archaeological sites of archaeological reconnaissance, active part in carrying out the excavations under the direction of the capital professionals and synthesis of existing information on the monuments, the petition to the local authorities, referral to the Archaeological Commission on the preservation of antiquities, of the cultural heritage through periodicals, participate in discussions, repair and restoration of local monuments. It is emphasized that the form of archival commissions of Southern Ukraine differed according to the specific local conditions.

Key words: South of Ukraine, monument watching work, archival commission scientists, the cultural heritage of antiquity.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК: [351.853:726] (477.75) [194/196]

А. А. СОКОЛОВ

**Руйнування і охорона археологічних пам'яток
у Криму (кінець 40-х – 60-ті рр. ХХ ст.)**

Репрезентовано заходи з охорони та використання археологічних пам'яток Криму наприкінці 40-х – у 60-х рр. ХХ століття. На основі широкого кола неопублікованих джерел розкрито діяльність державних органів влади у цьому напрямку. Через призму культурної політики Радянського уряду продемонстровано ставлення до пам'яток з боку місцевої влади. Наведено аналіз прийнятих практичних заходів та їх ефективності. Особливу увагу приділено знищенню та пошкодженню пам'яток. Приведено найбільш показові в цьому плані приклади. Виокремлено основні причини, що приводили до їх руйнування. Окреме значення відводиться впливу господарської діяльності та освоєння земель під будівництво на стан археологічних пам'яток. Висвітлено участь музеїв в охороні пам'яток. Праналізовано масштабні роботи з консервації та реставрації руїн Херсонесу.

Ключові слова: археологічні пам'ятки, охорона пам'яток, розкопки, руйнування, реставрація, консервація, Крим.

Проблема збереження історико-культурної спадщини України викликана наростаючою загрозою його знищення від дій природних і антропогенних факторів та набуває все більшого значення. Особливо це стосується пам'яток історії та археології, іноді є єдиними свідченнями минулого народів нашої країни. Саме вони служать незамінним джерелом інформації про культуру, походження багатьох сучасних історичних, соціально-політичних і економічних явищ. Але в силу своєї специфіки, пов'язаної з великою схильністю до руйнування і складністю виявлення, ці пам'ятки визнані найбільш вразливою категорією об'єктів історико-культурної спадщини, що вимагають прийняття термінових охоронних заходів.

Вирішення питань збереження та оптимального використання археологічних пам'яток є актуальним і практично значимим для визначення подальшої стратегії культурної політики України та Криму. У зв'язку з цим, важливим є вивчення накопиченого в цій області історичного досвіду.

Археологічні старожитності є однією з найчисленніших категорій пам'яток історії та культури на Кримському півострові. Вони репрезентовані всіма видами об'єктів: поселенськими (стоянками, селищами, городищами, антропогенними печерами, залишками оборонних споруд, культурним шаром міських і сільських поселень); похоронними (курганними та ґрунтовими могильниками); ритуально-культовими (святилищами, жертовниками, будівлями церков); скарбами; одиночними знахідками артефактів та інше.

Заявлена нами проблема в кримознавчій літературі висвітлена недостатньо і досі не була предметом спеціального наукового дослідження. Єдиними роботами з цієї теми є монографія Н. В. Кармазіної «Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму, 1954–1991 рр.» та низка її статей [1]. У зв'язку з цим назріла необхідність комплексного вивчення даної проблеми на основі виявлених нами архівних джерел.

До середини 60-х рр. XX ст. контроль за охороною пам'яток історії та археології в СРСР був обов'язком виключно державних органів. У перші повоєнні роки його виконував Комітет у справах культурно-освітніх установ (Культпросветустанов) при Раді Міністрів РРФСР. Безпосередньо в Кримській області цими питаннями завідували відповідні підрозділи в структурі обласного, районних, міських і сільських виконавчих комітетів [2, с. 157]. Але в умовах загальної розрухи, нестачі фінансування їх діяльність була сильно обмежена. Охороні приділялося мало уваги. Проводилися лише ремонтно-реставраційні робо-

ти, які носили епізодичний характер і в основному стосувалися пам'яток архітектури [3, арк. 23].

Першочерговим завданням радянської держави в той час було відновлення зруйнованого під час Великої Вітчизняної війни народного господарства, житлового фонду, соціальних та культурно-освітніх установ. Через гостру нестачу будівельних матеріалів поширеним явищем став цілеспрямований видобуток каменю з археологічних пам'яток. Подібні варварські дії тоді не вважалися чимось незвичайним, а часом навіть заохочувалися владою. Так у 1947 р. установи тресту «Севастопольмськбуд» протягом двох місяців практично повністю розібрали чотири башти середньовічної фортеці Каламіта. Попри численні сигнали вчених і громадськості, місцеві влади намагалися не помічати, що відбувається [4, арк. 101]. Зупинити знищення пам'ятки вдалося тільки завдяки рішенням Ради Міністрів РРФСР від травня 1948 року про надання території Каламіти і Інкерманського печерного монастиря статусу державного історико-архітектурного заповідника [5, с. 64–67]. Але до того часу пам'ятці вже було завдано непоправної шкоди.

Важливою подією в розвитку пам'яткоохоронної справи стало прийняття Радою Міністрів СРСР постанови «Про заходи щодо поліпшення охорони пам'яток культури» від 14 жовтня 1948 року. Цей документ визначив стратегію державної охорони і використання пам'яток аж до середини 1970-х років. Відтепер безпосередній нагляд за утриманням пам'яток покладався на місцеві органи влади – виконкоми обласних, районних, міських Рад депутатів. Заборонялося змінювати, перебудовувати, переміщати, зносити пам'ятники без особливого дозволу [6, с. 65–67]. Додатково до постанови стверджувалося «Положення про охорону пам'яток культури», яке окремо регламентувало правила охорони пам'яток археології [7, с. 68].

Загальнообов'язковою умовою для проведення розкопок стало отримання спеціальних дозволів – «Відкритих листів» від Академії наук СРСР і союзних республік, зареєстрованих у Комітеті зі справ культурно-освітніх установ (далі – Культпросветустанов) республіки, на території якої знаходилася пам'ятка [7, с. 70].

Виконавчі комітети місцевих рад були зобов'язані через місцеві органи Культпросветустанов не допускати використання археологічних пам'яток в якості будівельного матеріалу, а також в будь-яких господарських цілях. Припиняти самовільні розкопки та інші дії, що тягнуть до руйнування пам'яток. Встановлювати навколо них охоронні зони і стежити за їх недоторканністю [7, с. 71]. У виняткових випадках, коли

був дозвіл на знесення або переробку пам'ятки, органи охорони зобов'язані організувати його наукове дослідження і фіксацію. Пов'язані з цим витрати мали брати на себе установа або організація, що отримувала даний дозвіл [7, с. 70].

Позитивна, з точки зору захисту пам'яток, постанова фактично була далека від абсолютного виконання. На це відкрито вказувала спеціальна нарада, проведена в листопаді 1949 р. Кримським філіалом Академії Наук СРСР. У підсумковій доповіді її учасники нарікали, що причиною незадовільного стану охорони пам'яток всіх категорій в Кримській області, в першу чергу, було безвідповідальне ставлення до пам'яткоохоронної справи з боку керівництва, а також те, що районні та сільські ради депутатів, на яких було покладено завдання збереження пам'яток, не ставилися відповідально до цих питань» [8, арк. 52]. Тут же підкреслювалося: «Стародавні споруди, руїни в межах міста, старовинні фонтани та інші пам'ятки залишаються місцями звалищ і неприпустимо забруднені, в силу чого недоступні для огляду» [9, арк. 63].

У розвиток зазначеної постанови, 28 травня 1949 року Рада Міністрів УРСР затвердила інструкцію «Про порядок обліку, реєстрації та змісту археологічних та історичних пам'яток на території РРФСР» [10]. Керуючись Інструкцією, в 1949–1950 рр. обласним відділом Культпросветустанов за участю Сектора історії та археології Кримської філії АН СРСР була проведена детальна паспортизація більш ніж 1600 археологічних пам'яток, яка ще раз підтвердила їх жалюгідний стан. Всупереч постановам Ради Міністрів СРСР, випадки хижацьких руйнувань з метою видобутку будівельного матеріалу почастишали. Непоодинокими були факти ломки каменю з пам'яток місцевими мешканцями [11, арк. 56]. Значних пошкоджень зазнали стародавні поселення і могильники в Кизил-Кобінській ущелині, а так саме унікальна пам'ятка палеоліту – Чокурчинська печера. У Сімеїзі трест «Кримакадемстрой», прокладаючи шосейну дорогу через природно-історичний заповідник «Гора Кішка», використовував камінь з розташованих поруч таврських поховань (таврських ящиків) [12, арк. 57]. При будівництві військового аеродрому, на початку 50-х рр. ХХ століття було знесено клери так званого Страбонового Херсонесу IV ст. до нашої ери [13, арк. 34]. У 1949 р. в околицях Севастополя було знищено шість пізньоантичних гробниць, одна з яких представляла виняткову епіграфічну цінність [14, арк. 1].

Загальною проблемою для всіх історико-археологічних заповідників була недостатня кількість сторожової охорони, що давало можли-

вість безперешкодно проникати на їх територію. У важкому становищі перебували пам'ятки Керченського півострова. Їх охороною, на основі багаторічних традицій, займався Керченський історико-археологічний музей. Але в його штаті не було достатньої кількості сторожів, щоб організувати відповідний нагляд за всіма об'єктами. Археологічні експедиції, які працювали в Керчі, не забезпечували охорону досліджуваних ними городищ. Прямо з розкопів місцевим населенням і військовими частинами вилучався камінь і вивозилася земля [15, арк. 60]. На території античних міст Тірітака, Мірмекій і Парфеній аж до початку 60-х рр. розташовувалися господарські та житлові споруди, зведені ще в 1945 році [15, арк. 27]. Під загрозою затоплення ґрунтовими водами був склеп Деметри II ст. до н. е. Пошук шляхів зниження вологи нащтовхнув працівників Керченського краєзнавчого музею на малоефективний спосіб осушення склепу за допомогою кам'яної солі [17, с. 70]. Місцезнаходження більшості склепів не було нанесено на план міста і не позначалося топографічно [18, арк. 60].

Про незадовільний стан охорони пам'яток повідомлялося у рішенні Кримоблвиконкому «Про заходи поліпшення охорони пам'яток Кримської області» від 25 серпня 1953 року. Вказувалося, що території окремих пам'яток та заповідників перебувають в антисанітарному стані. Феодосійський міськвиконком, Сімферопольський і Чорноморський райвиконкоми допустили розбирання стін генуезьких і античних пам'яток. Кошти, що відпускалися на ремонт і реставрацію пам'яток з обласного бюджету, повністю не освоювалися і нерідко використовувалися на інші потреби. Обласний відділ архітектури, управління культури і головні архітектори міст погано виконували свої обов'язки з нагляду за станом пам'яток. Міським та районним виконкомом суворо заборонялося забудовувати охоронні зони, здавати в оренду і перебудовувати пам'ятки без погодження з обласним відділом архітектури та управлінням культури [19, арк. 80–81].

З організації в 1953 р. Міністерства культури СРСР і аналогічних міністерств у союзних республіках стала змінюватися державна система охорони культурної спадщини. Тепер вся діяльність з охорони пам'яток археології зосереджувалася в цих установах. Вони здійснювали керівництво пам'яткоохоронними заходами в областях через обласні управління культури, в районах та містах через районні та міські відділи культури. Але, разом з цим, суттєво було скорочено штат їх співробітників, що неминуче позначилося на ослабленні уваги до культурної спадщини [1, с. 38].

До кінця 50-х – початку 60-х рр. ХХ ст. нігілістичне ставлення до пам'яток історії та культури фактично було введено в ранг державної політики. М. С. Хрущов різко засуджував витрачання коштів на їх охорону. Примітним є його виступ на січевому пленумі ЦК КПРС в 1961 р., на якому будь-які ремонтно-реставраційні роботи оголошувалися «марнотратством народних коштів» [20, с. 601–603].

Проголошені політичні установки швидко стали програмою дій не тільки для відповідних республіканських інстанцій, але й для окремих керівників колгоспів, підприємств і організацій, з вини яких загинуло чимало культурних цінностей. Так, колгоспом ім. В. П. Чкалова Бахчисарайського району в даний період було зруйновано 20 курганів. Аналогічна доля спіткала шість скіфських курганів у селі Піонерське Сімферопольського району, втрачених при проведенні будівельних робіт [21, арк. 36]. Через самовільні оранки території, Севастопольським лісгоспом в 1961 р. було повністю зруйновано 14 херсонеських клеров, які перебували на державному обліку [22, арк. 46]. Розкраданню каменю піддалися ранньотаврське і скіфське городища біля станції Чистенька Сімферопольського району [23, арк. 10]. При підготовці території для видобутку каменю, відведеної Альмінському кар'єрному управлінню, було знесено бульдозерами сармато-аланський могильник V–VI ст. н. е. [24, арк. 21]. Трагічна доля спіткала оборонні споруди столиці скіфської держави – Неаполя Скіфського. До середини 60-х рр. від них майже нічого не залишилося [25, арк. 36]. Во всіх перелічених випадках, місцеві та обласні органи влади, знаючи про ці факти, не перешкоджали знищенню пам'яток.

Єдиними, хто дійсно піклувався про збереження археологічної спадщини Криму, були музеї та наукова громадськість. Найбільш показовою у цьому відношенні є діяльність Херсонеського історико-археологічного музею. Розуміючи важливість проведення консерваційних робіт у 1957 р., в музеї була створена спеціальна реставраційна комісія. У коло її обов'язків входив нагляд за пам'ятками Херсонеса і його округи. За сприяння Центральних реставраційних майстерень АН СРСР та УРСР фахівцями комісії були розроблені методики консервації та визначено черговість робіт. Як приклад брався досвід попередніх років. Головна увага відводилася оборонним стінам Херсонесу, їх західному і південно-східному флангам. На городищі комісія виокремила одинадцять пам'яток: сім середньовічних храмів і чотири житлові споруди античної епохи. Планувалося за 5–10 років привести їх у зразковий стан [26, с. 63].

Роботи здійснювалися протягом 1957–1961 рр. За цей час вдалося провести консервацію і часткову реставрацію рекордної кількості пам'яток городища. У списку об'єктів – стародавні ворота і середньовічна вежа. Сенсаційні результати принесли роботи на вежі Зенона. При зачистці з неї було вилучено 345 фрагментів надгробних пам'яток та архітектурних деталей, серед яких 165 зберегли залишки поліхромного розпису, а 42 мали написи.

Консервація, проведена на південно-східній ділянці оборонних стін Херсонеса в 1957–1961 рр., стала наймасштабнішою за обсягом, використанням техніки і спеціально розроблених методик в Радянському Союзі. Але через припинення фінансування роботи були зупинені [27, арк. 69].

На рубежі 50–60-х рр. ХХ століття справа збереження пам'яток археології зіткнулося з ще однією проблемою – інтенсифікацією забудови міст. У роки семирічки 1959–1965 рр. всією країною набуло широкого розмаху житлово-комунальне, промислове та курортне будівництво. Забудовники часто ігнорували необхідність попереднього дослідження місцевості на предмет знаходження культурних цінностей. Особливо гостро ця проблема стала при розвитку міської забудови Керчі, Севастополя, Євпаторії та Судака [28, арк. 50]. До середини 60-х років будівельні роботи впритул підійшли до території Херсонського городища, розкопкам на Гераклеїському півострові, руїнам Керкінітиди, пам'яткам Керченського заповідника. У зону суцільної забудови потрапили землі, які мали для археологів великий науковий інтерес [29].

Ситуація в пам'яткоохоронній справі в СРСР викликала стурбованість провідних вчених і діячів культури. Принципова позиція кращих представників творчих сил була висловлена в листі від 1 лютого 1962 р. на адресу секретаря ЦК КПРС Л. Іллічова. Вона зумовила уряд здійснити низку заходів, спрямованих на розширення ролі музеїв в охороні пам'яток [30, с. 12]. 19 грудня 1962 було видано наказ Міністерства культури УРСР «Про долю музеїв в охороні та популяризації пам'яток історії, археології та мистецтва», у завдання яких входило «перевіряти стан охорони і збереження пам'яток культури та доповідати про наслідки обласним управлінням культури». Документ визначав базові музейні установи, на які покладалася така робота. У Криму це був Кримський обласний краєзнавчий музей, а в Севастополі – Херсонський історико-археологічний музей [31, с. 412].

У 1963–1964 рр. відповідно до наказу Міністерства культури УРСР була проведена паспортизація пам'яток історії, археології та мистецтва.

За її підсумками в Кримській області було зареєстровано 886 пам'яток, у тому числі 438 археологічних [32, арк. 1–2]. Однак дана акція була типовою радянською компанією, спрямованою на показову демонстрацію турботи партії про культурну спадщину країни. Обласна влада під час паспортизації прагнула продемонструвати обсяг виконаних робіт, а не реальний стан пам'яток.

Ставлення до охорони пам'яток стало поліпшуватися тільки після Жовтневого пленуму ЦК КПРС 1964 р., на якому М. С. Хрущов був усунений від влади. Відразу після цього почалася робота з виявлення та постановки на облік всіх найбільш цінних пам'яток мистецтва, історії та археології. 21 липня 1965 р. УРСР затвердив список з 374 пам'яток республіканського значення [31, с. 115].

Безпрецедентним кроком в охороні археологічної спадщини стало прийняття Севастопольським виконкомом рішення «Про заходи щодо подальшого поліпшення охорони архітектурно-археологічних пам'яток» від 5 липня 1966 р., яке забороняло розробку проектів забудови та виділення земель без попереднього узгодження з Херсонеським музеєм. Вперше музей наділявся повноваженнями інстанції загальнообов'язкового державного узгодження. До цього, навіть створення генеральних планів міста проходило без врахування думок фахівців-археологів [33, арк. 66].

Позитивне значення даного рішення високо оцінили учасники Всесоюзного семінару-наради «Консервація архітектурно-археологічних пам'яток південних районів СРСР», який пройшов в Криму 17–22 жовтня 1966 р. Держбуд СРСР рекомендував поширити такий досвід і в інших містах. [34, арк. 57]. Але не скрізь цей заклик був почутий. Зокрема, в генеральному плані Керчі, складеному на початку 1970-х рр., взагалі був відсутній розділ «охорона пам'яток», а під суцільну забудову потрапляли охоронні зони пам'яток всесоюзного значення [35, с. 3].

З початку 70-х рр. ХХ століття в Криму почалося ще більш активне будівництво та освоєння земель. Плани п'ятирічного розвитку 1971–1975 рр. вимагали від місцевої влади якнайшвидшого зведення промислових об'єктів і розвитку сільського господарства. У зв'язку з цим бурхливо почала розвиватися охоронна археологія. Самі археологічні роботи вже не встигали за темпами будівництва. Наочний приклад цьому – розширення міської межі Севастополя і Керчі, де унаслідок великих масштабів будівництва, обстеження території доводилося проводити у вкрай стислі терміни, що в свою чергу позначалося на їх якості [36, арк. 40].

Для запобігання можливих руйнувань була розроблена програма комплексних дій державних і громадських організацій, підсумком якої повинно було стати реальне поліпшення охорони пам'яток. Планувалося протягом кінця 60-х початку 70-х рр. XX століття встановити охоронні знаки та інформаційні дошки на найбільш цінних археологічних пам'ятках, визначити їх охоронні і заповідні зони, збільшити матеріальне і наукове забезпечення реставраційних робіт [31, с. 84]. Однак, цей процес сповільнювали численні суперечки, які виникали при розмежуванні земель, а також бездіяльність виконавчої влади на місцях. Зрештою програма залишилася нереалізованою [37, арк. 65].

Таким чином, археологічні пам'ятки Криму протягом 50-х – 60-х рр. XX ст. були однією з найменш захищених категорій культурної спадщини. Плани соціально-економічного розвитку регіону йшли в розріз необхідності їх охорони. У перші повоєнні роки відновлення зруйнованих міст в найкоротші терміни стало причиною фактично безконтрольного знищення пам'яток з метою видобутку каменю. Держава вживала спроби надати пам'яткоохоронній справі більш регламентованого характеру. Для цього було видано низку постанов, спрямованих на нормативно-правове забезпечення цієї сфери. Однак, незважаючи на всі позитивні сторони таких рішень, на ділі вони виявилися далекими від абсолютного виконання. У першу чергу з вини місцевої влади часто байдуже ставилися до пам'яток. Районні та міські виконкоми, часом свідомо не реагували на численні факти порушень діючого законодавства. У період правління М. С. Хрущова у державному та партійному керівництві знову взяла гору ідеологія нігілізму і утилітаристські погляди. Припинилося фінансування будь-яких ремонтно-реставраційних робіт, що ще більше призвели до занепаду пам'яток. З початку 60-х рр. XX століття у зв'язку з широким розмахом будівельних робіт і сільськогосподарського освоєння земель все частіше руйнувалися археологічні пам'ятки. Плани радянських «п'ятирічок» вимагали якнайшвидшого зведення цивільних і промислових об'єктів. Темпи археологічних досліджень вже не встигали за темпами будівництва. Часто будівництво проходило взагалі без будь-якого узгодження з археологами на землях, які мали наукову цікавість. Окремі заходи, що вживалися місцевою владою, в цілому не могли кардинально змінити на краще систему охорони пам'яток. Подальший розвиток пам'яткоохоронної справи вимагав створення єдиного, уніфікованого законодавства з чітким позначенням норм і правил охорони, а також відповідальності за їх порушення.

Джерела та література

1. Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / Н. В. Кармазіна / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського ; за ред. А. А. Непомнящого. – Сімферополь, 2005. – 177 с. – (Серія: «Бібліографія кримознавства»; вип. 4); Кармазіна Н. В. З історії збереження історико-культурної спадщини в Криму в 60–80-х роках ХХ ст. / Н. В. Кармазіна // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 111–116.
2. Полякова М. А. Охрана культурного наследия в России: уч. пособ. для вузов / М. А. Полякова. – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.
3. Державний архів в Автономній Республіці Крим (далі – ДААРК), ф. Р-3385, оп. 1, спр. 4.
4. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 2, спр. 3.
5. Охрана памятников истории и культуры: сб. док. / сост. Г. Г. Анисимов. – М., 1973. – 191 с.
6. О мерах улучшения охраны памятников культуры: Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г., № 3898 // Охрана памятников истории и культуры : сб. док. / сост. Г. Г. Анисимов. – М., 1973. – С. 65–67.
7. Положение об охране памятников культуры: Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года № 3898 // Охрана памятников истории и культуры : сб. док. / сост. Г. Г. Анисимов. – М., 1973. – С. 65–67. – С. 68.
8. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
9. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
10. Инструкция о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР // Сборник постановлений Совета Министров РСФСР. – 1949. – № 3. – Ст. 30.
11. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
12. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
13. Державний архів міста Севастополя (далі – ДАМС), ф. Р-183, оп. 1, спр. 88.
14. ДАМС, ф. Р-183, оп. 1, спр. 30.
15. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
16. ДААРК, ф. Р-3319, оп. 1, спр. 4.
17. Дорофієнко І. Проблеми реставрації склепу Деметри в Керчі / І. Дорофієнко // З історії української реставрації / за ред. Н. В. Тимофієнка. – К.: Українознавство, 1996. – 276 с.
18. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 1, спр. 147.
19. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 2, спр. 4.
20. Пленум ЦК КПСС (10–18 января 1961 г.): стенографический отчет. – М., 1961. – 648 с.
21. ДААРК, ф. Р-4584, оп. 1, спр. 1.
22. Національний заповідник «Херсонес Таврійський», науковий архів (далі – НЗХТ НА), спр. 1107.
23. ДААРК, ф. Р-3385, оп. 2, спр. 4.
24. ДААРК, ф. Р-1195, оп. 4, спр. 133.
25. ДААРК, ф. Р-4584, оп. 1, спр. 1.

26. Стрежелецкий С. Ф. Консервация памятников Херсонеса в 1957–1958 гг. / С. Ф. Стрежелецкий // Сообщения Херсонесского музея I / под ред. И. А. Антоновой, В. В. Борисовой. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – Вып. № 1. – С. 63–68.
27. НЗХТ НА, спр. 1216.
28. ДАМС, ф. Р-504, оп. 1, спр. 38.
29. Секиринский С. А. Крепость в Судаке : научно-популярный очерк и путеводитель / С. А. Секиринский, О. В. Волобуев, К. К. Когонашвили. – Симферополь : Таврия, 1983. – 112 с. ; НЗХТ НА, спр. 1459, арк. 2–3 ; НЗХТ НА, спр. 1216, арк. 57.
30. Войналович В. А. Досвід і проблеми охорони пам'яток історії та культури в 60–80-х роках / В. А. Войналович // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в УРСР / Ін-т історії АН УРСР : у 6 ч. – К., 1989. – Ч. 4. – 153 с.
31. Законодавство про пам'ятники історії та культури: Зб. нормативних актів / під ред. О. Н. Якименка. – К. : Політвидав України, 1970. – 464 с.
32. ДААРК, ф. Р-3319, оп. 4, спр. 61.
33. НЗХТ НА, спр. 1216.
34. Там само.
35. Яковенко Э. И. Бульдозер на Митридате // Советская культура. – 1988. – 14 июля. – С. 3.
36. НЗХТ НА, спр. 1898.
37. Больше заботы охране памятников // Керченский рабочий. – 1976. – 29 июня. – С. 3; НЗХТ НА, спр. 1460, арк. 36; НЗХТ НА, спр. 1250, арк. 65.

Соколов А. А. Разрушение и охрана археологических памятников в Крыму (конец 40-х – 60-е гг. XX века)

Освещены вопросы охраны и использования археологических памятников Крыма в конце 40-х – 60-х годов XX века. На основе широкого круга неопубликованных источников раскрывается деятельность государственных органов в этом направлении. Через призму культурной советской политики продемонстрировано отношение к памятникам со стороны местных властей. Приводится анализ принятых практических мероприятий и их эффективности. Большое внимание уделяется уничтожению и повреждению памятников. Приведены, наиболее показательные в этом плане примеры. Выделяются основные причины, которые приводили к их разрушению. Особое значение придается влиянию хозяйственной деятельности и освоению земель под строительство, состоянию археологических памятников. Освещается участие музеев в охране памятников. Анализируются масштабные работы по консервации и реставрации руин Херсонеса.

Ключевые слова: археологические памятники, охрана памятников, раскопки, разрушения, реставрация, консервация, Крым,

Sokolov A. A. Destruction and Protection of Archaeological Sites in the Crimea (late 40's – late 60-ies of XX century)

The article is dedicated to the protection and use of archaeological sites of the Crimea in the late 40's – 60's of the XX century. On the basis of a wide range of unpublished

sources revealed the activity of state bodies in this direction. Through the prism of Soviet cultural policy demonstrated by the ratio of the monuments to the local authorities. The analysis of the practical measures taken and their effectiveness. Particular attention is paid to the destruction and damage to monuments. Shows, the most significant in this respect examples. Highlights the main reasons led to their destruction. Particular importance is attached to the influence of economic activities and development of land for construction, the condition of the monuments. Archaeological sites of the Crimea during the period under review was one of the most vulnerable categories of cultural heritage. Plans for socio-economic development of the region were going to cut the need for their protection. In the early postwar years, the problem in the shortest time to restore the ruined city gave rise to virtually uncontrolled destruction of monuments to the quarry. The government has attempted to make the case monuments more regimented nature. To do this, issued a series of regulations to the regulatory and legal framework in this sphere. However, in spite of all the positive aspects of such decisions, in fact, they were far from absolute performance. Primarily due to the fault of the local authorities are often indifferent to the fate of monuments. District and city executive committees sometimes deliberately did not respond to numerous violations of the existing legislation. During the reign of Khrushchev in the state and party leadership once again prevailed ideology of nihilism and utilitarian views. Stop funding any repair and restoration work. As a result, many sites have come to an even greater dilapidation. Since the early 60's., XX century, because of the wide scope of construction work and agricultural land development, more and more of them in the area began to fall archaeological sites. Plans for the Soviet, demanded the speedy construction of civil and industrial projects. The pace of archaeological research has not keep up the pace of construction. Most construction took place at all without any coordination with the archaeologists in the lands are of great scientific interest. Some measures taken by the local authorities as a whole could drastically improve on the existing system of protection of monuments. Further development monuments case required the creation of a single, unified legislative act, with a clear indication of the norms and rules of protection, as well as liability for their violation.

Key words: archaeological sites, health sites, excavation, demolition, restoration, preservation, Crimea.

Подано до друку: 15.05.2013 р.

Раздел V

ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ В ДОКУМЕНТАХ

УДК 908:351.853+347.471.6 (477.75)

К. И. НАГОРНЯК

Новые документы по истории памятникоохранной деятельности в Крыму: Бахчисарайский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины

На основе архивных материалов, выявленных автором в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, проанализирована деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Кратко охарактеризована структура научной организации. Впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные и опубликованные источники. В Крыму деятельность Общества началась в 1916 году. 31 марта 1916 года по инициативе крымскотатарского художника Усеина Абдурефиевича Боданинского было получено согласие Совета Общества на открытие в Бахчисарае его отдела. 5 июля 1916 года таврическому губернатору Н. А. Княжевичу было подано заявление о просьбе регистрации кружка по защите и изучению историко-культурного наследия Бахчисарая. Освещена работа Бахчисарайского отдела Общества. Составлен предположительный список членов этого филиала. Организация принимала активное участие в судьбе Бахчисарайского Ханского дворца. В течение 1917–1919 гг. Бахчисарайскому отделу Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с трудом удалось отстоять целостность и неприкосновенность музея. При Ханском дворце из членов Бахчисарайского отдела Общества был организован совет для организации управления музея, где был впервые выдвинут вопрос о присвоении памятнику статуса Дворца-музея.

3 ноября 1917 года в Бахчисарае был открыт «Национальный татарский музей в Ханском дворце». В том же году одновременно с Национальным татарским музеем в Ханском дворце создается Татарская художественно – промышленная школа. Февральская революция и последующие события разрушили связь Общества с его региональными отделами. Участники Бахчисарайского отделения вошли в региональную секцию Крымского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, природы и народного быта (Крым ОХРИС).

Ключевые слова: Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, Бахчисарайский дворец-музей, У. А. Боданинский, охрана культурного наследия

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины было зарегистрировано в Санкт-Петербурге 20 октября 1909 года [1, с. 5]. Как заметил один из основателей этой научной организации, историк искусства, барон Николай Николаевич Врангель (1880–1915): «Ввиду гибели множества памятников искусства и старины в России, ввиду все возрастающего вывоза сокровищ за границу и полного безучастия к этому русской публики, за последнее время все более и более ощущалась потребность в организации общества, имеющего задачей препятствовать гибели в России культурных вкусов и традиций прошлого» [2]. Таким образом, целью создания нового научного сообщества, определялась защита памятников искусства и старины, имеющих художественное, бытовое и историческое значение, от разрушения и искажения. Под словом «искажение» подразумевалась неумелая реставрация [1, с. 7].

Основными задачами Общества было: 1) препятствие разрушению, поддержание и содействие сохранению в России всех памятников, которые имели художественную или историческую ценность; 2) широкая пропаганда уважения и любви к предметам старины и искусства; 3) публикация единовременных и периодических специализированных изданий; 4) ходатайство перед соответствующими ведомствами и учреждениями в вопросах охраны и реставрации памятников архитектуры; 5) регистрация и учет памятников и художественных собраний в пределах страны [1, с. 8].

По своему составу Общество делилось на действительных и почетных членов. Действительными могли быть как мужчины, так и женщины, достигшие совершеннолетия и сочувствующие задачам научной организации. Студенты, солдаты, юнкера, а также лица, ограниченные правами по суду, не могли стать действительными членами. Принятие проходило посредством закрытого голосования на общем собрании

при обязательной рекомендации одного из участников Сообщества [1, с. 19–20].

Почетными членами организации становились выдающиеся деятели в области искусства и истории в России, или лица, оказавшие особые услуги задачам Общества. Избрание происходило по представлению Совета на общем собрании путем закрытого голосования. Выйти из состава Общества можно было вследствие личного заявления, невыплаты членских взносов либо по определению общего собрания [2].

Органами управления были совет и общее собрание. Совет выбирался на пять лет и состоял из двенадцати человек. Избрание первого состава состоялось 13 марта 1910 года. В него входили: председатель – великий князь Николай Михайлович Романов (1859–1919); товарищи председателя Е. Н. Волков, А. Н. Бенуа; секретарь барон Н. Н. Врангель; казначей князь С. В. Оболенский; члены совета П. П. Вейнер, В. А. Верещагин, В. А. Волкова, С. К. Маковский, А. Ф. Милютина, А. В. Муравьев, графиня В. В. Мусин-Пушкина, княгиня О. А. Оболенская, князь А. В. Оболенский, А. И. Фомин, А. В. Щусев [1, с. 19–20].

Общее Собрание разделялось на обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные собрания созывались не менее одного раза в год. Чрезвычайные – по мере надобности Советом или по письменному заявлению не менее двадцати действительных членов. О созыве заранее сообщалось в повестках или публикацией в газетах за две недели [1, с. 11–12].

21 января 1911 года на Общем Собрании было решено создать отделы Общества за пределами Санкт-Петербурга [3]. К июню 1912 года были открыты филиалы организации: в Смоленске – глава отдела княгиня М. К. Тенишева (1858–1928); в Туле – граф Ю. А. Олсуфьев (1878–1937); в Казани – А. П. Баратынский; в Вильно – генерал-лейтенант В. П. Добужинский (1842–1920) [4].

В 1913 году, благодаря активным усилиям академика архитектуры А. А. Никифорова (1858–?) и Н. Е. Иваньшина (?–1922), открылся отдел в Ярославле [5, с. 14]. В этом же году, по инициативе Северного кружка любителей изящных искусств, открылся отдел Общества в г. Вологде и Александровске Екатеринославской губернии (ныне г. Запорожье). При Ярославском отделе образованы Угличский и Ростовский подотделы [6, с. 14]. В 1916 году был создан отдел и в Бахчисарае.

В Крыму деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины началась еще до официального создания Бахчисарайского отдела в 1916 году. Нами установлено, что членами Общества были известный русский художник, мастер пейзажа

Константин Федорович Богаевский (1872–1943), археолог, этнограф, искусствовед Николай Иванович Репников (1882–1940), историк, археолог Михаил Иванович Ростовцев (1970–1952) [5, с. 48]. Благодаря записке М. И. Ростовцева «О необходимости расследования античных остатков около нынешней Евпатории и желательности основания местного музея в Евпатории», а также письму заведующего Херсонесским музеем Лаврентия Алексеевича Моисеева, направленного на имя городского головы С. Э. Дувана, удалось спасти от застройки территорию Керкинитиды [7 с. 33–35]. Именно вследствие вмешательства Санкт-Петербургского отдела Общества была спасена от застройки территория Херсонеса Таврического [8].

Инициатором создания кружка по защите и изучению историко-культурного наследия Бахчисарая стал крымскотатарский художник, археолог Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1937).

У. А. Боданинский родился 1 декабря 1877 г. в деревне Баданы Симферопольского уезда в семье преподавателя Симферопольского народного татарского училища. Первоначальное образование получил в четырехлетней народной школе, которую окончил в 1888 г. С 1888 по 1897 г. обучался в Симферопольской татарской учительской школе. В 1897 г. поступил в Строгановское художественно-промышленное училище в Москве, где до 1905 г. обучался на декоративном отделении по специальности «художественная индустрия». С 1905 по 1907 гг. преподавал графическое искусство в Симферопольском коммерческом училище. В 1907 г. У. А. Боданинский уехал в деревню Лигачево Московской губернии, где получил должность руководителя художественно-промышленной школы (отделение Строгановского художественно-промышленного училища). В 1909 г. его перевели в Москву, где Усеин Абдурефиевич получил должность преподавателя рисования вечерних классов и заведующего учебной мастерской.

С 1907 по 1909 гг. У. А. Боданинский стажировался в Стамбуле, Париже, Мюнхене и Дрездене. В 1912 году изучал живопись эпохи Возрождения в Италии. С 1911 г. он работал в Санкт-Петербурге художником-декоратором, выполнял эскизы общественных зданий и частных особняков. В 1916 году возвратился в Крым и пытается налаживать научные связи бахчисарайской общественности со столицей [9, с. 20–21].

31 марта 1916 года на имя У. Боданинского поступило согласие Совета Общества на открытие в Бахчисарае его отдела. 5 июля 1916 года Таврическому губернатору Н. А. Княжевичу было подано заявление о просьбе регистрации. В заявлении были изложены задачи Бахчисарай-

ского отдела: «1) регистрация и изучение всех без исключения памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности; 2) устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея, начинания которого существуют в Бахчисарайском бывшем Ханском дворце и в виде частных коллекций у некоторых членов кружка, 3) изыскание средств для поддержания архитектурных памятников, которые в настоящее время находятся в жалком заброшенном виде» [10].

Цели создания Бахчисарайского отдела организации раскрывает дискуссия, возникшая во время доклада выдающегося востоковеда Александра Николаевича Самойловича (1880–1938) «К вопросу об этнографическом изучении Крыма», который обсуждался 29 августа 1916 года на общем собрании Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Развитие крымоведения того времени требовало создания специальной комиссии по изучению исторического наследия крымских татар, которая бы состояла из лиц указанной этнической принадлежности. В будущем предполагалось, что это сообщество должно объединить усилия с Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы [11, с. 134].

Февральская революция поставила в опасное положение многие памятники архитектуры. Благодаря докладной записке Таврическому губернатору от 13 ноября 1919 г. «О положении дворца-музея в г. Бахчисарае за 1917–1919 год» проясняется ситуация, которая сложилась вокруг Бахчисарайского дворца. В 1917 году севастопольскими матросами разрушен памятник 300-летию Дома Романовых, который находился в саду бывшего Ханского Дворца [10]. Как подчеркнул У. А. Боданинский, «все брошено на произвол», стена «в одном месте» между большим двором и ханскими усыпальницами рухнула. Большой двор был «загажен до последней степени», верхняя часть внутренних ворот заколочена досками [12]. Чтобы пресечь угрозу разграбления памятника архитектуры, Временный крымско-мусульманский комитет решил принять Ханский дворец в свое ведение и назначить заведующего-профессионала.

25 сентября 1917 г. на заседании Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета в Бахчисарае состоялся доклад У. А. Боданинского о состоянии Ханского дворца. 26 сентября комитет постановил взять архитектурный памятник под свою протекцию и в контакте со свободными Российскими ученым обеспечить ему должную неприкосновенность. Временным директором дворца был

избран член Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета, художник Усеин Боданинский. Вместе с ним за памятник отвечал Ибраим Озенбашлы.

Копии указанного постановления были предоставлены комиссару по делам бывшего Министерства императорского двора Ф. А. Головину (1867 – 1937), Таврическому губернскому комиссару Н. Н. Богданову (1875–1930), исполнительному комитету Севастопольского совета рабочих солдатских и матросских депутатов, в Петроградскую Археологическую комиссию и в Бахчисарайское городское общественное управление [13].

Таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов по предварительному согласованию с Временным правительством в Петрограде (от 30 сентября 1917 № 1775) приказом от 4 октября 1917 года № 57 назначил У. А. Боданинского заведующим музеем. «Комиссия по защите и сохранению памятников искусства и старины при Временном правительстве дала благоприятный отзыв о художнике Усеине Боданинском, лично известном членам Комиссии по его художественной деятельности в городе Петроград». Крымско-мусульманский комитет был извещен в тот же день [10].

При Ханском дворце из членов Бахчисарайского отдела Общества был организован совет для организации управления музея. Именно на этом совете, впервые выдвинут вопрос о присвоении памятнику статуса Дворца-музея [10].

3 ноября 1917 года в городе Бахчисарае был открыт «Национальный татарский музей в Ханском дворце» [14]. В тот же день начали функционировать преобразованная на новых началах «Зынджирлы-медресе», учительская семинария имени Исмаила Гаспринского и Тарсарская художественно-промышленная школа.

Одним из важных пунктов обсуждения на заседаниях совета музея было принятие ряда мер по проведению ремонта дворца, а также повышению доходности учреждения. В период 1917–1919 годов удалось приобрести в коллекции музея 800 новых художественно-исторических экспонатов и увеличить его фонды до 1000 предметов старины и искусства. Введена плата за просмотр экспозиций; усилен уход за фруктовыми садами, цветочными оранжереями; посажены новые фруктовые деревья, приглашен садовник Ф. Н. Пинзуп. Отремонтированы рухнувшие части стен, оранжерея. Частично восстановлены крыши зданий. Поднят вопрос о серьезном ремонте «Соколиной башни», но из-за отсутствия средств он отложен на более благоприятное время [15].

Согласно смете по управлению Бахчисарайским ханским дворцом и национальным татарским музеем при нем за 1917 ежегодный расход составил 8200 р., а именно: 2400 р. – жалование временному директору; 2000 р. – жалование двум сторожам; 1200 р. – жалование садовнику; 1000 р. – пополнение национального татарского музея; 1000 р. – поддержание исторических памятников и ремонт дворца; 600 р. – жалование сторожу по надзору за историческими памятниками предместий «Азиз» и «Эски-Юрт» около Бахчисарая. Ежегодный приход составил 9750 р., а именно: 450 р. – плата за вход в Ханский дворец в течение пяти месяцев – (май, июнь, июль, август, сентябрь) в среднем 15 человек в день по 20 копеек; 500 р. – доход от продажи урожая фруктов в садах Ханского дворца; 200 р. – доход от продажи сена; 300 р. – доход от культуры и сбыта овощей и цветов; 2000 р. – пособие от Вакуфной комиссии; 1000 р. – пособие от Бахчисарайского городского общественного управления; 1000 р. – сумма от Бахчисарайского общества взаимного кредита; 1800 р. – от шести татарских благотворительных обществ Крыма: Бахчисарайского, Симферопольского, Евпаторийского, Карасубазарского, Ялтинского, Феодосийского (по 300 р.); 2000 р. – сумма от Таврического губернского земства; 500 рублей – 10% сбор с валовой выручки праздников, проходивших на территории дворца [12]. Эти данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, указанная смета, опубликованная 30 сентября 1917 года в газете «Голос татар», не имеет начальной даты. Либо это смета за неполный год, но в названии указано, что она ежегодная. Либо, предполагая, что отчетный период сентября 1916 года, мы имеем полный документ финансовой отчетности за год и это дает нам возможность определить временные рамки начала официальной деятельности Бахчисарайского отдела Общества. Во-вторых, плата за вход составляла 20 копеек и согласно смете вводилась с мая 1917 г. (май – сентябрь). Следует предположить, что такое решение было одобрено Советом музея в апреле или, возможно, в первой декаде мая, то есть до официального открытия музея 3 ноября 1917 г. В-третьих, на поддержание исторических памятников Ханского дворца, а также пополнение Национального татарского музея, выделялись суммы, равные годовому окладу сторожа (1000 и 1000 р. соответственно).

В течение 1917–1919 гг. Бахчисарайскому отделу Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с трудом удалось отстоять целостность и неприкосновенность музея. Хронологию данных событий можно проследить в такой последовательности.

Октябрь 1917 года. Отказано в отведении в здании дворца помещения для канцелярии Бахчисарайского отдела управления вакуфами. Решено не давать помещения в стенах музея никаким официальным учреждениям;

ноябрь 1917 года. Отказано в попытке приспособить «зал судилища» для заседания курултая;

20 декабря 1917 года. Советом дворца было решительно отказано в отведении помещения во дворе под штаб и канцелярию 2-го Крымского конного полка;

начало 1919 года. Удалось отстоять от реквизиции большевиками «графский флигель» дворца.

С мая по август 1918 года в помещениях памятника архитектуры находился штаб 7-го егерского полка германских войск. За это время дворец материально пострадал на 2758 р. Были похищены простыни, одеяла, полотенца, вилки и др. [15].

В 1917 году одновременно с Национальным татарским музеем в Ханском дворце создается Татарская художественно – промышленная школа, директором которой стал Абдрейфин Абиевич Абиев. Как отмечал У. А. Боданинский, «художественно-промышленная школа <...> воспитывает на музейных образцах своих питомцев, будущих мастеров-художников по разным отраслям прикладного искусства <...>. Школа неразрывно связана с музеем, как это принято в школах прикладного искусства в России и Европы. Дворец оказывает этой же школе материальную поддержку представленными инструкторами, мастерами, временными помещениями для жилья» [16]. В данном учебном заведении преподавались русский, крымско-татарский, иностранные языки, география, математика, рисование и черчение. При школе действовали столярная, коврово-ткацкая, вышивальная мастерские, студия по обработке кожи и сафьяна. Работа с учениками осуществлялась в мастерских. При учебном заведении имела типография с русским и крымско-татарским шрифтами. Наборщиком там работал будущий директор Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Мустафа Бекирович Бекиров (1900–1975). Преподаванием черчения и прикладной механики занимался историк, ориенталист, лингвист О.-Н. А. Акчокраклы (1878–1938) [17].

Относительно именного состава членов Бахчисарайского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины фактических данных не выявлено. Однако, существует заявление в Бахчисарайскую Городскую управу для предоставления зала Управы на

2–4 ноября для проведения в нем спектакля. Заявление подписано председателем совета Общества Бахчисарайского дворца-музея У. А. Боданинским, а также его секретарем О.-Н. А. Акчокраклы [18]. Это дает повод предположить, что членом Бахчисарайского отдела был и О.-Н. А. Акчокраклы. Также, возможными членами Бахчисарайского отдела были работники художественно-промышленной школы, а именно Абдурефи Абиевич Абиев, Гафарова Уркуша, Карл Иванович Менстер, Манцурская, И. Д. Рушкин, Мустафа Бекиров. Возможно, членами Бахчисарайского Отдела были бывшие полицмейстеры А. И. Шлейфер и Г. Новицкий, проживавшие в здании Ханского дворца [19].

Февральская революция и последующие события практически полностью разрушили связь Общества с его региональными отделами. Научное сообщество самороспускается. Возможно, Бахчисарайский отдел существовал до 1920 года. Его участники вошли в Бахчисарайскую секцию Крымского отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крым ОХРИС).

Источники и литература

1. Устав Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины / Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. – СПб., 1910. – 20 с.
2. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Известия имп. Археологической комиссии. – 1910. – № 37. – Прил. : Хроника и библиография. – № 18. – С. 59.
3. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Известия имп. Археологической комиссии. – 1911. – № 42. – Прил. : Хроника и библиография. – № 20. – С. 40.
4. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Известия имп. Археологической комиссии. – 1912. – № 46. – Прил. : Хроника и библиография. – № 22. – С. 29.
5. Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1912 год. – СПб., 1913. – С. 35.
6. Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. – СПб., 1914. – С. 44.
7. Кутайсов В. А. Материалы по истории изучения Керкинитиды / В. А. Кутайсов // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3/4. – С. 32–36.
8. Врангель Н. Н. О статье Г. Лукомского Об Обществе защиты и сохранения в России памятников / Н.Н. Врангель // Старые годы. – 1913. – № 5. – С. 55.
9. Мусаева У. К. Народный учитель: документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / У. К. Мусаева; отв. ред. А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2007. – 240 с. – (Серия : «Библиография крымоведения» ; вып. 9).

10. ГААРК, ф. Р-2235 (Таврическое губернское управление внутренних дел при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России), оп. 1, д. 26 (Доклад о передаче Бахчисарайского дворца–музея во введение Временной особой комиссии о вакуфах в Крыму), л. 16. (17. 09. 1919 – 4. 04. 1920).
11. Самойлович А. Н. К вопросу об этнографическом изучении Крыма / А. Н. Самойлович // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – 1916. – № 6. – С. 134.
12. Доклад, прочитанный У. А. Боданинским на заседании Врем. кр.-мус. исп. комит. 26 сент. 1917 г. «О мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму» // Голос татар. – 1917. – 30 сент.
13. ГААРК, ф. 64, оп 2, д. 6, л. 143–145.
14. Празднество 3-го ноября в г. Бахчисарае // Голос татар. – 1917. – 11 ноября
15. ГААРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 26, л. 17.
16. ГААРК, ф. Р-652 (Совет Народных Комиссаров Крымской АССР), – оп.1, д. 47 (Переписка с народным комиссаром просвещения; удостоверения, мандаты, охранные грамоты и отчеты о деятельности Наркомпроса), л. 440–441. (14. 11. 1921 – 23. 10. 1922).
17. ГААРК, ф. 64 (Бахчисарайская городская управа, г. Бахчисарай Таврической губернии), оп 2, д. 8 (Прошение и заявление разных лиц, учреждений и фирм по разным вопросам, а именно: предложения о закупке с/х машин, автомобилей, роликовых шипов, медицинских инструментов, лен для пишущих машин, л. 94. (28. 10. 1916 – 22. 12. 1917).
18. ГААРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 26, л. 4.
19. Там же, л. 9.

Нагорняк К. І. Нові документи з історії пам'яткоохоронної діяльності в Криму: Бахчисарайський відділ товариства захисту та збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини

На підставі нових архівних матеріалів, виявлених автором у Державному архіві в Автономній Республіці Крим, проаналізована історія діяльності Товариства захисту і збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини. Коротко охарактеризована структура наукової організації. Вперше вводяться в науковий обіг деякі архівні та опубліковані джерела. У Криму діяльність Товариства захисту і збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини почалася у 1916 році. 31 березня 1916 р. з ініціативи кримськотатарського художника, археолога Усеїна Абдурефієвіча Боданінського було отримано згоду Ради Товариства на відкриття в Бахчисараї його відділу. 5 липня 1916 р. таврійському губернатору Н. А. Князевич було подано заяву про прохання реєстрації гуртка з захисту та вивчення історико-культурної спадщини Бахчисарая. Висвітлена робота Бахчисарайського відділу Товариства. Складено список діячів цієї філії. Організація брала активну участь у долі Бахчисарайського Ханського палацу. Протягом 1917-1919 рр.. Бахчисарайському відділу Товариства захисту і збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини насилу вдалося відстояти цілісність і недоторканність музею. При Ханському палаці з членів Бахчисарайського відділу Товариства було створено раду для організації

управління музею, де було вперше висунуто питання про присвоєння пам'ятці статусу Палацу-музею. 3 листопада 1917 в Бахчисараї був відкритий «Національний татарський музей в Ханському палаці». У тому ж році одночасно з Національним татарським музеєм в Ханському палаці створюється Татарська художньо - промислова школа. Лютнева революція і наступні події зруйнували зв'язок Товариства з його регіональними відділами. Учасники Бахчисарайського відділення увійшли в регіональну секцію Кримського відділу у справах музеїв і охорони пам'яток мистецтва, старовини, природи і народного побуту (Крим Охріс).

Ключові слова: Товариство захисту та збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини, У. А. Боданінський, охорона культурної спадщини.

Nagornyak K. I. New Documents On the History Of the Protection Of Monuments In the Crimea: The Bakhchisaray's Department Of the Society For the Protection And Conservation in Russia Monuments Of Art And Antiquities

On the basis of new archival materials, founded in the State Archive of the Autonomous Republic of Crimea, discusses the history of the Organization of the protection and preservation in Russian works of art and antiquities. The structure of the scientific organization is briefly described. Firstly some archival and published sources are introduced to the scientific terminology. In Crimea, the Company's activities in the protection and preservation of Russian works of art and antiquities began in 1916. March 31, 1916 due to initiative of the Crimean Tatar artist, archaeologist Usein Abdurefievich Bodaninsky consent was obtained by the Company's Board of discovery in Bakhchisarai it's department. July 5, 1916 Tauride governor N. A. Knyazhevich made application on the request of the registration of a circle on the protection and study of the historical and cultural heritage of Bakhchisarai. Activity of Bakhchisarai department of the Company is elucidated. Compiled a list of putative members of the branch. The organization took an active part in the life of Bakhchisaray Khan's Palace. During the years 1917-1919 Bakhchisarai department of the Company of protection and preservation in Russian works of art and antiquities barely managed to defend the integrity and security of the museum. In the Khan's Palace in Bakhchisaray members of the department organized the Society for management of the museum, where firstly was put forward the issue of assigning the status of the monument to the Palace Museum. November 3, 1917 in Bakhchisarai opened "The National Museum of the Tatar Khan's Palace." In the same year, together with the National Museum in the Tartar Khan's Palace was created Tatar art - Industrial School. The February Revolution and the subsequent events have destroyed the Company's relationship with its regional divisions. Participants of Bakhchisarai department entered into a regional section of the Crimean Department of Museums and Monuments of art, antiques, nature and folk life (Crimea OHRIS).

Key words: the Society for the protection and conservation in Russia monuments of art and antiquities, Bakhchisarai Palace Museum, H. A. Bodaninsky, protection of cultural heritage.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 94(477.75)''192/193'':061.12

А. В. СЕВАСТЬЯНОВ

**Ленинградское эхо крымского конфликта:
новые подробности научного противостояния
Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже
20–30-х гг. XX в.**

На основе синтеза архивных и опубликованных источников проанализирована проблема развития сотрудничества ученых-крымоведов с представителями академических центров советской науки 20–30-х гг. XX в. Наиболее ощутимые результаты совместной работы проявились в изучении исторического прошлого региона: раскопках и охране значительных и ценных памятников истории и культуры, организации их спасения от разграбления или вывоза, создании уникальной профессиональной музейной сети. Одним из наиболее информативных, в данном контексте, является сюжет, связанный с изучением памятников эпохи Средневековья, сосредоточенных в юго-западной части горного Крыма. Масштабные городища на плато Мангуп-Кале и Эски-Кермен привлекали исследователей еще в досоветскую эпоху. Однако действенные меры к охране и организации раскопок средневековых укрепленных поселений были предприняты только в начале 20-х гг. XX в. Это было обусловлено тем, что с момента установления Советской власти все археологические изыскания были подчинены вертикальной системе государственного контроля, в котором роль административного надзора выполняли Главнаука Наркомпроса РСФСР и ГАИМК. В данном контексте представляет интерес история научного конфликта, сложившегося между Н. Л. Эрнстом и Н. И. Репниковым за право приоритетности экспедиционного изучения Эски-Кермена. Аргументы сторон сводились к взаимным обвинениям, в том числе со стороны Н. И. Репникова – дискредитирующими репутацию Н. Л. Эрнста. Документы, выявленные в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) презентуют новые обстоятельства данного противостояния. Они касаются рассмотрения т. н. «дела Бонч-Осмоловского» – касавшегося обвинения наиболее крупного исследователя крымского палеолита в СССР Г. А. Бонч-Осмоловского в финансовых злоупотреблениях и идеологических отклонениях. Данные материалы стали основанием для работы в марте 1930 г. специальной комиссии. В статье представлен ход и аргументы участников заседаний комиссии, проанализированы показания Г. А. Бонч-Осмоловского, П. П. Ефименко, Н. И. Репникова, В. И. Равдоникаса, А. Н. Бернштама и других. Результаты работы комиссии подтвердили необоснованность претензий к Г. А. Бонч-Осмоловскому и вынесли общественное порицание Н. И. Репникову и В. В. Федорову. В заключении сформулированы предпосылки данного конфликта и общественно-политический фон событий в советской науке на рубеже 20–30-х гг. XX в., ставший питательной средой для появления обвинений.

Ключевые слова: Эски-Кермен, Г. А. Бонч-Осмоловский, Н. И. Репников, В. И. Равдоникас, Н. Л. Эрнст, Н. Я. Марр, Государственная академия истории материальной культуры.

Проблема осуществления и развития сотрудничества ученых-крымоведов с представителями академических центров советской науки 20–30-х гг. XX в. занимает перспективное место в историографических разработках последних лет. Наличие на ограниченной территории Крыма после установления Советской власти значительного научного потенциала, традиций и необходимых профессиональных кадров, сосредоточенных в Крымском университете (пединституте) и целом ряде научных сообществ позволили сделать научные связи полуострова с исследователями из Москвы и Ленинграда постоянными и плодотворными. Наиболее ощутимые результаты совместной работы проявились в изучении исторического прошлого региона: раскопках и охране наиболее значительных и ценных памятников истории и культуры, организации их спасения от разграбления или вывоза, создании уникальной профессиональной музейной сети. Доказательством востребованности разработок крымских ученых, актуальности изучения Крыма столичными учреждениями стало проведение двух Всесоюзных археологических конференций в Керчи (1926 г.) и в Херсонесе (1927 г.), организация специальных региональных подразделений в руководящих научных учреждениях – Крымского комитета и Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК; до 1925 г. – Российской академии истории материальной культуры), привлечение крымских ученых (профессора А. И. Маркевич, Н. Л. Эрнст) к работе в них. Немаловажным фактором стало и наличие прочных деловых контактов деятелей КрымОХРИСа (А. И. Полканова, Я. П. Бирзгала) с руководителями Главнауки Наркомпроса РСФСР (Ф. Н. Петров) и ее Музейного отдела (Н. И. Троцкой (Седовой), С. П. Григоровым), значительный пласт крымоведческих проектов и перипетий взаимоотношений развивался и поддерживался благодаря личным связям исследователей [1].

Одним из наиболее информативных, в данном контексте, является сюжет, связанный с изучением памятников эпохи Средневековья, сосредоточенных в юго-западной части горного Крыма. Масштабные городища на плато Мангуп-Кале и Эски-Кермен привлекали исследователей еще в досоветскую эпоху. Однако действенные меры к охране и организации раскопок средневековых укрепленных поселений были предприняты только в начале 20-х гг. XX в. Это было обусловлено тем,

что с момента установления Советской власти все археологические изыскания были подчинены вертикальной системе государственного контроля, в котором роль административного надзора выполняла Главнаука Наркомпроса РСФСР. При этом, все научные, методические и управленческие «нити» были сосредоточены в руках руководства ГАИМК, перед которой и должны были отчитываться все исследователи и от решения экспертов которой зависела судьба продолжения археологического изучения того или иного памятника. В данном случае, можно говорить о главенствующей и ключевой роли ГАИМК в организации археологических исследований на территории всего СССР в период 20–30-х гг. XX в. [2].

В современной крымоведческой историографии проблема изучения Мангупа и Эски-Кермена в первые два советских десятилетия затронута в работах доктора исторических наук, профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского А. А. Непомнящего [3], доктора исторических наук, директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И. В. Тункиной [4], кандидатов исторических наук А. Г. Герцена [5] и А. В. Хливнюка [6], молодого крымского исследователя В. В. Акимченкова [7]. Исчерпывающим образом данная тема изложена в фундаментальной монографии А. А. Непомнящего «Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения», в которой проблеме посвящена отдельная глава. В данном тексте впервые сведена воедино, как непосредственно научная информация о ходе исследования средневековых памятников, так и представлены новые документальные материалы, демонстрирующие серьезную, захватывающую и непримиримую дискуссию, масштабный научный конфликт, развернувшийся вокруг раскопок на Эски-Кермене на рубеже 20–30-х гг. XX в. В данный процесс были вовлечены целые коллективы исследователей разного уровня – от сотрудников Севастопольского музея краеведения (СМК) и Центрального музея Тавриды (ЦМТ) до руководителей ГАИМК (Н. Я. Марр, Ф. В. Кипарисов) и Комиссии по истории знаний АН СССР (В. И. Вернадский).

Кратко остановимся на сути конфликта. Согласно документам рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН (г. Санкт-Петербург), опубликованным А. А. Непомнящим, первые раскопки Эски-Кермена в советскую эпоху были произведены в 1921 г. крымским исследователем, первым директором ЦМТ, профессором Николаем Львовичем Эрнстом (1889–1956). С 1923 по 1926 гг. работы на городище производились силами сотrud-

ников Севастопольского музея краеведения, экспедиция ЦМТ под руководством Н. Л. Эрнста также вела свои исследования. В 1927 г. Главнаука Наркомпроса РСФСР организовала масштабную экспедицию для исследования Эски-Кермена на базе Центральных государственных реставрационных мастерских – руководящего профильного учреждения страны в области искусствоведческого изучения памятников. Руководителем экспедиции был назначен профессиональный археолог из Ленинграда Николай Иванович Репников (1882–1940), в 1926 г. уже проводивший работы на городище [8]. Выбор московских чиновников от науки, очевидно, был продиктован наличием необходимого опыта у исследователя: за плечами Н. И. Репникова был не один полевой сезон исследований именно в горном Крыму, кроме того, его специализация тяготела к изучению периода раннего Средневековья (так, параллельно им изучались в досоветский период древнерусские памятники Старой Ладogi). Очевидно, сыграла свою роль и вовлеченность ученого в круги столичной академической общественности. Раскопки 1927–1928 гг., произведенные совместными силами экспедиции Н. И. Репникова и СМК дали значительные результаты – речь шла об открытии крупного поселения с остатками оборонительной стены. Н. Л. Эрнст не мог не отреагировать на такое развитие событий и обратился в Главнауку за разъяснениями, указывая на свой приоритет в изучении памятника. Первоначально руководящее учреждение предложило ГАИМК компромиссный вариант разрешения спора: закрепить за Н. И. Репниковым изучение Мангупа и Сюрени, а Эски-Кермен предоставить Н. Л. Эрнсту и экспедиции ЦМТ. Однако, Н. И. Репников такую возможность урегулирования конфликта отверг. Далее последовала череда заседаний (Крымской комиссии ГАИМК 16 февраля 1928 г., 28 марта и 9 мая 1929 г., ЦГРМ и Московского отделения ОПИК 5 февраля 1929 г., совместного заседания Археографической, Византийской комиссий и Комиссии по истории знаний АН СССР 24 марта 1929 г., общего коллектива СМК 9 апреля 1929 г.) и взаимных обвинений. Заметим, что Н. Л. Эрнст в данном случае лишь отстаивал свое право на изучение памятника и сосредоточение находок из раскопок в археологическом отделе ЦМТ. Н. И. Репников же прилагал все усилия, направленные не только на отстранение конкурента, но и на дискредитацию его научной репутации. В этом отношении у него был достаточно активный и авторитетный союзник – недавний аспирант Института языка и мышления АН СССР, доцент кафедры археологии Ленинградского государственного университета Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976), с

одной стороны только начинавший свой путь в советской науке, однако начинавший его с необходимых тогда марксистско-ленинских позиций, характерных для представителей «новой волны» как в археологии, так и в краеведении. Именно доклад В. И. Равдоникаса «История изучения пещерных городов Крыма в связи с проблемами их дальнейшего изучения», прочитанный им на заседании Крымской комиссии ГАИМК 9 мая 1929 г., стал апогеем конфликта: в дискуссии по нему В. И. Равдоникас и Н. И. Репников прямо обвинили Н. Л. Эрнста в самовольном использовании материалов покойных А. Л. Бертье-Делагарда и А. С. Уварова [9]. Казалось бы, агрессивная позиция столичных ученых стала угрожающей. Позиция же руководящих структур явно склонялась не в пользу Н. Л. Эрнста: не хватало авторитета и отсутствовала постоянная коммуникация с ГАИМК и Главнаукой для оперативного реагирования. В итоге, Н. Л. Эрнст был вынужден самоустраниться от работ в Эски-Кермене

Впрочем, в данной истории нашлись и те, кто старался сохранить нейтралитет – так, согласно документам позиции компромисса придерживались и академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР С. Ф. Платонов и глава Комиссии по истории знаний АН СССР В. И. Вернадский. Открыто свою поддержку Н. Л. Эрнсту выразил многолетний лидер крымских краеведов, глава ТУАК-ТОИАиЭ, член-корреспондент АН СССР А. И. Маркевич.

Благодаря выявлению нового комплекса документов в рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН, а также возможности ознакомиться и использовать в нашем исследовании ряд документов из семейного архива А. Г. Бонч-Осмоловского (сына ученого, г. Санкт-Петербург) [10], можно утверждать, что научный конфликт Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста имел своеобразное продолжение в Ленинграде и дал импульс целому разбирательству, получившему в академических кругах названия «дела Бонч-Осмоловского».

Фигура и деятельность доктора исторических наук, профессора Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943) в советской археологии, антропологии, этнографии и физиологии еще не оценена историками науки полноценно. Его многогранная работа по созданию и руководству КрымОХРИСом в 1920–1921 гг. подробно освещена в публикациях А. А. Непомнящего, А. В. Хливнюка [11], участие в деятельности РОПИК и историографический анализ отдельных его исследований – в наших статьях [12]. Общие очерки биографического характера, с анализом отдельных этапов научной биографии ученого на базе

широко круга источников, в т. ч. – документов семейного архива, представлены доктором исторических наук, старшим научным сотрудником Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН Н. И. Платоновой [13].

Крымские страницы сыграли в биографии Г. А. Бонч-Осмоловского ключевую роль. Пребывание в годы Гражданской войны по состоянию здоровья в Ялте привело Глеба Анатольевича в круг сторонников большевиков (что, очевидно, играло большую роль и в его дальнейшей научной карьере, вплоть до ареста в 1933 г.), он участвовал в подпольной работе. В связи с этим, уже в ноябре 1920 г. он (по протекции первого руководителя КрымНаробраза П. И. Новицкого и Я. А. Тугендхольда) занимает место в руководящих органах победившей Советской власти в Крыму: становится первым главой КрымОХРИСа и организывает масштабную работу как по сохранению памятников истории и культуры, так и по реквизиции художественных ценностей из национализированных имений на Южном берегу Крыма. Эта работа требовала привлечения профессиональных экспертов – историков, археологов, искусствоведов. Так состоялось знакомство Г. А. Бонч-Осмоловского с Н. Л. Эрнстом. Уже в конце 1921 г. Глеб Анатольевич покидает Крым в связи с необходимостью окончить высшее образование (в Петроградском университете, в 1923 г.). Однако связи с полуостровом ученый не потерял: с 1923 г. начинаются его постоянные экспедиции в горный Крым для изучения древнейшего периода истории региона – палеолита эпохи мустье. Эти раскопки продолжались вплоть до 1933 г. и прерваны были лишь арестом исследователя. Во всех экспедициях незаменимым помощником и партнером Глеба Анатольевича был Николай Львович. Отображением промежуточных результатов данных исследований стал ряд публикаций в московской и крымской научной периодике [14]. Наиболее значительным для всей мировой первобытной археологии и антропологии стали открытия фрагментов неандертальских захоронений, сделанные экспедицией в 1924 г. в пещере Киик-Коба. Дальнейшие исследования Г. А. Бонч-Осмоловского были сосредоточены вокруг формулирования концепции жизни первобытного человека в эпоху мустье.

Появление фигуры Г. А. Бонч-Осмоловского в конфликте Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста неслучайно. Обе стороны стремились привлечь в свою поддержку как можно более авторитетных представителей советской исторической науки. В этом отношении Глеб Анатольевич был в 1929 г. самодостаточной фигурой: с одной стороны, откры-

тие в Киик-Кобе уже было сделано, о нем уже было известно за рубежом; с другой – ученый был сотрудником практически всех значимых научных учреждений Ленинграда. Согласно его биографии, поданной в Ученый совет ИИМК при защите докторской диссертации в 1941 г., в 1929 г. он работал ассистентом по кафедре антропологии ЛГУ, также заведовал Четвертичным отделом в Геологическом институте АН СССР (до 1930 г. – Четвертичной галерей, куда были сданы находки Крымской экспедиции), был старшим научным сотрудником ГАИМК и Антропологического института при I МГУ [15]. Соответственно, обо всех перипетиях конфликта из-за раскопок Эски-Кермена Глеб Анатольевич был хорошо информирован.

Итак, 24 марта 1929 г. состоялось совместное заседание трех комиссий АН СССР: Археографической, Византийской и истории знаний. На нем прозвучал доклад Н. И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических работ 1928 г.». Согласно специальной записке от 24 декабря 1929 г., подписанной главой Комиссии по истории знаний АН СССР, академиком В. И. Вернадским, председательствовавший на заседании академик Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) после оглашения доклада, спросил Н. И. Репникова – известно ли ему о работах на городище, произведенных Н. Л. Эрнстом? К сожалению, текста ответа Н. И. Репникова в записке В. И. Вернадского не приведено. Однако сомневаться в его отрицательном характере не приходится. Далее процитируем В. И. Вернадского: «После ответа на указанный вопрос <...> выступил Г. А. Бонч-Осмоловский, который сказал приблизительно следующее: Как бывший заведующий Крымским отделом по делам музеев Г. А. Бонч-Осмоловский считает своим долгом осведомить собрание о том, что ему известно о работах Н. Л. Эрнста в Эски-Кермене. Начиная с 1921 года, он начал свои исследования этого памятника, и с тех пор почти ежегодно выезжал туда на работы. В виду отсутствия средств у Центрального музея Тавриды он производил эти исследования на свой счет, чем объясняется затянувшееся опубликование собранных им материалов. Кроме Керченской конференции пр. Эрнст прочел доклад в ГАИМК, богато иллюстрированный фотографическими снимками, чертежами и планом. Этот доклад произвел очень хорошее впечатление на всех присутствовавших и вызвал общее одобрение своею обстоятельностью». Отметим также специальную приписку В. И. Вернадского о том, что 24 марта 1929 г. «все заседание прошло вполне корректно и спокойно». Однако выдана эта записка была по просьбе Г. А. Бонч-Осмоловского [16].

В материалах семейного архива А. Г. Бонч-Осмоловского удалось ознакомиться с другими документами, собранными ученым: это выписки из протокола заседания Крымской комиссии ГАИМК от 17 июля 1929 г., в котором указывалось на получение ряда документов от Н. Л. Эрнста, копия письма директора ЦМТ Леонида Николаевича Невского от 1 июля 1929 г., в котором решительно опровергались все обвинения, выдвинутые Н. И. Репниковым и В. И. Равдоникасом ранее. Еще более интересны две короткие справки: письмо от Крымской областной опытно-показательной школы (датировано 3 июля 1929 г.), в которой утверждается, что именно Н. Л. Эрнст организовывал участие учащихся школы в археологических исследованиях в Эски-Кермене в 1925–1926 гг. и свидетельство жителя деревни Черкес-Кермен Османа Иззедина, в которой указывалось, что Н. Л. Эрнст в 1923–1927 гг. неоднократно останавливался в деревне у него в доме, занимался изучением городища и что именно ходатайства крымского исследователя привели к тому, что памятник был передан в ведение Бахчисарайского дворца-музея, а автор справки – стал его зрителем [17]. Как видим, события развивались по достаточно острому сценарию. К концу 1929 г. стало очевидным: конфликт вокруг Эски-Кермена перешел на ленинградский уровень.

Согласно информации Н. И. Платоновой осенью 1929 г. Г. А. Бонч-Осмоловский покинул кафедру антропологии ЛГУ. Покинул не по своей воле – в результате появления критической статьи в рупоре студенческого самоуправления – многотиражной университетской газете «Студенческая правда». Данное действие было связано с реорганизацией этнологического отделения на географическом факультете ЛГУ, фактически – его разгромом [18]. Однако, факт запроса Г. А. Бонч-Осмоловским специальной записки от В. И. Вернадского в декабре 1929 г. и свидетельства дневниковых записей родственников ученого говорят об одном – рассмотрению персонального дела Глеба Анатольевича был дан ход. Связано это было с возникшими препятствиями при переходе ученого на постоянную работу в Четвертичный отдел Геологического института АН СССР.

Непосредственно организацией рассмотрения «дела» занялась специальная комиссия, созданная локальным бюро Секции научных работников АН СССР. Документы рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН позволяют подробным образом проследить ход ее деятельности и оценить результаты и смысл всего конфликта.

Состав комиссии демонстрировал масштабность «дела»: в нее вошли председатель ГАИМК, академик Николай Яковлевич Марр (1865–1934), его заместитель Федор Васильевич Кипарисов (1886–1936), заведующий кафедрой истории материальной культуры Востока ЛГУ Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961), научный сотрудник и член Крымской комиссии ГАИМК Мария Александровна Тиханова-Клименко (1897–1981) и востоковед Даниил Михайлович Скляр (1907–1939). Первое заседание состоялось 15 марта 1930 г. и на нем были определены формат и цели работы: инициатором заседания комиссии был обозначен Г. А. Бонч-Осмоловский, передавший в нее ряд материалов, также предполагался вызов ряда свидетелей «для выяснения обстоятельств дела». Постановлено было – 15 марта заслушать полученные материалы, а на заседание 18 марта вызвать заинтересованных лиц. Их состав явно указывал на то, что конфликт имеет «крымскую» почву – были приглашены Н. И. Репников, В. И. Равдоникас, научный сотрудник ГАИМК и ЛГУ, один из крупнейших советских исследователей палеолита П. П. Ефименко, студент Ленинградского института истории, философии и лингвистики, участник раскопок Эски-Кермена в составе экспедиции СМК А. Н. Бернштам, участники Крымской экспедиции Г. А. Бонч-Осмоловского: студент С. Т. Козин и сотрудник Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР В. В. Федоров. Также Ф. В. Кипарисову было поручено выяснить, какие материалы легли в основу заметки «Студенческой правды» [19].

Заседание комиссии 18 марта 1930 г. началось с опроса С. Т. Козина, которому были поставлены два вопроса: что ему известно о научной и общественной деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского и «об эпизоде, имевшем место в недавнее время, о котором т. Козин сообщил в частной беседе т. Кипарисову»? С. Т. Козин дал положительную характеристику своему бывшему руководителю по экспедиции, отметив, что «на работах в Крыму летом [1926 г.] Бонч-Осмоловский производил впечатление наиболее близкого нам из преподавателей, и в работе, и в общении со студентами был всегда старшим товарищем». Относительно же конфликтного эпизода было сообщено следующее: ответственная за ведение финансовых дел экспедиции студентка ЛГУ С. А. Трусова предложила сотрудникам экспедиции подписать счета на получение суточных в размере трех рублей в день. Большинство студентов это сделали, а С. Т. Козин – отказался. Позже, в разговоре между Г. А. Бонч-Осмоловским и С. Т. Козиным, руководитель экспедиции объяснил студенту необходимость заполнения счетов: ему предстояло

ехать в заграничную командировку, но одновременно необходимо было получить деньги на продолжение полевых работ, а это возможно было сделать только при предоставлении финансового отчета. В итоге С. Т. Козин счета подписал. Однако на заседании комиссии он отметил, что сотрудники экспедиции получали «питание, помещение и рабочий костюм без суточных». Кроме финансовых вопросов отметил С. Т. Козин и «другие инциденты» в экспедиции: так, сотрудник Зоологического музея АН СССР В. И. Громова якобы получив по почте открытку с изображением иконы «Моление о чаше» повесила ее в помещении проживания женской части экспедиции, но после уговоров других сотрудников сняла ее [20].

Ко всему озвученному С. Т. Козин добавил и ту информацию, которую рассказал Ф. В. Кипарисову: присутствуя на открытом докладе в ЛГУ, он общался с В. В. Федоровым, который заявил следующее: «Вы знаете все о Бонч-Осмоловском, особенно дело с подложными счетами и потому Вам необходимо поговорить с лицами, которые этим интересуются». Тут же В. В. Федоров представил С. Т. Козину «сотрудника, фамилию которого Козин не знает», однако у последнего не оказалось времени разговаривать. Данный «сотрудник», по словам В. В. Федорова, должен был состоять в комиссии по разбору дела Г. А. Бонч-Осмоловского, и потому ему было необходимо передавать все сведения. В итоге, на заседании комиссии 18 марта 1930 г., путем опроса было установлено, что этим «сотрудником» по описанию был В. И. Равдоникас, но разговора с С. Т. Козиним у него не состоялось. На уточняющий вопрос зачем В. В. Федоров заговорил с С. Т. Козиним о Г. А. Бонч-Осмоловским, был получен ответ: «внутреннее убеждение, что он говорил как бы по поручению Равдоникаса». Как видим, обвинения, выдвинутые против Г. А. Бонч-Осмоловского, носили двойной характер: с одной стороны – финансовые злоупотребления, с другой – идеологическая ненадежность.

Следующим свидетелем был опрошен сотрудник отдела археологии МАЭ Василий Васильевич Федоров (1892–1976). Он отметил, что его разговор с С. Т. Козиним о Глебе Анатольевиче был «в связи с разговором с Репниковым, который спрашивал что Федорову известно о Бонч-Осмоловском». Отдельно В. В. Федоров подчеркивал, что Н. И. Репникова интересовали «лишь отрицательные стороны Бонч-Осмоловского», которые согласно протоколу интересовали и самого В. В. Федорова. Относительно работы в экспедиции у Г. А. Бонч-Осмоловского в 1926 г., Федоров отметил, что его удивляло желание

Глеба Анатольевича сохранить документы сотрудников АН СССР после их отъезда в материалах экспедиции. При этом, опыт раскопной практики, полученной В. В. Федоровым, был оценен им высоко, но Г. А. Бонч-Осмоловского как руководителя он охарактеризовал плохо, вменив ему в вину эксплуатацию студентов, их работу по рытью траншей наравне с нанятыми рабочими. Снова был озвучен аргумент о подписании счетов на получение суточных (и было подчеркнуто, Г. А. Бонч-Осмоловский заставил студентов их подписать) и отмечено, что рабочего костюма сотрудники не получали. В ответ на уточняющий вопрос Ф. В. Кипарисова о наличии в экспедиции рабочих для выполнения копальных работ, В. В. Федоровым был дан ответ, что рабочие были, но студенты работали вместе с ними и при этом не могли заняться собственными отдельными научными заданиями. Ф. В. Кипарисов отметил при этом, что Федоров находился на практике, а значит, был обязан выполнять задания. Относительно финансового конфликта и подписания счетов В. В. Федорову был задан вопрос: считает он эти действия Г. А. Бонч-Осмоловского злоупотреблением или желанием сэкономить средства? Ответ был получен двойкой: якобы Глеб Анатольевич хотел сэкономить средства для своей заграничной командировки. Относительно же попытки познакомить С. Т. Козина с В. И. Равдоникасом, В. В. Федоров свидетельствовал, что: «у них (Г. А. Бонч-Осмоловского и В. И. Равдоникаса – А. С.) отношения личные не совсем хорошие, может быть в связи с конфликтом, который произошел на докладе Репникова». В целом же история с подписанием счетов в 1926 г., по словам В. В. Федорова интересовала, прежде всего, Н. И. Репникова, который «всегда плохо отзывался о Бонч-Осмоловском». Более того, информация В. В. Федорова вызвала поддержку Николая Ивановича, а целью ее сбора сотрудник МАЭ назвал желание Н. И. Репникова «начать дело против Бонч-Осмоловского». Роль В. И. Равдоникаса объяснялась личными дружескими отношениями с Репниковым. На прямой вопрос Ф. В. Кипарисова: «Считаете ли Вы, что приведенные Вами материалы достаточны для изъятия человека из научной среды?», В. В. Федоров дал отрицательный ответ, но при этом предложил комиссии еще один «аргумент». Якобы в ходе экспедиции 1926 г. Глеб Анатольевич самовольно занял помещение красного уголка школы для размещения женской части экспедиции и не реагировал на протесты сельской комсомольской организации. Данное заявление вызвало однозначное удивление комиссии: Ф. В. Кипарисов и И. А. Орбели поставили ряд вопросов относительно того, что же бы-

ло злостного или возмутительного в этом факте. Ответ В. В. Федорова свелся к тому, что Глеб Анатольевич не проявил должного уважения к местным комсомольцам, кроме того, на просьбу И. А. Орбели оценить стоимость получаемого питания в экспедиции, Федоров отметил, что эта сумма вряд ли превышала 1 рубль 50 копеек. На вопрос – зачем же тогда были подписаны счета, Федоров сказал, что Г. А. Бонч-Осмоловский их «уговорил». В итоге, показания В. В. Федорова были резюмированы Ф. В. Кипарисовым: неблагоприятным для Г. А. Бонч-Осмоловского является трудность работ, частое использование студентов как рабочей силы, плохое питание. Наибольшей же виной было обозначено занятие красного уголка, что влекло собой «неуважение к Ленину развешиванием женского платья на стенах уголка». На предложение В. В. Федорову определить меру общественного воздействия на Глеба Анатольевича комиссия ответа не получила [21].

Следующим, 19 марта 1930 г., был заслушан коллега Г. А. Бонч-Осмоловского по ЛГУ Петр Петрович Ефименко (1884–1969). Он дал положительную характеристику работам ученого, отметил, что советская наука «обязана ему прекрасным материалом по крымскому палеолиту», такую же высокую оценку получила квалификация Глеба Анатольевича в технике раскопок. Единственными замечаниями П. П. Ефименко стали указания на некоторое тяготение исследователя к широким обобщениям и «некоторую замкнутость в постановке проблемы». Относительно выступления Г. А. Бонч-Осмоловского на докладе В. И. Равдоникаса, П. П. Ефименко отметил, что поведение Глеба Анатольевича было «недостаточно объективным», продиктовано же это было личными взаимоотношениями. Касательно заметки в «Студенческой правде», Петр Петрович отметил, что по его мнению она стала результатом «циркуляции разговоров и слухов», повлекшим неблагоприятное для Г. А. Бонч-Осмоловского отношение. Членами комиссии было предложено П. П. Ефименко назвать других исследователей, занимающихся палеолитом Крыма. Были названы имена доцента П МГУ Б. С. Жукова и ассистента ЛГУ Т. Ф. Гелаха. На вопрос о том, кого использовать при подобных исследованиях «правильнее» – Г. А. Бонч-Осмоловского или Т. Ф. Гелаха, П. П. Ефименко дал однозначный ответ – «величины несравнимые» [22].

На последнем заседании комиссии, 23 марта 1930 г., были заслушаны основные участники разбирательства – Г. А. Бонч-Осмоловский, В. И. Равдоникас и Н. И. Репников. Первым был вызван Глеб Анатольевич. Выяснилось, что никакой иконы в помещении женской части Кры-

мской экспедиции в 1926 г. не было, а В. И. Громова повесила на стену, присланную ей открытку с репродукцией картины Гвидо Рене «Христос в терновом венце». После замечания комсомольской организации данная открытка была снята. Относительно же выступления в защиту Н. Л. Эрнста в ходе доклада Н. И. Репникова 24 марта 1929 г., Глеб Анатольевич сообщил комиссии, что крымский исследователь совершил свои первые изыскания в Эски-Кермене еще до установления Советской власти, «при Врангеле». Находясь в должности заведующего КрымОХРИСом в 1921 г. Г. А. Бонч-Осмоловский подписал Николаю Львовичу соответствующую командировку. На вопрос о том, почему Глеб Анатольевич решил вступить в защиту Н. Л. Эрнста ученый дал следующую характеристику своему коллеге: «Я познакомился с ним, в то время как мне нужен был Заведующий Центральным музеем Тавриды. Эрнст был первым, кого удалось втянуть в работу при занятии Крыма Советской властью. Сначала он несколько дней колебался, затем вошел и сделал очень многое. В 21-м году в Крыму под угрозой были дворцы, в которых хранились огромные материальные ценности. <...> Я должен был организовать для работы на месте компактную группу. Я вовлек в это дело Эрнста, он был тогда профессором университета и боялся, что в связи с этим изъятием у него начнутся недоразумения. Я был в то время уполномоченным Наркомпроса и Внешторга и в результате наших работ один Внешторг получил на 100. 000 р. золотом ковров». На вопрос об общественном лице Н. Л. Эрнста и его участии в работе «Таврической комиссии при Врангеле» (очевидно, имеется ввиду ТУАК – А. С.), Г. А. Бонч-Осмоловский дал характерный ответ: «С политической точки зрения на фоне других лиц он был все-таки довольно хорош и сразу же после прихода большевиков стал на их сторону» [23].

Следующим на заседании выступил В. И. Равдоникас. Члены комиссии попросили его изложить свое мнение о Г. А. Бонч-Осмоловском как о работнике и сообщить известные ему неблагоприятные факты его поведения, если таковые имелись. Владислав Иосифович отметил, что о деятельности Глеба Анатольевича он узнавал из открытых источников: из прессы и из докладов ученого в ГАИМК и ЛГУ, на которых он всегда присутствовал. Впечатление, по словам В. И. Равдоникаса, сложилось «неблагоприятное». Мотивацией такой оценки были названы «несомненный рекламный элемент, выпячивание «мирового» значения» работ Г. А. Бонч-Осмоловского. В вину ученому было поставлено и то, что сотрудников для своих экспедиций он набирал из числа сотрудников АН, а также использовал при своих работах метод «взрыва-

ния». Из последнего делался вывод о том, что «и с технической стороны не все обстоит блестяще». При этом В. И. Равдоникас отметил, что Глеб Анатольевич «материал давал по раннему палеолиту в СССР блестящий и в этом его несомненная заслуга. В области же синтеза, обобщающих построений Бонч-Осмоловский не дал ничего». На вопрос об «общественном лице» Г. А. Бонч-Осмоловского, В. И. Равдоникас дал ответ о «весьма неблагоприятном впечатлении» и со ссылкой на рассказы В. В. Федорова снова повторил аргументы о конфликте с комсомольской организацией при проведении Крымской экспедиции 1926 г., об иконе, и о подписании «фиктивных счетов на крупные суммы». Также утверждалось, что свою командировку за границу в 1926 г. Глеб Анатольевич смог осуществить именно за счет экономии списанных сумм суточных [24].

Но главным аргументом В. И. Равдоникаса, стало, конечно же «дело Эски-Керменской экспедиции». На заседании комиссии Владиславом Иосифовичем были озвучены обвинения, которые касались не только Г. А. Бонч-Осмоловского и его выступления, сколько позиции ГАИМК и ее отдельных сотрудников в этом вопросе. Так, было заявлено, что член Крымской комиссии ГАИМК и член комиссии по рассмотрению дела М. А. Тиханова-Клименко оказывала сопротивление работам Н. И. Репникова. На вопрос об отсутствии в протоколах Крымской комиссии таких фактов, В. И. Равдоникас заявил, что протоколы «не соответствуют действительности в деталях». Далее Владислав Иосифович изложил свое видение ситуации: ГАИМК оказывала содействие Н. Л. Эрнсту как своему сотруднику, в свою очередь проведению докладов Н. И. Репникова якобы ставились препятствия. В итоге ситуация привела к тому, что Н. И. Репников был вынужден прочитать свой доклад на совместном заседании трех комиссий АН СССР 24 марта 1929 г. Отмечена была в этом и роль академика С. Ф. Платонова, сочувствовавшего исследованиям Н. И. Репникова. На возражения членов комиссии относительно препятствования устройству докладов Н. И. Репникова в ГАИМК, В. И. Равдоникас не смог дать мотивированного пояснения. В свою очередь при ответе на вопрос, почему Н. И. Репников опирался на академика С. Ф. Платонова, был получен ответ, что «Репников пошел бы за чортом и дьяволом в этом деле» [25]. Относительно подобной оценки роли С. Ф. Платонова стоит сделать специальную оговорку: на момент заседания комиссии по «делу Бонч-Осмоловского» Сергей Федорович уже более двух месяцев находился под арестом и следствием как один из ключевых фигурантов «Акаде-

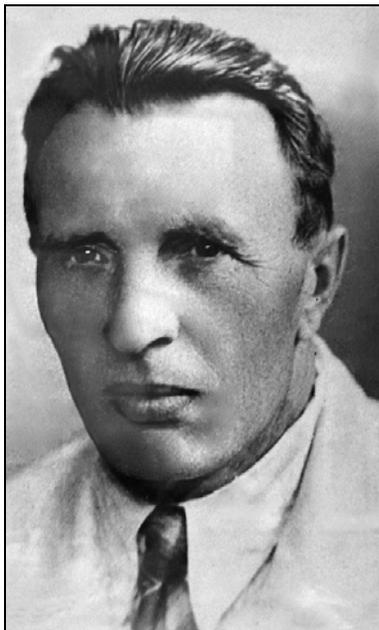
мического дела» – первого масштабного репрессивного действия органов НКВД против представителей академической науки на рубеже 20–30-х гг. XX в. Соответственно, ссылка на его поддержку уже была аргументом «против», а не «за».

В продолжение своих показаний, В. И. Равдоникас снова изложил свои (и Н. И. Репникова) основные аргументы: об отсутствии исследований Эски-Кермена Н. Л. Эрнстом, о провокационном характере выступления Г. А. Бонч-Осмоловского, о самовольном использовании Н. Л. Эрнстом материалов А. Л. Бертье-Делагарда. На документально подкрепленные замечания членов комиссии об отсутствии препятствий со стороны ГАИМК к устройству докладов Н. И. Репникова и о неопределенных ответах В. И. Равдоникаса на вопросы Г. А. Бонч-Осмоловского и Т. Ф. Гелаха во время его доклада на заседании Крымской комиссии ГАИМК 9 мая 1929 г., Владислав Иосифович заявил, что «заседание комиссии начинает принимать характер допроса лично ко мне». На это ему было указано, что полномочия комиссии включают в себя постановку и рассмотрение любых вопросов. Со стороны В. И. Равдоникаса снова прозвучали слова о не точно составленном протоколе заседания Крымской комиссии ГАИМК 9 мая 1929 г.

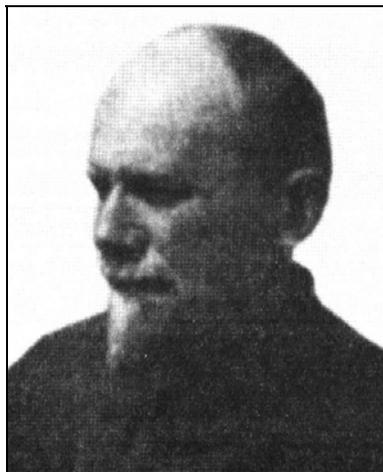
В итоге черту данному диалогу подвел председатель ГАИМК, академик Н. Я. Марр. Он заявил следующее: «Я утверждаю, что т. Равдоникас в отношении речи находится в состоянии диффузном. Четкого отношения к фактам нет. Сомневаюсь, возможно ли при таких условиях его использовать в качестве свидетеля. И должен поставить вопрос, что совершенно бесосновательно дискредитируется ГАИМК. Когда в АН делается доклад Бонч-Осмоловского и собирается большая публика, то это плохо рекомендует общественно Бонч-Осмоловского. Когда в АН делает доклад и выставку Репников, то присутствует два академика и академик Платонов, использовавший дело с Эски-Керменом в определенных целях (вот они, свидетельства ареста С. Ф. Платонова. – А. С.), то не делается никаких общественных выводов. Когда в ГАИМК ставится доклад по специальности и выступают отдельные лица, высказывающиеся по специальности, <...> то делается общественный вывод о настроении целой Академии и травле Репникова» [26]. Подобное резкое выступление главы ГАИМК заставило В. И. Равдоникаса поменять свое мнение. Он стал говорить не об академии в целом, а некоей «группе лиц» и предполагать, что руководители ГАИМК не были оповещены о конфликте на заседании Крымской комиссии 9 мая 1929 г. На это утверждение были получены ответы обоих руководителей

ГАИМК – и Н. Я. Марра, и Ф. В. Кипарисова – о том, что им о ситуации было известно. Очевидно, что попытка В. И. Равдоникаса представить конфликт как некую коллективную инициативу направленную против Н. И. Репникова, провалилась. Более того, по словам И. А. Орбели, обвинения, выдвинутые Н. Л. Эрнсту фактически носили намек на обвинение в плагиате, «что гораздо хуже». На это В. И. Равдоникас сразу отметил, что обвинение было выдвинуто не им, а А. Н. Бернштамом. Наиболее показательным для характеристики ситуации стал следующий вопрос И. А. Орбели: известно ли В. И. Равдоникасу, что «в истории АН известен лишь один случай заседания трех комиссий (Археографической, Византийской и истории знаний), из которых ни одна не имеет прямого отношения к Эски-Кермену? Не находит ли он, что эта ситуация носила рекламно-помпезный характер?». На данный вопрос В. И. Равдоникасом был дан такой ответ: «Помпезность была, но не там, где Вы ее искали». В итоге на вопрос о том, стоит ли принимать против Г. А. Бонч-Осмоловского какие-то меры, В. И. Равдоникас ответил отрицательно, предложив его «перевоспитать». Что касается же сбора информации относительно Г. А. Бонч-Осмоловского, то этот факт Владиславом Иосифовичем был отвергнут, что и было зафиксировано комиссией [27].

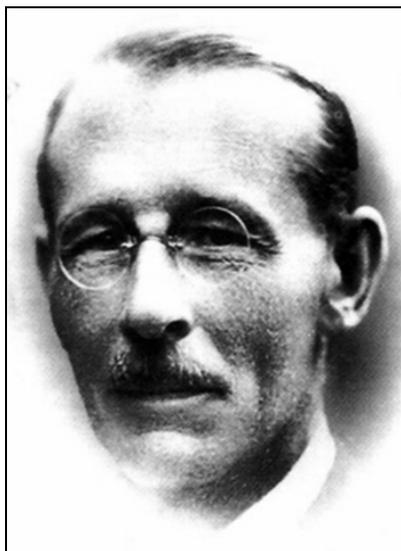
23 марта 1930 г. также были заслушаны показания Н. И. Репникова. Он охарактеризовал Г. А. Бонч-Осмоловского как «серьезного исследователя крымского палеолита, как работника, о котором ничего плохого он сказать не может». Касательно же личного отношения, Николай Иванович отметил, что оно продиктовано «публичным выступлением [Бонч-Осмоловского] в АН, где он позволил себе исказить истину». В дальнейшем это выразилось в столкновении, выразившемся в неподавании руки после заседания 24 марта 1929 г. В итоге, обвинения в адрес Г. А. Бонч-Осмоловского были сформулированы так: его заявление как официального лица о работах Н. Л. Эрнста в Эски-Кермене являются ложными. На вопрос о том, почему Н. И. Репников не обратился в общественные органы, а привлек к разбирательству коллектив СМК, составивший протокол своего общего собрания от 9 апреля 1929 г., Николай Иванович признал свою ошибку, как и факт распространения копий протокола собрания сотрудников СМК. Выяснилось и то, что отказов в устройстве своих докладов от ГАИМК ученый не получал, а вместо трех докладов к рассмотрению был принят только один.

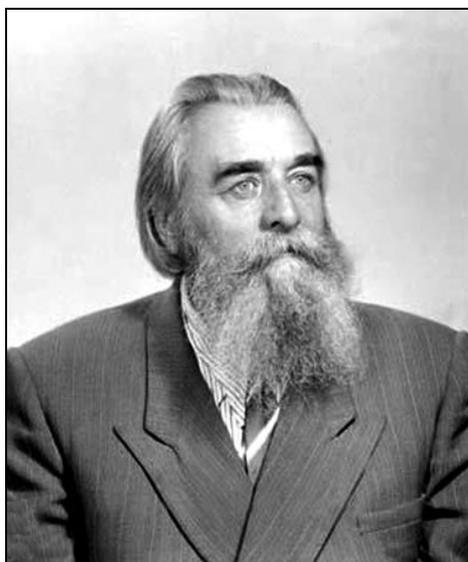
Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский

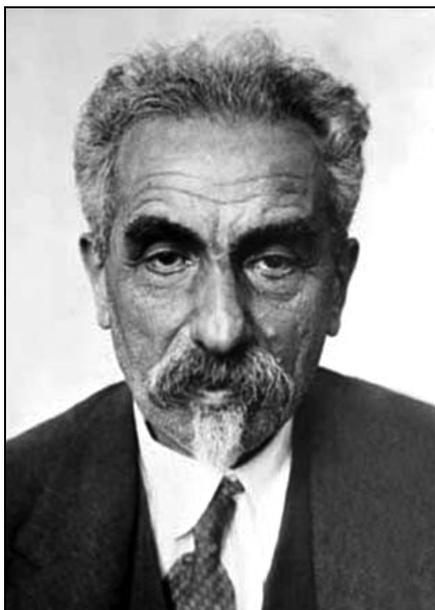
Николай Иванович Репников

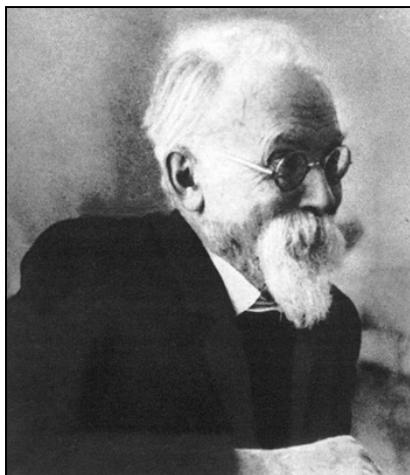
Николай Львович Эрнст

Владислав Иосифович Равдоникас

Николай Яковлевич Марр

Владимир Иванович Вернадский

2000

ПРОТОКОЛ

засідання Комісії, організованої АБ СРР для розгляду справи Г. А. Бонч-Осмоловського, от 18.12.1950 г.

Присутствовали: т. т. Гурр, Кипарисов, Орбели, Тиханова-Клименко и т. Склярюв

Председатель - т. Кипарисов, секретарь - т. Тиханова-Клименко

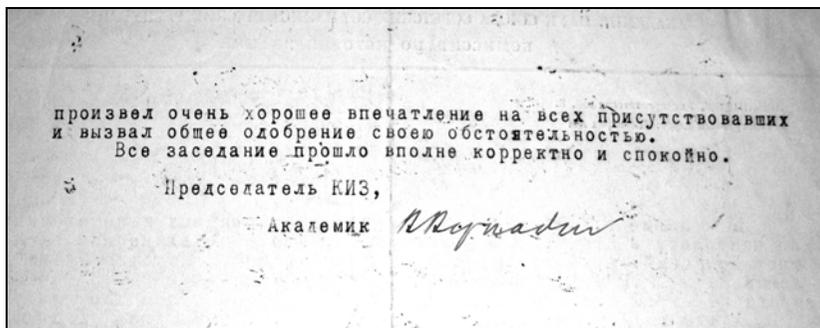
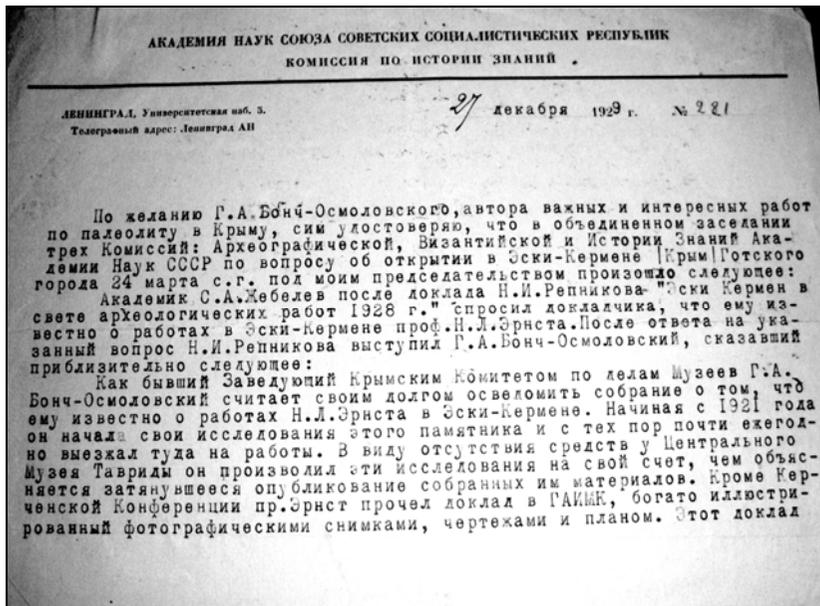
Порядок дня: Вопрос из программы Комиссии товарищ И.

I. Вопрос т. Козина.

Приступая к вопросу т. Козина, Председатель сообщает, что он присутствует в заседании Комиссии, образованной АБ СРР для рассмотрения дела Г. А. Бонч-Осмоловского и предлагает т. Козину сообщить, что ему известно /1/ о научной и общественной деятельности т. Бонч-Осмоловского и /2/ об эпизоде, имевшем место в недавнее время, о котором т. Козин сообщил в частной беседе т. Кипарисову.

Т. Козин отвечает, что он узнал Г. А. Бонч-Осмоловского как ассистента по кафедре антропологии ИГУ перед своей посадкой в Крым в 1928 г., затем на работах в Крыму летом того же года. Бонч-Осмоловский произвел впечатление наиболее близкого нам из преподавателей университета человека и в работе и в обращении со студентами был всегда старшим товарищем, неоднократно вел беседы с ними. Что касается инцидента, то дело обстоит следующим образом: у Бонч-Осмоловского была постоянной сотрудницей студентка ИГУ Трусова, которая велела в экспедиции все финансовые дела. Однажды она приходит к сотрудникам экспедиции и просит написать счета на получение трех рублей с точными. Счета эти подписали Трусова, Прокура, Сухов, Колосов. Т. Козин не подписал. В результате создались несколько натянутое отношение. В ту же ночь Бонч-Осмоловский и Козин не спали и разговорились на тему об этих счетах. Бонч-Осмоловский указал, что Козин ему, очевидно, не доверяет, на что последний ответил, что он просто не знает, для чего ему

Протокол заседания комиссии по рассмотрению
«Дела Г. А. Бонч-Осмоловского»

Записка В. И. Вернадского от 24 декабря 1929 г.

Интересными были и ответы Н. И. Репникова относительно мотивации конфликта. Им было признано, что выступления Г. А. Бонч-Осмоловского 24 марта и 9 мая 1929 г. не были достаточными основаниями для начала конфликта, приведшего к работе комиссии в марте 1930. Никаких претензий к Глебу Анатольевичу Николай Иванович не имел, отводов для работы в учреждениях АН – также [28].

Последними были заслушаны показания А. Н. Бернштама и дополнительные объяснения Г. А. Бонч-Осмоловского. Первый – молодой студент – остановился на личном характере противостояния, отметив, что как выступление Г. А. Бонч-Осмоловского в защиту Н. Л. Эрнста, так и В. И. Равдоникаса на стороне Н. И. Репникова продиктовано во многом их личными дружескими взаимоотношениями. Глебу Анатольевичу члены комиссии поставили вопросы относительно его работы в Крым-ОХРИСе и организации раскопок Крымской экспедиции в 1926 г. В частности, ученый отметил, что участники экспедиции были заранее проинформированы о тяжелых условиях труда, обеспечении питанием, оплатой табака и папирос и железнодорожных билетов и отсутствии при этом суточных выплат. В свою очередь, подписанные работниками счета были представлены вместе с остальными документами в ГАИМК [29].

Итак, работа комиссии Локального бюро Секции научных работников по рассмотрению «дела Бонч-Осмоловского» продолжалась с 15 по 23 марта 1930 г. Этим событиям предшествовали несколько месяцев масштабного конфликта в среде советских археологов. Тем интереснее ознакомиться с результатами, отраженными в «Резолюции по делу Г. А. Бонч-Осмоловского», также сохранившейся в фондах рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН. В первом пункте комиссия обозначила, что в деле «имеются налицо элементы склоки, отражающие нездоровые отношения между отдельными группировками научных работников на почве внутриакадемических споров и научной конкуренции». Комиссия объявляла недопустимым «метод разрешения научных и академических споров путем опорочивания (листовки, неподавание руки, разговоры, сплетни, слухи). Применение этого метода вместо открытой постановки спорных вопросов <...> свидетельствует об антиобщественном характере упомянутых группировок». Далее следовали конкретные выводы по всем участникам конфликта в Ленинграде. Так, констатировалось, что «[Г. А.] Бонч-Осмоловский, не играя направляющей роли, оказался между этими группировками. Учитывая положительно предшествующую деятельность Бонч-Осмоловского на ответственной советской работе, рекомендовать ему

резче определить свою общественную линию, проводя в дальнейшем свою работу в полном контакте с советской общественностью». Н. И. Репникову были указаны как недопустимые «те методы решения научных споров, которые были им применены после критических выступлений Бонч-Осмоловского против некоторых положений его доклада <...> о раскопках в Эски-Кермене.» Было также решено «поставить Репникову на вид антиобщественность его поведения». Оценка была дана и деятельности сотрудника МАЭ В. В. Федорова: было установлено, что «в частных разговорах и в Комиссии им выдвигались против Бонч-Осмоловского необоснованные обвинения вплоть до уголовных и специально собирался материал, долженствовавший <...> компрометировать Бонч-Осмоловского». Было решено «поставить перед Локальным Бюро Секции АН вопрос о возможности дальнейшего пребывания [В. В. Федорова] в обновленной и реорганизуемой Академии». Опровергла комиссия и содержание заметки «Студенческой правды» относительно Г. А. Бонч-Осмоловского, назвав ошибкой учебного отсутствие реакции на ее содержание [30].

* * *

Итак, достаточно неприятный и затронувший широкий круг советских археологов конфликт, завершился. Очевидным победителем из этого «боя» вышел Г. А. Бонч-Осмоловский. Текст резолюции выдержан в соответствующем духе и тоне времени, да и само «дело» очень характерно для периода «великого перелома» в советской исторической науке. Однако стоит остановиться на некоторых причинах данного противостояния, которые сделают картину более полной.

Как видим, претензии к Глебу Анатольевичу были сформулированы сразу по нескольким направлениям: финансовые злоупотребления, отсутствие должного уважения к советским органам, излишняя реклама собственных археологических открытий. Нет сомнений, что повод к атаке на себя ученый дал сам, продемонстрировав принципиальную позицию в отношении защиты Н. Л. Эрнста. Методы же Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, что в отношении Николая Львовича, что в отношении Глеба Анатольевича могут объяснены не только стремлением закрепить за собой изучение перспективного памятника, но и демонстрируют общую атмосферу в научном сообществе рубежа 20–30-х гг. XX в. В этом контексте можно согласиться с мнением кандидата исторических наук А. А. Формозова, который назвал 1929–1933 гг. временем коренной перестройки ГАИМК и других учреждений, занимавшихся организацией исторической науки в СССР и археологии в частности. Тенденцией ста-

ло вытеснение старых кадров археологов, воспитанных еще в досоветскую эпоху: в Москве это были ученики В. А. Городцова, в Ленинграде – Ф. К. Волкова, сотрудники Н. Я. Марра. Им на смену приходили новые, только закончившие аспирантуру (или находившиеся на обучении) специалисты – А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, С. Н. Замятнин, А. П. Окладников и другие. Им предстояло еще совершить свои выдающиеся открытия – пока же они выступали в роли идеологически бдительных ученых, ниспровергая вчерашних авторитетов в русле «руководящей и направляющей». Одним из руководителей этого процесса и стал В. И. Равдоникас, выступивший в 1930 г. со своей программной статьей «За марксистскую историю материальной культуры», ставшей сигналом к реорганизации ГАИМК и определяющей в идеологическом оформлении советской археологии 30-х гг. XX в. [31]. На фоне «Академического дела» эти события выглядели симптоматично и логично, а «дело Бонч-Осмоловского», не будь на то воли и авторитета Н. Я. Марра и Ф. В. Кипарисова, вполне могло вылиться в реальное уголовное преследование. Показательно и то, что Глебу Анатольевичу не были предъявлены более серьезные политические обвинения: очевидно, ключевую роль в этом сыграло не только его прошлое как советского руководителя, но и публичная политическая позиция в поддержку советской власти и идей социализма, что неоднократно отмечено в воспоминаниях его родственников и современников. Также играл роль и международный авторитет, значение открытий в Киик-Кобе пока что могло перевесить сиюминутную идеологическую кампанию. Советская археологическая наука только вступала в период потрясений и репрессий.

В связи с рассмотрением «дела Бонч-Осмоловского» в 1930 г. интересно проследить и судьбу его основных героев и антигероев. Сам Глеб Анатольевич не избежал ареста в ноябре 1933 г., и в 1934 г. был осужден на три года высылки в Воркуту, откуда вернулся в 1936 г. досрочно, но с запретом на проживание в Ленинграде. Долгие месяцы ходатайств привели к снятию судимости в 1940 г., восстановлению на профессорской должности в ЛГУ и возвращению на работу в ГАИМК. Логическим завершением оформления Г. А. Бонч-Осмоловского как ученого стало решение Ученого совета ИИМК АН СССР от 27 сентября 1941 г. о присуждении Глебу Анатольевичу степени доктора исторических наук без защиты диссертации. Стоит отметить, что это событие произошло уже после начала блокады Ленинграда. Однако, подорванное здоровье не позволило исследователю продолжить работу –

находясь в эвакуации в Казани 1 ноября 1943 г. Глеб Анатолевич умер.

Судьба Николая Львовича Эрнста также разделилась на время до и после ареста: с 1938 по 1953 год он отбывал наказание в разных лагерях, в связи со смертью И. В. Сталина был амнистирован и отправлен на спецпоселение в город Прокопьевск Кемеровской области. Там, после разрешения вернуться в Крым, он и умер от инфаркта 20 марта 1956 г.

Николай Иванович Репников находился под следствием короткое время – с марта по май 1931 г. и смог вернуться к научной деятельности, которая состояла в продолжение исследований Эски-Кермена и других средневековых памятников. Он умер в 1940 г.

Наиболее спокойно сложилась судьба Владислава Иосифовича Равдоникаса. Он не был репрессирован, продолжил свои исследования, посвященные археологии Карелии и Северо-западной России, заведовал Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, был руководителем кафедры археологии ЛГУ. Умер 28 ноября 1976 г.

Источники и литература

1. Подробную характеристику контактов крымских краеведов с представителями столичных научных центров см.: Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3); Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий / Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – Симферополь : СГТ, 2006. – Т. 1. – 324 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 7); Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий / Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12); Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. : Стилюс, 2012. – 464 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15); Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего / Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Симферополь : СГТ, 2008. – 240 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 11); Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов ; под ред. А. А. Непомнящего / Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – К. ; Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 13).

2. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н. И. Платонова / Ин-т истории материальной культуры РАН. – СПб. : Нестор-История, 2010. – С. 219–241.
3. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст... – С. 195–231.
4. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920 – начала 1930-х / И. В. Тункина // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН : в 3 т. – М., 2008. – Т. 3. – С. 249–250.
5. Герцен А. Г. Н. И. Репников о Мангуле / А. Г. Герцен // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 30–38.
6. Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х гг. XX в. : по материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга / А. В. Хливнюк // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 9–30.
7. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре» : Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 17).
8. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст... – С. 200–203.
9. Непомнящий А. А. Николай Эрнст и Николай Репников : к истории одного конфликта / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПК. – Вип. 19. – К., 2011. – С. 143–159.
10. Автор приносит свою искреннюю благодарность хранителю и распорядителю семейного архива Бонч-Осмоловских – доктору исторических наук Надежде Игоревне Платоновой (г. Санкт-Петербург) за любезное предоставление и разрешение на использование ряда материалов этого уникального документального собрания.
11. Непомнящий А. А. Новые документы по истории краеведения в Крыму из архивов Санкт-Петербурга и Москвы / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 146–152; Хливнюк А. В. Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта (КрымОХРИС) и памятникоохранительная работа // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / авт.-сост. А. В. Хливнюк ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего ; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Симферополь : СГТ, 2008. – С. 41–58. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 11).
12. Севастьянов А. В. О научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) : историографический аспект / А. В. Севастьянов // Крымский архив. – 2009. – № 11. – С. 251–264; Севастьянов А. В. Изучая древность и сохраняя память : проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) / А. В. Севастьянов // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 168–179.
13. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : этапы творческой биографии / Н. И. Платонова // Санкт-Петербург и отечественная археология : историографические очерки / СПб. гос. ун-т. – СПб., 1995. – С. 121–144; Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : судьба ученого (по страницам семейного архива) /

- Н. И. Платонова // Археологические вести. – 2006. – № 12. – С. 301–315; Сомова Л. М. Г. П. Сомов / Л. М. Сомова, Н. И. Платонова. – Владивосток : Медицина ДВ, 2012. – С. 71–122.
14. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Крым. – 1926. – № 2. – С. 74–94; Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторическое прошлое Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский. – Симферополь : Крымгосиздат, 1929. – 14 с.
  15. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 3, д. 9, л. 8–9.
  16. Семейный архив А. Г. Бонч-Осмоловского. Записка В. И. Вернадского от 24 декабря 1929 г.
  17. Семейный архив А. Г. Бонч-Осмоловского. Письмо Директора ЦМТ от 1 июля 1929 г.; Письмо Крымской областной опытно-показательной школы от 3 июля 1929 г.; Письмо Османа Иззедина от 5 июля 1929 г.
  18. Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого... – С. 307–311.
  19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 29.
  20. Там же, л. 30–30 об.
  21. Там же, л. 30 об.–32 об.
  22. Там же, л. 33–34.
  23. Там же, л. 36 об.–37 об.
  24. Там же, л. 38.
  25. Там же, л. 38 об.–39.
  26. Там же, л. 40–40 об.
  27. Там же, л. 41–41 об.
  28. Там же, л. 41 об.–42.
  29. Там же, л. 42–44.
  30. Там же, л. 45–45 об.
  31. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма : историографические очерки / А. А. Формозов. – М. : Знак, 2006. – С. 49–62.

***Севастьянов О. В.* Ленінградське відлуння кримського конфлікту: нові подробиці наукового протистояння М. І. Реннікова та М. Л. Ернста на межі 20–30-х рр. ХХ ст.**

На основі синтезу архівних та опублікованих джерел висвітлюється проблема розвитку співпраці вчених-кримознавців з представниками академічних центрів радянської науки 20–30-х рр. ХХ ст. Найбільш відчутні результати спільної роботи проявилися у вивченні історичного минулого регіону: розкопках і охорони найбільш значних і цінних пам'яток історії та культури, організації їх порятунку від розграбування або вивезення, створенні унікальної професійної музейної мережі. Одним з найбільш інформативних, в даному контексті, є сюжет, пов'язаний з вивченням пам'яток епохи Середньовіччя, зосереджених в південно-західній частині гірського Криму. Масштабні городища на плато Мангуп-Кале і Ескі-Кермен залучали дослідників ще в дорадянську епоху. Однак дієві заходи з охорони та організації розкопок середньовічних укріплених поселень були зроблені тільки на початку

20-х рр. XX ст. Це було обумовлено тим, що з моменту встановлення Радянської влади всі археологічні розкопки були підпорядковані вертикальній системі державного контролю, в якому роль адміністративного нагляду виконували Головна наука Наркомосу РСФСР і ДАІМК. У даному контексті становить інтерес історія наукового конфлікту, що склався між М. Л. Ернстом та М. І. Репніковим за право пріоритетності експедиційного вивчення Ескі-Кермену. Аргументи сторін зводилися до взаємних звинувачень, в тому числі з боку М. І. Репнікова мали дискредитувати репутацію М. Л. Ернста. Нові документи, виявлені в рукописному відділі Наукового архіву ІМК РАН (м. Санкт-Петербург) презентують нові обставини даного протистояння. Вони стосуються розгляду т. н. «Справи Бонч-Осмоловського» – звинувачення найбільш великого дослідника кримського палеоліту в СРСР Г. А. Бонч-Осмоловського у фінансових зловживаннях і ідеологічних відхиленнях. Дані матеріали стали підставою для роботи спеціальної комісії в березні 1930 р. У статті представлений хід і аргументи учасників засідань комісії, проаналізовано показання Г. А. Бонч-Осмоловського, П. П. Єфименка, М. І. Репнікова, В. Й. Равдонікаса, О. Н. Бернштама та інших. Результати роботи комісії підтвердили необґрунтованість претензій до Г. А. Бонч-Осмоловського і винесли на громадський осуд дії М. І. Репнікова та В. В. Федорова. У висновку сформульовані передумови даного конфлікту і суспільно-політичний фон подій в радянській науці на межі 20-30-х рр. XX ст., що став живильним середовищем для появи звинувачень.

Ключові слова: Ескі-Кермен, Г. А. Бонч-Осмоловський, М. І. Репніков, В. Й. Равдонікас, М. Л. Ернст, М. Я. Марр, Державна академія історії матеріальної культури.

Sevastjanov A. V. Leningrad's echo of Crimean conflict: new details of scientific opposition by N. I. Repnikov and N. L. Ernst and to turn 20-30-ies. the XX century.

On the basis of the synthesis of archival and published sources, highlights the problem of the development of cooperation between scientists local lore with representatives of the academic centers of Soviet science 20-30-ies. the XX century. The most tangible results of the joint work emerged in the study of the historical past of the region: the excavation and protection of the most important and valuable monuments of history and culture, and the organization of their salvation from looting or export, creating a unique professional museum network. One of the most informative, in this context, is a story associated with the study of the monuments of the Middle Ages, centered in the south-western part of the mountain area. Large-scale settlement on the plateau Mangup Kale and Eski-Kerman attracting researchers back in the pre-Soviet era. However, effective measures for the protection and organization of the excavations of the medieval fortified settlements have been made only in the early 20's. the XX century. This was due to the fact that since the establishment of Soviet power all archaeological surveys were subject to a vertical system of state controls, in which the role of administrative supervision performed Glavnauka and SAHMC. In this context it is of scientific interest in the history of the conflict that has developed between the N. L. Ernst and N. I. Repnikov for the right of

priority expeditionary learning Eski-Kerman. Arguments of the parties were limited to mutual accusations, including from the groans N. I. Repnikov - disreputable reputation N. L. Ernst. New documents found in the manuscript department of the Scientific Archive IHMC (St. Petersburg) will present the new circumstances of the confrontation. They relate to the consideration of so-called "Affairs Bonch-Osmolovsky" - the accusation of the largest researchers of the Crimean Paleolithic to the USSR G. A. Bonch-Osmolovsky of financial irregularity and ideological deviations. These materials were the basis for the work of the special commission in March 1930. This paper presents the progress and arguments from the commission meetings, analyzed evidence G. A. Bonch-Osmolovsky, P. P. Efimenko, N. I. Repnikov, V. I. Ravdonikas, A. N. Bernshtam and others. The results of the Commission confirmed the invalidity of claims to the G. A. Bonch-Osmolovsky and made public reprimand N. I. Repnikov and V. V. Fedorov. In conclusion stated premise of this conflict and the socio-political background of the events in the Soviet science at the turn of the 20's and 30's the XX century., which became the breeding ground for the emergence of the charges.

Key words: Eski-Kerman, G. A. Bonch-Osmolovsky, N. I. Repnikov, V. I. Ravdonikas, N. L. Ernst, N. Y. Marr, State Academy of History of Material Culture.

Подано до друку: 17.05.2013 p.

УДК 82 – 6:94(=512.19) “653”: 930. 25(560)

Ш. Э. СЕЙТ-МАМЕТОВ

Переписка крымских беев с турецким правительством как источник по истории Крымского ханства (по материалам архива Торкарі)

Дворец-музей Торкарі (Торкарі Sarayı Müzesi) – государственное учреждение, подведомственное Министерству культуры и туризма Турецкой Республики. Во второй половине XV – первой половине XIX вв. был резиденцией османских султанов. Сегодня в его стенах хранится уникальное архивное собрание, значительную часть которого составляют источники по истории Крыма Средневековой эпохи. Целью статьи является изучение эпистолярного наследия крымской аристократии как источника по истории Крымского ханства. В работе рассмотрены документы, которые раскрывают политическую картину региона и суть военных походов. Здесь так же показана борьба за престол в ханстве. Из посланий и донесений крымских беев и муруз узнаем о смуте, в которой пребывала страна во времена Сахиб Герая. Источники предоставляют нам сведения о вельможе по имени Эминек, который имел влияние как внутри государства, так и на международной арене. Благодаря его

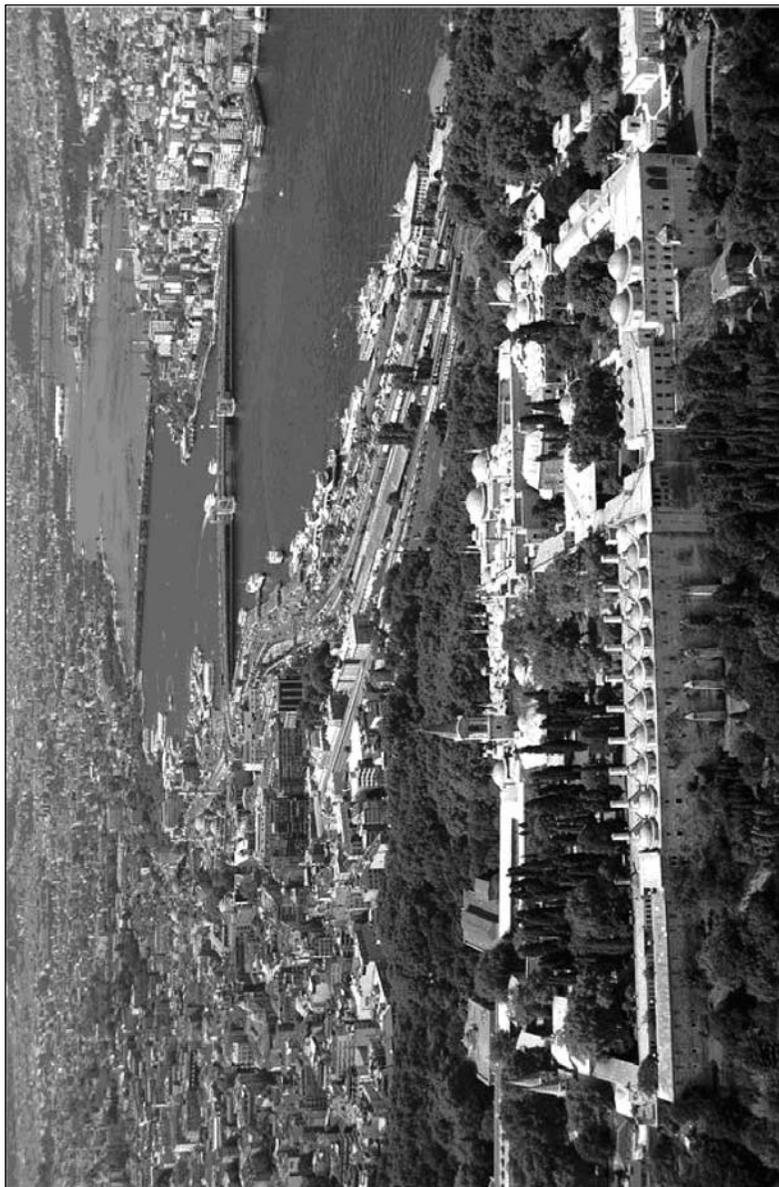
деятельности в 1479 году султан Османской империи во второй раз назначил Менгли Герая ханом.

Ключевые слова: Крымское ханство, крымские беи, мурза, архив Топкапы, ярлык, Эминек, Герай.

Дворец-музея Торкарı (Торкарı Sarayı Müzesi) – государственное учреждение, подведомственное Министерству культуры и туризма Турецкой Республики – во второй половине XV – первой половине XIX в. являлся резиденцией османских султанов. Сегодня в его стенах сохраняется уникальное архивное собрание, значительную часть которого составляют источники по истории Крыма Средневековой эпохи (Приложение 1).

Кроме ханских ярлыков и писем, здесь мы можем найти послания мурзы и беев Османскому правительству. Наиболее ранними из подобных документов в архиве музея Торкарı, являются письма Эминек-султана Фатих Мехмету. Его переписка с османскими правителями и упоминание имени в Тарханном ярлыке Хаджи Герая [1] является подтверждением важного статуса Эминек-султана [11]. После смерти первого Крымского хана бей играл еще большую роль. Можем предположить, что именно он, объединившись с Менгли Гераем, сверг с престола Нур-Девлета. Содержание письма свидетельствует, что этот бей был командующим крымской армии. Первое послание связано с походами султана на Молдавские земли. Здесь мурза объяснял причину неспособности оказать должную помощь в них. Датируется послание 881 годом по Хиджре (1476) [2]. Из второго письма Эминек-мурзы от 883 по Хиджре (1478) мы узнаем о внешнеполитической ситуации вокруг полуострова – над Крымом нависла угроза нападения золотоордынского хана Ахмеда; об отсутствии боеспособной армии; внутреннем состоянии крымской администрации – беи и мурзы не повинуются правящему хану Нур-Девлету. В связи с этим Эминек просит вернуть Менгли Герая на престол, который, по его словам, сможет навести порядок на полуострове. В итоге Фатих Мехмед прислушался к мурзе и направил хана на престол в 1479 году.

Известно послание человека из окружения крымского хана, предположительно адресованное хану Сахиб-Герая I, в котором упоминались обстоятельства отъезда в Казань принца Сафа Герая. Оно позволяет датировать данное событие (конец 1533–начало 1534 г.). Сафа Герай впоследствии стал ханом в Казанском ханстве [3]. Это подтверждает и письмо донесение хана Сахиб-Герая османскому султану Сулейману I.

Общий вид дворца «Горкари»

Письмо представителей Крымского клана ширин, адресованное принцу Саадет Гераю, TSMA, E. 6474/1 (опубликовано Benningsen A. Le khanat de Crimée au debut du XVIe siècle de la tradition Mongole a la suzerainete Ottomane / A. Benningsen, Ch. Lemerancier-Quellejey // Cahiers du monde russe et sovietique. – 1972. – T.13. - №3. – P. 335.)

جمع مرونگارا قریشی اجماع صحاح حدیثی
 بود و درون مرد نامد لرند موضع شغف سینه گزیده سینه بی اناس مفرور
 شوهرن چینه له کابنه بنور و سفر و سفرن قفق بنق نشغه بنور اولوی اولوی
 جانب داد و ظاهر بر و در زن استیج بود تر مقما اینی قفس اجمال صندره ارسا اولوی
 شا هکزی خانایک بوزن مقم قیرمن انفا لزه نکر مرز و دوش و سیده الهی و سید
 الیکو مقما معلوم سعاد تبریر دوسید بود فی خان شاد لیده کوا هید علی لیده
 امین له دام و با غبینه خزن سنده استقام اینک اوزره الهی بران حکم اعا اولوی
 اینکله او افرماه ذکا لغوه ده اولفاد روسه کز لید خان شاد لیده نکر فرموده
 و مسز خانه قعود و ضبط ابروی بالجله سوا علی قریل سکلده و ایمان اولی علی خاند
 لغایه دوسید زافعو لوی و وضع قبینه لکم فی الحفظه اوزره دورر خان شاد لیده قری
 بود و جمله نکر ضبط اینک کز کجا بخت و اجد سده اولدن بیرون برادر لیدی برادر
 سلطان اولان کرای سعادت و ساز سوا علی خاند قریل سوا لیدی برادر لیدی برادر
 اولان سلطانین بریش و و افرام قریل سوا لیدی برادر لیدی برادر
 نجه اولون هر یوز کینلو ترا کما سید و حکم کز دیر کما ماده و ممیا اولوه در
 بکیفیکینه نظر کز سوز و دا و ما غزیر مرز و دوش علیه بد ضیانت وضع علیه
 سایدق مرکوز اولی استرکان اولون لکن دوسه لوبه بکوند عو کف و ترا کز کز
 مرکوز و خان شاد لیده بوقر عا کز تر قی ابروی قریله و ما کز و حکم کز
 لادن قریه کز سوا لیدی برادر لیدی برادر دوش علیه دن سوا لیدی برادر
 بریم سوا لیدی برادر و قی عا کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 ساقید ایندن ما با بود و ده الهی و اسناد ابروی تا ناکه سوست و موی
 خان لیده علی اولی لیده ما و دوش و خان شاد لیده بریم کز عا کز لیدی برادر
 آقی و دن علیه اله بکونه سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر و در سح هر افره
 دوسید و حکم کز سید و مکر و جمله لیدی برادر قریله اولی لیدی برادر از جمله غلبه
 خان لیده و سینه شغه لای کز دوش کز دوش لیدی برادر و اما له اولوی لیدی برادر
 فادی عیاد و تازه قریله اولی لیدی برادر و خانان مرمومان دوش دوسید اولی لیدی برادر
 نامی کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر دوش علیه دن سوا لیدی برادر
 اولی لیدی برادر و اولی لیدی برادر کز سوا لیدی برادر دوش علیه دن سوا لیدی برادر
 بنا علیه مرز و دوش علیه دن و فی خان قی یونما سینه غلبه سینه اولی لیدی برادر
 ترا کز کز لیدی برادر و دوش علیه دن ابروی سرمانه حکم و مهمت ارسا لیدی برادر
 و کجا قریله در مرز خان لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 بریم کز و دوش علیه دن سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 قریله و سینه غلبه سینه اولی لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 و اجباران ابروی کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 بدی خان لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر
 قریله مرز و خان لیدی برادر کز سوا لیدی برادر کز سوا لیدی برادر

Образец документа из «Muhimme defterleri»,
 в котором регистрировались все входящие и исходящие
 письма Османского государства.

Приказ Августейшего Дивана бею Кафинского санджака Али о необходимости разбора жалобы на двух жителей Азака (Азова) подтверждает могущество и власть беев на территории полуострова. Они обладали полной административной и судебной властью. Датируется послание 17 мухаррама 952 по Хиджре / 31 марта 1545 года [4].

Интересным является письмо группы крымских аристократов принцу Саадет Гераю (1492–1538), находящемуся при дворе султана, с упоминанием о намерении хана Мухаммед Герая I перенести свою столицу в Астрахань и объединиться с иранским шахом, написанное в 1523 году [5; 6] (Приложение 2). Послание начиналось с пожеланий и изъявлением покорности к султану, а уже после велось обращение непосредственно к принцу, вот уже семь или восемь лет находившегося на службе у султана. Крымские вельможи сообщают, что пребывают в беспокойстве и печали, поскольку государь перестал совершать добрые дела. Проводимые им в обществе персидских еретиков дни и ночи сводятся к нарушению закона веры, при этом важные дела страны оказались в запущенном состоянии. Из-за многочисленности тиранств и притеснений, чинимых подданным его сыновьями, они вызвали ненависть к себе сановных и знатных людей и всех жителей государства, которые с мольбой о помощи пали к их ногам.

В документе повествуется, что хан хочет вывести все население через Перекоп, поскольку намеревается, захватить Хаджи-Гархан, сделать его столицей и вступить в союз с кызылбашами («красноголовые») объединение тюркских кочевых племен Малой Азии и Азербайджана, возглавленное династией ардабильских шейхов из радикального шиитского суфийского ордена Сефевидов. Они носили шапки с 12 красными повязками, в честь 12 шиитских имамов, из-за чего были названы кызылбашами [9]. Он (хан) направил к ним в качестве своих доверенных лиц двух людей.

Беи, выступая против этого, призывают Саадет Герая вернуться в Крым и захватить при их помощи власть. А для начала предлагают приложить усилия и рвение, обратиться к бекам и пашам, что бы те действовали должным образом.

Перепись с письма-оригинала хранится на страницах «Muhimme defterleri» (Приложение 3). На лицевой стороне под текстом документа оттиск трех печатей (2 круглых и 1 шестиугольной) со следующими легендами (справа налево):

1. (В верхней части) «Агиш бек»; (в нижней части) «б. Кугуш»; (в центре) тамга, изображающая ковш или ключ. В. Остапчук со ссылкой

на книгу О. Акчокраклы «Кырымда татар тамгалары» утверждает, что ключ был «знаком» клана ширин [12]. Вместе с тем, крымский хронист XVIII в. Абд ал-Гаффар Кырыми, сам принадлежавший к «элю» ширин, называет это племя (кабилэ) ответвлением племени ас, тамгой которого был ковш (чумеч) [13].

2. (В верхней части) «Бахтийар мирза б.»; (в нижней части) «Девлетек бик»; (в центре) тамга, изображающая ковш или ключ.

3. (В верхней части) «Прибегающий к милости Господа Сокрывающего [грехи]»; (в нижней части) «Эвлиа мирза б. Девлет-Иар» [11].

Еще одно письмо представителей крымской знати в Высокую Порту с изложением ситуации в Крымском ханстве [7] датируется концом 1533 – началом 1534 г. Авторы письма сообщают султану о смуте в государстве, причиной которой является бездумное правительство Сахиб Герая.

Говорится, что народ страны еще никогда не видел подобных дел. Со времен отцов и дедов в стране был порядок – прежние ханы соблюдали заповеданные им законы и древние обычаи, вследствие чего все подданные благоденствовали, постоянно совершали походы и набеги, а страна была переполнена полоном. Нынешние ханы совершают действия, противные законоустановлениям своих предков, вводят много незаконных новшеств и совершают много неразумных действий. Уже более тринадцати лет в стране царит беспорядок, не прекращаются смуты и мятежи, все прежние беки и мурзы уничтожены в междоусобицах; положение подданных находится в расстройстве, ибо они не могут ни совершать набеги за полоном, ни спокойно заниматься хлебопашеством. Разрушена не только страна, неисчислимый ущерб наносится и личным владениям падишаха. А беи претерпели много несправедливости и притеснений. Нет никакой вероятности, что в будущем отношения между ханом и Ислам султаном наладятся [10].

Таким образом, просьба и ходатайство «этих рабов» от всех жителей страны к султану заключается в том, чтобы он пожаловал такого хана, который, следуя заповеданным предками законам и обычаям, их из праха, а страну вновь привел в благоустроенное состояние. Если же будет решено, что ханом следует оставить нынешнего хана Сахиб Герая, то страна, по их мнению, никогда не избавится от смут, и это будет пятном на совести падишаха.

В архиве Торкарі нами так же выявлено письмо, автор которого занимает высокий пост в Крыму, возможно губернатора. Оно адресовано Великому визирю. В послании говорится, что Шахин Герай ведет пере-

говоры с Россией, что русскими ему в помощь отправлены войска. Здесь упоминается заточение в тюрьму всех братьев Шахин Герая и убийство одного из калга-султанов. Кроме того узнаем, что Тифлиссские и Грузинские ханы переходят на сторону России. В итоге, автор письма предостерегает османского правителя действовать осторожнее [8].

Таким образом, документы раскрывают политическую картину региона и суть военных походов. Они дают возможность проследить, как проходила борьба за престол в ханстве. Из посланий и донесений крымских беев и мурз узнаем о смуте, в которой пребывала страна во времена Сахиб Герая. Источники так же предоставляют нам сведения о вельможе по имени Эминек, который имел влияние как внутри государства, так и на международной арене.

Источники и литература

1. Kurat A. N. Topkapı Sara Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler / A. N. Kurat – Istanbul: Dil ve tarih – coğrafya fakültesi yayınlarından (Tarih serisi 1), 1940. – S. 80
2. Ibid. – S. 101–115.
3. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi (TSMA), E. 5434.
4. TSMA, E. 12321, f. 169v–170r.
5. TSMA, E. 6474/1.
6. TSMA, E. 1308/3.
7. Gokbilgin O. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray, khan de Crimée (1532–1551) a Istanbul, Paris et Leningrad / O. Gokbilgin // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1970. – T. 11, № 3. – P. 462–169; Gokbilgin O. 1532–1577 Yılları Arasında Kırım Hanlığı'nın Siyasi Durumu / O. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – S. 55–56, 75; Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 a 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par O. Gokbilgin. – Ankara, 1973. – S. 292–294; Le khanate de Crimée des Archives du Musée du palais de Topkapı. / A. Benningesen, Ch. Lemerrier-Quellejey, P. N. Boratav, D. Desaiive. – Paris and Hugué : Mouton, 1978. – P. 121–125.
8. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi (TSMA), d.4202/0007.
9. Советский энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 678.
10. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древнехранилищ Турции: сб. док. / сост. И. А. Мустакимов; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2008. – 464 с. + 16 с. илл.
11. См. подробнее : Сейт-Маметов Ш. Э. Документы по истории Крымского ханства в собрании коллекции Топкапи (Стамбул) / Ш. Э. Сейт-Маметов // Культура народов Причерноморья, 2011. – №199. – С. 62–64.

12. Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Sarayı: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations / V. Ostapchuk // *Turcica : revue d'etudes turques*. – 1987. – Т. 19. – P. 269, note 55.
13. Kirimi el-Hacc 'Abdu'l-Gaffar. 'Umdetii't-tevarih / el-Hacc 'Abdu'l-Gaffar Kirimi. – Istanbul, 1343/1924-1925. – S. 46.

Сейт-Маметов Ш. Е. Листування кримських беїв з турецьким урядом як джерело з історії кримського ханства (за матеріалами архіву Топкарі)

Палац-музей Топкарі (Топкарі Сарayı Müzesi) – державна установа, підвідомча Міністерству культури і туризму Турецької Республіки. У другій половині XV – першій половині XIX ст. був резиденцією османських султанів. Сьогодні в його стінах зберігається унікальне архівне зібрання, значну частину якого становлять джерела з історії Криму Середньовічної епохи. Метою статті є вивчення епістолярію кримської родової аристократії, як джерела з історії Кримського ханства. У роботі розглянуті документи, які належать перу кримських беїв. Серед них листи Османським султанам, везірам та нащадкам Кримського престолу. Вони розкривають політичну картину регіону і суть військових походів. Також показана боротьба за престол у ханстві. З послань і донесень кримських беїв і мурза дізнаємося про смуту, в якій перебувала країна в часи Сахіб Герая. Джерела так само надають нам відомості про вельможу на ім'я Емінек, який мав вплив як усередині держави, так і на міжнародній арені. Завдяки його діяльності в 1479 році султан Оттоманської порти вдруге призначив Менглі Герая ханом.

Ключові слова: Кримське ханство, кримські беї, мурза, архів Топкапи, ярлик, Емінек, Герай.

Sate-Mametov S. E. Correspondence Crimean Beys With The Turkish Government As a Source On The Crimean Khanate (based on file Topkapı)

We learn that the Palace Museum Topkapı (Topkapı Sarayı Müzesi) – public institution subordinated to the Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Turkey. In the second half of XV – first half of XIX century it was the residence of the Ottoman sultans. Today its walls remains unique archival collections, many of which are sources in the history of Crimea in Medieval era. The aim of the article is to study epistolary of Crimean aristocracy as the source on the history of the Crimean Khanate. In the paper analyzes the documents which are penned by Crimean beys. Among them messages for Ottoman sultans, vizier and descendants of the Crimean throne. There are documents in the article that reveal the political situation of the region and the essence of military campaigns. We see the struggle for the throne which took place in the khanate. In messages and reports of Crimean Beys and murzas we learn about turmoil in the country during the days of Sahib Girays court. Sources also provide us with information about the nobleman named Eminek who had influence within the state, and in the international arena. Due to his activity in 1479 the sultan of the Ottoman port appointed Mengli Giray Khan for the second time. Also we get information about “tamga”s belong to different

aristocracy clans and and become acquainted with the names of the most powerful among them. Article will be interesting for people involved in oriental studies. Much of the documents have unique importance for the history of the Black Sea region as a whole.

Key words: Crimean Khanate, Crimean Beys, murza, archive Topkapı, label, Eminek, Giray.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

УДК 908: 655.3.066.32+655.41 «1899/1917» (477.75)

Д. В. ЯШНИЙ

**Дорядянські документальні листівки
як джерело з вивчення втраченої
містобудівної спадщини Криму (1895–1917)**

Розглянуто методологічну основу використання дорядянських документальних листівок у вивченні втраченої містобудівної спадщини на основі великого корпусу кримських видів. Проведено аналіз прямий і опосередкованої історіографії, що стала підставою для дослідження: робіт з урбаністичної історії, історії видових листівок, засад дослідження втраченої містобудівної спадщини. Визначено основні дефініції дослідження та критерії їх визначення. Розглянуто питання про поняття «втрачена містобудівна спадщина». Введено в науковий обіг типологію і класифікацію видових листівок, які можуть бути використані у вивченні втраченої містобудівної спадщини. На підставі корпусу кримських документальних листівок, відновлені засади функціонування і співіснування архітектурних елементів різних містобудівних періодів у містах півострова на початок ХХ століття.

Ключові слова: втрачена містобудівна спадщина, документальні листівки, культурна спадщина.

Якісні зміни в методології вітчизняного пам'яткознавства, які відбулись у 80-х роках минулого сторіччя та ввели в наукові дослідження «ландшафтну концепцію» або «концепцію ландшафтів», дозволили зробити якісний крок в дослідженні та охороні комплексних об'єктів культурної спадщини [1]. Згідно з цією концепцією «ландшафт – це територіальна цілісність, яка має об'єктивні межі і стійкий образ» [2]. Під визначенням «ландшафт» розуміється єдність не тільки архітектурних форм власне пам'ятки, але і навколишньої природи та забудови, які і формують автентичний образ [3].

У законі України «Про охорону культурної спадщини» є визначення об'єкту містобудування: «історично сформовані центри населених місць, вулиці, квартали, площі, комплекси (ансамблі) із збереженою

планувальною і просторовою структурою та історичною забудовою, у тому числі поєднаною з ландшафтом, залишки давнього розпланування та забудови, що є носіями певних містобудівних ідей» [4]. Попри це, об'єктом культурної спадщини можуть бути лише існуючі та взяті на облік державними і місцевими органами охорони культурної спадщини «матеріальні свідчення минулого», що виключає з цього ряду комплекси втрачені до їх набуття ними певного нормативного статусу.

Одним із найважливіших визначень, зміст якого в вітчизняній науці досі не був розкритий в теоретичних дослідженнях з пам'яткознавства, і об'єктом нашого дослідження є «втрачена містобудівна спадщина». Існуючі роботи практичного характеру, які направлені на формування засобів охорони, встановлення меж і режимів забудови в історичних населених місцях, сучасних містах, у межах ландшафтних та архітектурних пам'яток не дають визначення втраченої містобудівної спадщини як комплексу архітектурних, ландшафтних, природних об'єктів, що на певний історичний період створювали цілісний містобудівний ансамбль. На це є цілий ряд причин: недостатність джерельної бази досліджень, відсутність нормативних документів, що визначають місце втрачених культурних надбань нашого народу, неможливість практичного застосування результатів досліджень.

Для нашого дослідження визначимо втрачену містобудівну спадщину як єдиний комплекс міської забудови, сформований у певних умовах та в певний час, який втратив свою цілісність, зв'язки між окремими елементами, внаслідок чого в історичному, культурологічному, естетичному, пам'яткознавчому аспектах не може сприйматись сьогодні єдиним складеним об'єктом.

Розуміння містобудівного ландшафту як окремого формування та оточення пам'яток архітектури на час їх створення є важливою складовою збереження автентичності об'єктів нерухомої культурної спадщини як невід'ємної частини забудови. Важливим етапом у виявленні та вивченні втраченої історичної забудови є джерелознавчі дослідження, на основі яких формується цілісна картина хронологічних етапів розвитку, об'ємно-просторових відношень, містобудівних рішень, планувальної системи та інфраструктури об'єкту. Важливе місце в таких дослідженнях посідають зображальні джерела, які наочно презентують певний період розвитку забудови. Найбільш забезпеченим аудіовізуальними джерелами є період містобудування з кінця XIX століття і до нашого часу.

[№ 2] : [Ялта] : [панорама] : [печатное]. – Стокгольм :
акц. о-во «Гранберг», 1916.

Бригъ — Сгimée. Гурзуфъ. Общій видъ.

48.

[№ 48] : Крым : [Гурзуф] : общий вид : [открытое письмо]. –
[Стокгольм] : [изд-во «Ернст Г. Сванстрем»], [после 1904]

Образотворчі джерела довгий час в історичному джерелознавстві ставилися в підлегле становище щодо письмових і речових, що призвело до однобічного розвитку вітчизняної історичної науки. В останні десятиліття, під впливом західноєвропейських історичних студій у вітчизняній науці відбувається так званий «візуальний поворот», результатом якого стало значне збільшення досліджень аудіовізуальних документів [5].

Візуалізація історії стосується не тільки суто джерелознавчого опрацювання документів, але і її використання для зменшення різниці між «професійною історією» та «історією для загалу» [6]. Образ, на відміну від тексту, найбільш універсальний до сприйняття. А якщо звертатися до аудіовізуальних документів, зроблених за допомогою технічних засобів для поверхневого аналізу (достатнього для пересічного оглядача), у більшості з них не виникне особливих проблем з прочитанням таких документів.

На жаль, для вітчизняного джерелознавства (на відміну від досліджень ближнього зарубіжжя) візуалізація історії залишається справою декількох дослідників [7]. «Текстоцентризм» історичної науки обмежує не тільки дослідницьку, але й презентаційну складову. У нашому дослідженні ми розглянемо можливості використання документальних видових листівок у вивченні та популяризації втраченої містобудівної спадщини Криму.

Документальна листівка – це різновид поштового посилання, видова сторона якої ілюстрована світлинами міст, містечок, її можна віднести до так званих «технотронних джерел» разом із фотографією, відеозаписами, аудіозаписами [8]. Тим не менш, на відміну від них листівка є масовим поліграфічним продуктом, свідомством розвитку пошти, друкарської справи. Усі ці ознаки обумовлюють специфічні методологічні прийоми при джерелознавчому аналізі на етапах визначення авторства, місця та часу видання. На нашу думку, видові листівки – це окрема група джерел у корпусі аудіовізуальних документів.

Формування корпусу дорадянських видових листівок, ілюстрованих видами міст та містечок Криму почалось 1895 року, адже саме цим роком за датою проходження пошти датується листівка із зображенням будівлі на місі Ай-Тодор, де після 1912 року було побудовано замок «Ластівчине гніздо» [9]. Видання листівок з кримськими видами розвивалось у русі загальноімперського процесу, який пізніше отримав назву «золотий час листівки». Трохи більше ніж за два десятиліття: з 1895 до 1917 років видавництво листівок з другорядного доходу фотомайстерень

перетворилось в окрему галузь поліграфічної промисловості. До виготовлення світлин, перенесення їх на поштовий бланк, тиражування та розповсюдження готових поштових посилок залучилися майже всі міста та містечка Російської імперії та закордонні фірми.

З 1895 до 1917 року сформувався значний корпус кримських видових документальних листівок, який можна вважати своєрідним «фотолітописом» життя півострова на початку ХХ століття. Оцінюючи приблизну кількість оригінальних видів, ми можемо говорити більш ніж про 3,5 тисячі видань. Кількість видань окремих видів залежала від попиту на них серед відпочиваючих, тому найбільше презентовані на ілюстрованій стороні листівок туристичні та видавничі центри: Південний берег Криму (ПБК), Бахчисарай, Севастополь, Сімферополь, Феодосія [10].

Найбільшу увагу до загальних видів міст і містечок приділило в своїх листівках акціонерне товариство «Гранберг». Серед продукції цієї фірми знаходимо посилення із світлинами міст Південного берегу Криму, Феодосії, Сімферополя. Незначна увага в перший період видавництва (до 1904 року) приділялася Севастополю [11]. Крім власних негативів, видавництво займалося виготовленням листівок з фотографій майстрів з різних куточків Європи. Російські поштові картки цього видавництва призначалися виключно для внутрішньої кореспонденції.

Якістю продукції відрізнялись фототипія видавництва О. С. Суворіна та друкарня Шерер і Набгольц, що розташовувалися в Москві. Крім них серед зарубіжних компаній листівки з красвидами Криму друкували і багато інших, але менш відомих видавництв, такі як берлінське фірми ERRTEE (виробник фотоапаратів) для якої видання листівок було своєрідною рекламою для своїх апаратів. Усе що ще відомо про це видавництво – це його розташування у Берліні, як і про фірму Conrad A. Muller EC^o, яка розташовувалася в Нюрнберзі.

Особливий інтерес може викликати продукція німецького видавництва Dr. Trenkler&C^o з Лейпцига, адже їх листівки випускалися в період німецької окупації 1918 року. На одній із листівок, присвяченій Феодосії відображені німецькі солдати, що прогулюються поряд з Міськими купальнями [12].

Іншим значним видавцем кримських видових листівок, але вже російським, була Община святої Євгенії, яка займалася випуском поштових карток у благодійних цілях. За два десятиліття до 1917 року Общиною були випущені листівки 6406 назв (з них 3000 видових, 200 географічних, а інше – репродукції картин та вітальні листівки). З 1901

по 1915 роки вийшло 11 видань каталогу випущених громадою листівок. Тиражі листівок спочатку були вельми невеликими – всього кілька сотень примірників, але з 1907 року звичайний тираж став у 10 тисяч примірників, а деякі, найбільш популярні листівки, витримували 5–6 видань. Загальна ж кількість випущених листівок за 20 років перевищила 30 мільйонів [13].

Власне кримськими видами були ілюстровані 159 листівок, основна увага в яких приділялась Південному берегу Криму. За кількістю оригінальних видів, виданих Громадою, Крим обійшов інші місцевості. Картки з видами ПБК випускалися для «Громади ...» німецьким видавництвом Ph. Bäcker (Autzine Editions artistiques) [14].

Найбільшим видавництвом видових листівок в останнє десятиліття перед революцією було «контрагентство О. С. Суворіна і К^о». Користуючись своїми винятковими зв'язками, власник урядової газети «Новий час» О. С. Суворін отримав від Міністерства шляхів сполучення в оренду книжкові та газетні кіоски на всіх залізничних станціях Росії. Видаючи листівки з видами мало не всіх міст Росії і навіть більш-менш значних станційних селищ, О. С. Суворін з успіхом розповсюдив ці видання через орендовані ним вокзальні кіоски.

Після смерті Олексія Сергійовича його сини випустили ще три видання листівок спільно з московською фототипією Шерер і Набгольц. Ці листівки відрізнялися більш низькою якістю, ніж випуски самого О. С. Суворіна. Крім листівок, ілюстрованих видами Феодосії, відомі картки з видами Сімферополя із зазначенням його авторства на лицьовій стороні [15].

У центрі Таврійської губернії – Сімферополі – виданнями листівок, крім згаданих міжнародних, займалися і місцеві друкарні, фотоательє і фототипії. Найбільшими з них були: «Видавництво Мирона Малинського», господар якого співпрацював з контрагентством О. С. Суворіна і фототипією Шерер і Набгольц у Москві, Акціонерним товариством Гранберг в Стокгольмі. Видання художнього магазину І. П. Руденкова, випускало не тільки свої листівки у видавництвах Гранберг і Verlag A. K. Richter, але і використовувало свої потужності [16].

Найбільш продуктивним серед кримських видавців було видавництво Вассермана, з під пресу якого виходили листівки не тільки з видами Феодосії, а й інших міст Криму. Авторство перших відомих листівок по Феодосії приписують видавництву паперового і книжкового магазину Г. І. Реймхе, але, на жаль, листівок його відомо небагато, то-

му достовірно атрибутувати деякі не підписані листівки, як видані Реймхе, неможливо [17].

Крім Феодосії, велика кількість місцевих видавців, що використовують як свої, так і інші друкарні, знаходилася в Севастополі і, де візові листівки випускали власники книгарень Д. О. Харченко, Є. М. Ковшанли [18].

Випуском севастопольських видів на листівках займалася власниця книгарні в Ялті Ю. Волкова. Видання І. М. Протопопова, власника магазину канцелярських товарів, вважається найбільшим у дорадянському Севастополі. Відомо близько 100 оригінальних видів міста і околиць, віддрукованих з його негативів у друкарнях Шеррер Набогольц і Ко в Москві і Гранберг в Стокгольмі.

Найбільш відомий з кримських майстрів фотомистецтва – Василь Никандрович Сокорнов, займався виготовленням фотографій із зображенням Південного берега. Більшість дорадянських його робіт було видано на поштових картках. Друкуванням відкритих листів, ілюстрованих фотографіями Василя Никандровича, займався ряд видавців, від місцевих до міжнародних.

На даний момент дослідникам вдалося відновити аспект співпраці Василя Никандровича з наступними видавцями: Абільтааром Умеровим з Бахчисараю, Акціонерним товариством «Гранберг» і Видавництвом «Ернст Г. Сванстром і син» зі Стокгольма, Бібліотекою Ю. В. Волкової, Дмитром Николічем, З. В. Несвітайловим і «Фотографія І. Семенова» з Ялти, Бібліотекою і книжковим магазином Девічинського (Алупка), Видавництвом Союзу Св. Євгенії Червоного Хреста з Санкт-Петербурга, «Котрагенством друку», «Торговим домом Еккель Калах» і «Шерер, Набогольц і Ко» з Москви, «Північним Видавництвом»; «Штенгель і Ко» з Дрездена [19].

Раніше за всіх ілюструвати свої поштові картки фотографіями Василя Никандровича, на думку дослідників його творчості, почала видавати Ю. В. Волкова. Майже в той же час листівки за негативами майстра видавав І. Семенов – ялтинський фотограф [20]. Також було встановлено, що Василь Никандровича займався видавництвом власних ілюстрованих листівок (вийшло шість видань самого майстра) [21]. Всі листівки, ілюстровані фотографіями майстра, незалежно від якості друку, відрізняв високий художній рівень.

Про І. Семенова, на відміну від В. Н. Сокорнова, залишилася незначна кількість відомостей. Він був ялтинським фотографом і мав власне фотоательє в будинку Латри на Морській вулиці, де виготовляв порт-

рети і видавав ілюстровані поштові картки [22]. Крім цього він займався видовою фотографією і друкував свої фотографії на поштових картках власного випуску. Саме їм були зроблені унікальні знімки будівництва Лівадійського палацу. І. Семеновим був складений альбом з власних фотографій Алупки, Ай-Тодора, Балаклави, Гурзуфа, Дюльбера, Лівадії, Сімеїзу, які використовувалися для ілюстрування відкритих листів [23].

Про видавничу діяльність Федора Орлова, автора багатьох фотографій з кримськими видами, придворного фотографа Олександра III, до цих пір мало що відомо. Їм було видано багато власних фотографій, присвячених Алупці, Масандрі і Криму в цілому [24]. Він мав власне фотоательє в Ялті, де випускав листівки власного виготовлення, однак листівок цього видавництва відомо небагато. Судячи з випусків, які дійшли до нас, майстер співпрацював з Акціонерним товариством «Гранберг».

«Золотий час листівки» співпав з одночасним існуванням в Криму двох урбанізаційних періодів та систем містобудування: турецько-татарської, яка брала свої коріння з Середньовіччя, та модерної російської, яка орієнтувалася на квартальну систему організації простору, з виділенням спеціалізації районів [25]. Ці два періоди не мали в Криму наслідувальних зв'язків і розвивались окремо. На початку ХХ століття перша система вже більше століття перебувала у стагнації у зв'язку із зменшенням татарського населення, а друга – переживала період розквіту архітектурних форм.

Одним з найпоширеніших сюжетів листівок були панорамні види міст та містечок Криму, які можна об'єднати загальною назвою «общие виды», якою вони анутовалися видавцями [26]. Друга група листівок була присвячена окремим вулицям, площам, провулкам, визначним місцям [27]. Саме ці дві групи листівок у більшій мірі репрезентують цілісний містобудівний розвиток кримських містечок на початку ХХ століття. Окрім як у зазначених групах листівок, зображення окремих будівель, споруд, монументів, які містяться на ілюстрованій стороні поштових посилок, представлені не окремо, а вписаними в оточуюче середовище [28]. Пошук та аналіз листівок для використання в містобудівних дослідженнях потрібно проводити виходячи з багатьох факторів: ландшафту, що оточує місто, природних умов, характеру періоду забудови, який досліджується.

Найбільш типовими для узбережних міст є загальні види, зроблені з боку моря, які ілюструють тільки першу лінію забудови [29]. Для міст

Південного берегу можна додати і знімки, зроблені з пагорбів та скель, які найбільш повно розкривають планувальну схему міста, але поза об'єктивом фотомайстра в такому разі залишається «цілісний образ міста», який включає поєднання забудови і ландшафту [30]. Тим не менш картки, що ілюстровані такими видами, розкривають об'ємно-просторові співвідношення окремих частин забудови, планувальні особливості та «силует міста» – «цілісне сприйняття оглядачем забудови та оточуючого ландшафту, співвідношень частин забудови, характерного для конкретного населеного пункту, за яким йде процес впізнання» [31].

Судячи з листівок, не тільки в губернському центрі, та у великих містах одночасно існувало дві системи забудови: турецько-татарська та модернова. У другий період «золотого часу» листівок (1904–1914 рр.) у видавничих підписах з'являються визначення «старе місто» і «нове місто».

Під написом «старе місто» завжди представлені світлини, присвячені турецько-татарському періоду забудови, тим не менш, беручи до уваги втручання в забудову цієї частини міст на початку ХХ століття, досліднику треба бути обережними у визначеннях. Прикладом можуть слугувати побудовані в ХІХ та на початку ХХ століття мечеті в Алупці та Гурзуфі, які були «вписані» в середньовічну планувальну схему «старого міста». Таке поєднання мало свої наслідки – через щільність забудови старої частини міст ці мечеті майже не мали свого двору [32]. В цілому ж, середньовічна забудова кримських міст залишалася майже незмінною за весь «золотий час».

Джерела та література

1. Боярский П. В. Теоретические основы памятниковедения (постановка проблемы) / П. В. Боярский // Памятниковедение : теория, методология, практика. – М., 1986. – С. 3–8.
2. Основи пам'яткознавства / за ред. О. Л. Гріффена, О. М. Титової ; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2012. – С. 44.
3. Там само. – С. 46.
4. Закон України «Про охорону культурної спадщини» : розділ І : ст. 2 // Відомості Верховної Ради України. – 2000 – № 39. – С. 333.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М. : Искусство, 1996. – С. 71.
6. Соколов А. Б. Текст, образ, интерпретация : визуальный поворот в современной западной историографии / А. В. Соколов // Очевидная история : проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2008. – С. 11.

7. Дробна І. В. Джерелознавчий аналіз документальних листівок : етапи дослідницької процедури / І. В. Дробна // Вісник Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка : історичні науки. – 2008. – Вип. 2. – С. 274–281 ; Маркітан Л. П. Постаць Івана Франка в кінофотодокументах / Л. П. Маркітан // Укр. іст. журн. – 2006. – № 5. – С. 206–212 ; Іваненко А. М. Твори зображального мистецтва як історичне джерело / А. М. Іваненко // Вісник Київського ун-ту імені Тараса Шевченка. – К., 1999. – 48–51.
8. Магидов В. М. Историческое и технотронное источниковедение / В. М. Магидов // Вспомогательные исторические дисциплины : источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : матер. XX междунар. науч. конф. : в 2 ч. – М., 2008. – Ч. 1. – С. 43–54.
9. Ялта : Ай–Тодор : [Открытое письмо]. – [Б.м.], 1895.
10. Ёлкин С. Желанные весточки с Юга : Крым в зеркале открыток / С. Ёлкин // Василий Сокольников : виды Крыма / Гос. центр фотографии. – СПб., 2006. – С. 27.
11. [№ 113] : Крым : Алушта : пристань Р.О.П. и Т. : [открытое письмо]. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1904]. – [аннот. илл. стор на рус. и фр. языках]; [№ 2] : [Ялта] : [панорама] : [печатное]. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», 1916; [№ 168] : Крым : Севастополь : почтовая карточка / Granbergs brefkort. - Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1904]. – [аннот. об. стор. на фр. языке]; Крым : Симеиз : общий вид : открытое письмо / изд. библ. Девичинского. - Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1904]. – [аннот. илл. стор. на рус. и фр. языках]; Новый Симеиз : общий вид : почтовая карточка / С. Сиямиди. – [Стокгольм] : [акц. о-во «Гранберг»]. – [после 1909].
12. Поклон из Феодосии : каталог видовых открыток (1899–1918) / сост. А. О. Олещук, В. А. Диканов ; Феодосийский музей денег. – Феодосия, 2005. – С. 113.
13. Снегурова М. Община Св. Евгении / М. Снегурова // Наше наследие. – 1991. – № 3 (21). – С. 31–32.
14. Алушка : скала Айвазовского : [почтовая карточка]. – Ph. Väcker, [Б.г].
15. Поклон из Феодосии : каталог видовых открыток (1899–1918) / А. О. Олещук, В. А. Диканов ; Феодосийский музей денег. – Феодосия, 2005. – С. 114.
16. Симферополь на старой открытке (1898–1918) : альбом–каталог / авт. текст. и сост. А. Пилашевич, В. Кацубинский; изд. В. Диканов – Симферополь, 2006. – С. 136–138.
17. Поклон из Феодосии : Каталог видовых открыток (1899–1918) / А. О. Олещук, В. А. Диканов; Феодосийский музей денег. – Феодосия, 2005. – С. 110 – 111.
18. Там само. – С. 109–113.
19. Ёлкин С. Желанные весточки с Юга : Крым в зеркале открыток / С. Ёлкин // Василий Сокольников : виды Крыма / Гос. центр фотографии. – СПб., 2006. – С. 29.
20. Морозов С. Атрибуция произведений Василия Сокольника по открыткам / С. Морозов // Василий Сокольников : виды Крыма / Гос. центр фотографии – СПб., 2006. – С. 33.
21. Ёлкин С. Желанные весточки с Юга : Крым в зеркале открыток / С. Ёлкин // Василий Сокольников : виды Крыма / Гос. фотографии. – СПб., 2006. – С. 27–32.
22. Морозов С. Атрибуция произведений Василия Сокольника по открыткам / С. Морозов // Василий Сокольников : виды Крыма / Гос. центр фотографии – СПб., 2006. – С. 33.
23. Семёнов И. Воспоминания о Крыме : Ялта : [фотоальбом] / сост. и авт. фотографий И. Семенов. – Стокгольм : изд-во «Акционерное общество Гранберг», 1913. – 41 с. ил.

24. Дубилей Л. П. Фотографии с видами Крыма из архива А. Л. Бертье-Делагарда / Л. П. Дубилей // III Таврические научные чтения, посвященные 160-летию со дня рождения А. Л. Бертье-Делагарда (г. Симферополь, 24 мая 2002 г.) : сб. мат. / Крым. респуб. краевед. музей. – Симферополь : Тритон, 2003. – С. 26.
25. Верменич Я. Исторична урбаністика в Україні : теорія містознавства і методика літочислення / Ін-т історії України НАН України. – К., 2011. – С. 175–180, 193–201.
26. [№ 10] : Севастополь : [общий вид с моря] : открытое письмо / Н. А. Вязнов. – Berlin : kunstanstalt «G. Bruckan», [до 1904]; [№3158] : общий вид Нового Симеиза : открытое письмо. – [Б.м.], [после 1904]; [№ 35] : Гурзуф: общий вид : [открытое письмо] / изд. фот. И. Семенова. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [до 1904]. – [аннот. илл. стор на рус. и фр. языках].
27. [№ 5] : [Крым] : Феодосия : Итальянская улица : открытое письмо / И. Вассерман. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1904].
28. [№ 18a] : Крым : Севастополь : памятник адмиралу Нахимову : открытое письмо / изд. кн. маг. Н. А. Вязнова. – Севастополь, [после 1904].
29. [№1 736/6] : Крым : [Гурзуф] : [вид на мечеть] : открытое письмо. – [Стокгольм] : [изд-во «Ернст Г. Сванстрем»], [после 1904]; [№ 19] : Привет из Крыма : Алупка : [мечеть и базар] : открытое письмо. – Москва : фототип. Отто Ренуар, [до 1904]. [№ 181] : Ялта : вид на старый город с мола : открытое письмо / изд. Дм. Николича. – [Б.м.], 1911. – [№ 10346].
30. [№ 113] : Крым : Алушта : пристань Р.О.П. и Т. : [открытое письмо]. – Стокгольм : акц. о-во «Гранберг», [после 1904]. – [аннот. илл. стор на рус. и фр. языках].
31. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства / А. Э. Гутнов. – М. : Стройиздат, 1984. – С. 12.
32. [№1 736/6] : Крым : [Гурзуф] : [вид на мечеть] : открытое письмо. – [Стокгольм] : [изд-во «Ернст Г. Сванстрем»], [после 1904]; [№ 19] : Привет из Крыма : Алупка : [мечеть и базар] : открытое письмо. – Москва : фототип. Отто Ренуар, [до 1904].

***Яшный Д. В.* Досоветские документальные открытки как источник по изучению утраченного градостроительного наследия Крыма (1895-1917).**

Рассмотрена методологическая основа использования досоветских документальных открыток в изучении утраченного градостроительного наследия на основе обширного корпуса крымских видов. Проведен анализ прямой и опосредованной историографии, ставшей основой для исследования: работ по урбанистической истории, истории видовых открыток, основам исследования утраченного градостроительного наследия. Определены основные дефиниции исследования и критерии их определения. Подняты вопросы о понятии «утраченное градостроительное наследие». Введена в научный оборот типология и классификация видовых открыток, которые могут быть использованы в изучении утраченного градостроительного наследия. На основе корпуса крымских документальных открыток, восстановлены основы функционирования, и сосуществования архитектурных элементов различных градостроительных периодов в городах полуострова на начало XX века.

Ключевые слова: утраченное градостроительное наследие, документальные открытки, культурное наследие.

Yashnyy D. Pre-Soviet Documentaries Cards As a Source For The Study Of Lost Urban Heritage Of Crimea (1895-1917).

The author examines the methodological basis of the use of pre-Soviet documentaries cards in the study lost urban heritage through an extensive body of Crimean species. The analysis of direct and indirect historiography, which became the basis for the study: works on urban history, the history of postcards, basic research of the lost urban heritage. The basic definition of the study and the criteria for their definition. Raised questions about the concept of «the lost urban heritage.» Introduced into scientific typology and classification of specific cards that can be used to study the lost urban heritage. On the basis of the body of the Crimean documentaries cards, restored basic operation and co-existence of different architectural elements of urban planning periods in the cities of the peninsula at the beginning of the twentieth century. Given the possibility of using postcards to promote the cultural heritage within the «visual turn in Science» with a visual «immersion» reader in the era of the early twentieth century. Appeal to the vast unexplored body graphic sources on the history of the urbanization of the peninsula in the early twentieth century, allows to identify the main trends in the development of urban development in the conditions of self-government of cities. The article is of interest to researchers in the field of source, historic urban planning, culture, historians and anyone who is interested in the history of the Crimea.

Key words: lost urban heritage, documentary postcards, cultural heritage.

Подано до друку: 17.05.2013 р.

Автори

Авсенёва Светлана Николаевна

магистрант кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Акімченков Віктор Володимирович

аспірант Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК

Ищенко Элеонора Сергеевна

аспірант кафедры истории Украины Таврического национального
университета им. В. И. Вернадского

Каліновський Володимир Віталійович

кандидат історичних наук, ст. викладач Національного університету
харчових технологій

Кармазина Наталья Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебно-методической
работе Университета экономики и управления, председатель Крымской
республиканской организации Украинского общества охраны памятников
истории и культуры

Леписевич Наталья Зеноновна

аспірант кафедры истории Украины Таврического национального
университета им. В. И. Вернадского

Локтионов Эдуард Юрьевич

студент исторического факультета Таврического национального
университета имени В. И. Вернадского

Ломакин Дмитрий Анатольевич

соискатель Крымского филиала Института востоковедения
имени А. Е. Крымского НАН Украины

Нагорняк Кирилл Иванович

магистр Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Непомнящий Андрей Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, руководитель Крымского
отделения Центра памятниковедения НАН Украины и УООПИК,
профессор кафедры истории Украины Таврического национального
университета имени В. И. Вернадского

Севастьянов Александр Валериевич

кандидат исторических наук, и. о. доцента кафедры социальных и гуманитарных наук РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Сейт-Маметов Шукри Энверович

аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Соколов Андрей Андреевич

здобувач Центру пам'яткознавства НАН України та УТОПК

Хлівнюк Олександр Віталійович

кандидат історичних наук, директор КРУ «Науково-дослідний центр пам'яткоохоронних досліджень Автономної Республіки Крим»

Холонина Мария Алексеевна

студентка исторического факультета Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Яшний Денис Володимирович

аспірант Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПК

Вимоги до оформлення матеріалів

Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК запрошує до співпраці науковців, дослідників проблем теоретичного й практичного музеєзнавства та пам'яткознавства. Однією з форм такої співпраці є друкування результатів індивідуальних або колективних студій із задекларованого напрямку в фаховому збірнику наукових праць “Праці Центру пам'яткознавства”.

Оформлені згідно вимог ВАК України до публікацій у фахових виданнях (структура, науковий апарат тощо) матеріали (*роздрук (бажано) і електронну версію (обов'язково)*) прохання надсилати на поштову чи електронну адресу Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, або передати особисто до редакції (адреси вказані на стор. 2 цього збірника).

УВАГА! Без електронної версії матеріал друкуватися не буде!

Лише у виняткових випадках (узгоджених із редакцією) можливе подання матеріалу лише на паперовому носії, але чітко надрукованого, без рукописних вставок, виправлень, закреслень тощо.

Обсяг матеріалу – до 0,75 авт. арк. (до 30 тис. знаків із пробілами).

Інформацію про автора (авторів) необхідно вмістити перед заголовком дослідження без скорочень за таким алгоритмом: *прізвище, ім'я (повністю), по-батькові (повністю); наукова ступінь, наукове звання; посада й місце роботи – обов'язково (для непрацюючого пенсіонера – науковий фах); електронна адреса (обов'язково (за відсутності такої вказати поштову адресу); телефон (бажано).*

Електронну версію надавати на будь-якому з оптичних або цифрових носіїв. На e-mail бажано надсилати в заархівованому вигляді (архів із розширенням *.rar або *.zip).

УВАГА! Архів має бути звичайний, без формату саморозпакування!

КІНЦЕВИЙ ТЕРМІН ПОДАННЯ МАТЕРІАЛІВ ДО ДРУКУ В ПОТОЧНОМУ ВИПУСКУ ЗБІРНИКА (DEAD LINE) – 31 березня (для весняного випуску), **31 жовтня** (для осіннього випуску). Матеріали, що надійдуть до редакції після вказаного терміну, будуть включені до формування наступного випуску за поточним. Усі матеріали, що не відповідатимуть даним вимогам до оформлення, будуть відхилятися без застереження. Як виняток, авторів (авторам) буде запропоновано самостійно дооформити надісланий матеріал, але з умовою виконати це не пізніше визначених термінів подання матеріалів до друку.

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ ЕЛЕКТРОННОГО ВАРІАНТУ:

– **текст**

виконаний у будь-якому текстовому редакторі чи процесорі, але *збережений у форматі звичайного тексту **виключно** із розширенням *.txt (режим блокнота)*; гарнітура Times New Roman (розмір кеглю, міжрядкового інтервалу значення не має)

– *науковий апарат*

ПОСИЛАННЯ, ЗАУВАЖЕННЯ, ПРИМІТКИ – *винятково післятекстові* з нумерацією за зростанням (гарнітура Times New Roman Cyr; індекси посилань у тексті у квадратних дужках звичайними цифрами (напр.: [15] тощо) **УВАГА! В одних дужках має бути лише один номер посилання; у тексті посилання – одне чи кілька джерел (або текст зауваження чи примітки).** Текст посилань наприкінці тексту посилання оформляти згідно вимог ВАК України – див.: Бюлетень ВАК України, № 3 за 2010 р. (для архівних джерел) та № 10 за 2007 р. (для друкованих джерел)

– *графіка:*

ІЛЮСТРАЦІЇ – у режимі “градації сірого” (тобто чорно-біле зображення), окремим файлом кожна, на тому ж або окремому носію; розширення 200 dpi, формат *.JPEG або *.TIFF, розмір 10.15 см (де 10 см – базова (менша) сторона, інша сторона – за пропорціями)

ТАБЛИЦІ, СХЕМИ, ДІАГРАМИ – у вигляді графічного файлу або віртуального роздруку у форматі *.pdf у масштабі 1:1, максимальна ширина зображення – 10 см

УВАГА! Максимальна кількість ілюстрацій (рисуноків (малюнків), світлин) разом – 8 позицій!

Максимальна кількість іншої графіки (таблиць, схем, діаграм тощо) – разом – 10 позицій!

Згідно з вимогами ВАК України до фахових видань, ОБОВ'ЯЗКОВОЮ УМОВОЮ для публікації Вашого матеріалу є наявність УДК, а також анотацій і ключових слів українською, російською й англійською мовами (до 400 друк. знаків кожна; переклад прізвища, ініціалів автора та заголовку публікації обов'язковий).

Приклад оформлення матеріалів для друку у виданнях Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК можна знайти на сайті «Відлуння віків» (<http://pamjatku.org.ua>; закладка «Центр пам'яткознавства» (відповідне гіперпосилання наприкінці тексту)).

ПРАЦІ ЦЕНТРУ ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВА

Збірник наукових праць

Випуск 23

Редактори

А. А. Непомнящий, Н. В. Кармазіна

Коректура виконана авторами матеріалів, уміщених у збірнику

Комп'ютерна верстка: Д. Л. Штогрін

Використані фотографії Віталія Єременко

Редакційна колегія збірника залишає за собою право на стилістичне, лексичне, орфографічне та пунктуаційне редагування матеріалів.

Надані авторами рукописи не рецензуються і не повертаються. Листування з авторами на сторінках збірки не ведеється. За достовірність фактів, посилань, приміток, коментарів відповідає автор (автори) публікації.

Редакція не завжди поділяє точку зору автора (авторів) публікацій.

Адреса редакції

вул. Івана Мазепи, 21, корп. 19, м. Київ, 01015, Україна

тел. +380 (44) 2807879, тел./факс +380 (44) 2806463

e-mail: zp_vydannja@ukr.net

Видано Центром пам'ятокознавства НАН України і УТОПК
(Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції серія ДК № 2429 від 07.02.2006 р.)
вул. Івана Мазепи, 21, корп. 19, м. Київ, 01015, Україна
тел./факс: +380 (44) 2807879, e-mail: m-center@ukr.net

Науковий збірник "Праці Центру пам'ятокознавства" внесений
до переліку фахових видань з історичних наук та мистецтвознавства
(Постанова Президії ВАК України від 08.06.2005 р. № 2–05/5)

Видано за фінансової підтримки
Українського товариства охорони пам'яток історії та культури

Віддруковано з готового оригінал-макету в поліграфцентрі «КУБ»
95000, м. Сімферополь, пр. Кірова, 82. Тел. 050 4971790

Підписано до друку 20.06.2013 р. Формат 84x108/32. Папір офсетний.

Друк цифровий. Гарнітура Times New Roman.

Ум.-друк. арк. 12,18. Обл. вид. арк. 13,92. Зам. № 156.